Г. З. Апресян

ОРАТОРСКОЕ ИСКУССТВО

ИЗДАНИЕ ТРЕТЬЕ,
ПЕРЕРАБОТАННОЕ
И ДОПОЛНЕННОЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКОВСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА
1978

Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Московского университета

Рецензенты:

заслуженный деятель науки,
доктор философских наук,
профессор *А. Я. Зись*,

доктор философских наук,
профессор
И. Д. Панцхава

Апресян Г. З.
Ораторское искусство. М., Изд-во Моск. ун-та, 1978.
280 с.

Новое издание монографии переработано и дополнено автором. Написаны новые главы и параграфы. Монография обогащена материалами из истории ораторского искусства. Автором уделено особое внимание роли лекторского мастерства, содержанию и формам ораторского искусства, первичной и вторичной информативности, ораторскому искусству как общению и др. Монография написана на основе марксистско-ленинской методологии.

Книга содержит ценные советы, снабжена необходимой библиографией, написана в живой форме, рассчитана на преподавателей, лекторов и всех интересующихся историей и теорией красноречия.

$A\frac{10501-067}{077(02)-78}$ БЗ № 76—16—77

© Издательство Московского университета, 1978 г.

Предисловие к третьему изданию

Подготавливая новое издание «Ораторского искусства», приятно было чувствовать моральную поддержку не только ученых-специалистов, но и читателей, интересующихся красноречием. Помимо рецензий, аннотаций, статей, появившихся в печати, читательские письма много способствовали работе над новым изданием книги.

Таковы, например, «замечания и пожелания» писателя Виктора Ардова (Москва) и сотрудника Ереванского научно-исследовательского педагогического института, писателя Рафаэла Атаяна. Письмо режиссера, актера и преподавателя Ташкентского театрально-художественного института, кандидата искусствоведения С. Иномходжаева; письма Ф. П. Мачаловой, ведущей курс «Мастерство публичного выступления» в Свердловской высшей партийной школе, и доцента кафедры философии Владивостокского госуниверситета М. С. Суркина, как и другие читательские отклики, свидетельствуют о глубоком интересе к ораторскому искусству и желании поднять его на новый уровень коммунистической идейности и в особенности мастерства.

Поддерживая необходимость обстоятельного исследования природы и общественного призвания искусства публичного слова, авторы писем уточняли некоторые положения нашей книги, сообщали об интересных случаях устно-пропагандистской практики. Читатели рассказыва-

ли в письмах о том, какие проблемы по их мнению, нуждаются в углубленной разработке. На читательских конференциях обращалось внимание на анализ современного ораторского искусства, новейших исследований лекционной пропаганды и ее методики.

Чем же отличается новое издание «Ораторского искусства» от предыдущего?

Данная книга значительно дополнена фактическим материалом как прошлого, так и нашего времени. Более развернута историческая часть книги, теперь состоящая уже не из одной, а из двух глав, в которых делается попытка периодизировать историю ораторского искусства. Мы стремились полнее осветить мастерство ораторов революционного и послереволюционного времени в нашей стране, последовательно применяя принцип историзма, диалектический метод разбора исторического и логического в их единстве.

В новом издании книги, особенно в ее третьей — шестой главах, значительнее выявлены эстетические аспекты красноречия. Введены не применявшиеся в первых изданиях нашей книги понятия: классическая риторика, информативность первичная и вторичная, субъективные черты ораторской речи и другие. Аудитория рассматривается в нескольких аспектах: как временная микро-социально-психологическая общность, как объект-субъект красноречия, как необходимая основа живого общения в ораторском искусстве; суть общения также раскрыта полнее и предметнее. Значительно шире, чем в прежних изданиях, разбираются психологический и этический аспекты в ораторском творчестве. Особо анализируется понятие убедительности ораторской речи, современной устной пропаганды.

Известно, что категориальная система в любой сфере научного познания — важный признак его развития и совершенствования. Этот процесс особенно динамичен и результативен в условиях современной научно-технической революции, влияние которой сказывается во всех областях теории и практики, и даже в такой специфической сфере, как художественное творчество. Естественно, теория красноречия или ораторoведение в данном случае не может составить исключения.

Кстати говоря, введенные нами еще в первом издании книги термин «ораторoведение» некоторыми читателями был встречен скептически. Не всеми было при-

нято положение о том, что «всякая публичная речь прежде всего информативна»; слышались возражения против терминов «ораторство», «сиюминутность» и «ситуационность» в публичном выступлении, а также других введенных нами понятий. Это свидетельствует о необходимости развития теории красноречия. Такая работа диктуется дальнейшим совершенствованием всех форм советского ораторского искусства, в особенности его методологии и повышения эффективности каждой публичной речи.

Какую широчайшую и разнообразную информацию несли в массы лекции? Какая богатейшая практика социалистического созидания была освещена, оценена и обобщена в публичных выступлениях наших пропагандистов и сколько тем и проблем разрабатывались или же просто выдвигались в них? Мы уже не говорим об огромных массах слушателей этих лекций.

Приведем некоторые факты и цифры. «Ежедневно в нашей стране читается более 60 тысяч лекций, а общее их число за год превышает 22 миллиона, охватывая громадную аудиторию — около миллиарда слушателей... Более чем двухмиллионный отряд лекторов-общественников ведет активную пропаганду знаний по всем разделам науки, техники и культуры, вносит весомый вклад в дело коммунистического воспитания трудящихся, мобилизацию их усилий на успешное завершение пятилетки» («Выступает лектор». Передовая статья «Правды», 24 июля 1975 г.).

Приведем еще одну цифру. За 1976 г. только организациями Всесоюзного общества «Знание» в нашей стране было прочитано 25 миллионов лекций. Приведенные факты впечатляющи. Следовательно, есть богатейший материал и для конкретно-социологических исследований, и для теории идеологической и культурно-массовой работы, и для психологической науки. Бесспорно одно: требования к советскому ораторскому искусству, предъявляемые нашей партией, советской общественностью, все более растут.

Формулируя основные задачи идеологической работы, Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев в Отчетном докладе XXV съезду партии говорил: «Рост сознательности и информированности народа предъявляет повышенные требования всей нашей работе в массах». При этом Л. И. Брежнев особо подчеркнул, что

«в области идейного воспитания большое значение имеет **политическое просвещение**» [11, с. 74]. Оно всегда, на всех этапах истории нашей партии было ведущим в ее агитации и пропаганде, в ее идеологической деятельности. Первым, кто возглавил эту работу, кто научно обосновал цели политического просвещения широких народных масс, был Владимир Ильич Ленин. Какую роль она играла в революционном развитии нашей страны, общеизвестно.

Опираясь на исторические завоевания социализма, политическое просвещение имеет первостепенное значение для целей развитого социализма, о котором говорил Л. И. Брежнев на XXV съезде КПСС. Следует особо отметить, что роль ораторского искусства при социализме также возрастает. Главным условием его дальнейшего развития и совершенствования является органическая связь всех его видов и форм с жизнью, с коммунистическим строительством. И, разумеется, дальнейшее развитие советского ораторoведения — теории красноречия или искусства публичного слова — в данном случае исключения не составляет и составлять не может. К теории и практике ораторского искусства всецело относятся следующие слова Л. И. Брежнева: «Схоластическое теоретизирование может лишь тормозить наше движение вперед. Только связь с практикой может поднять эффективность науки, а это сегодня — одна из центральных проблем» [11, с. 73].

В постановлении ЦК КПСС от 31 января 1977 г. «О 60-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции» говорится: «Развитой социализм знаменует высокую степень зрелости всей системы общественных отношений, постепенно перерастающих в коммунистические... Развитой социализм — это сегодня высшее достижение социального прогресса» («Правда», 1 февраля 1977 г.). Ясно, что советское ораторское искусство, будучи острейшим идеологическим орудием и вместе с тем фактором большой духовной культуры вообще, призвано более активно и эффективно содействовать социальному прогрессу в нашей стране, одновременно совершенствуясь во всех своих видах и формах.

Автор

Глава первая

Классическая риторика и ее исторические судьбы

1. АНТИЧНАЯ РИТОРИКА И ЕЕ ТЕОРИЯ

Ораторское искусство стало значительным общественным явлением, достигшим высокого уровня еще в древнем мире: Египте, Ассиро-Вавилонии, Индии, Китае. Известно, что жрецы были искусными ораторами, всемерно культивировалось официальное и особенно церемониальное красноречие в придворных кругах китайских царств, хорошо владели тайнами науки слова индийские любомудры. Однако именно Древняя Греция признается родиной красноречия, где начинает складываться его теория. Наряду с эпосом, лирикой, драмой, ваянием, музыкой и зодчеством риторика признавалась нужным и сложным творчеством. Она считалась даже «царицей искусств» — настолько сильно было ее влияние на решение государственных дел, настолько эффективно она воздействовала на чувства и умы людей.

Называя красноречие (риторику) искусством, древние греки, однако, вкладывали в это понятие конкретное и определенное содержание. К V в. до н. э., когда вполне сложилась культура ораторской речи, когда ясно осознавались ее виды, стало оче-

видно, что задача оратора троякая: разъяснять (что-то), побуждать (к определенному мышлению, решению, а тем более действию) и доставлять слушателям удовольствие. Причем «услаждение слушателей» свежей или смелой мыслью и благородными чувствами, например добра и справедливости, гражданского долга и патриотизма, считалось особенно важной задачей оратора.

Период, наступивший после греко-персидских войн, то есть середина пятого столетия до н. э., в Греции ознаменовался значительным общественным подъемом и быстрым ростом культурной жизни. Развивались не только естественные науки, особенно астрономия, математика, биология; активизировалась философская мысль в целом. Началась разработка проблем диалектики, этики и эстетики, грамматики и логики. Расцветали искусство, в особенности архитектура и скульптура, театр Эсхила, Софокла и Эврипида, а также комедиографа Аристофана. Афины, фактически ставшие центром древнегреческой культуры, задавали тон во всех сферах социальной жизни, определяя главные направления общественной мысли. В этих условиях развивалось и совершенствовалось красноречие. И, конечно, не случайно, что его выдающиеся мастера — Динарх, Гиперид, Горгий, Исократ, Исей, Эсхил, Филократ и особенно Демосфен — были видными общественными и государственными деятелями.

Греческие риторы мастерски владели правилами и формами устной речи, законами логики, особенно суждений и доказательств. Они умели внушать свои мысли и чувства массе людей, нередко побуждая их к практическим действиям. Каждый из этих ораторов немало потрудился над тем, чтобы красноречие стало острым оружием идеологии и политической борьбы. А она нередко вспыхивала между различными группировками аристократии рабовладельческого общества.

Красноречие, «духовное детище демократии», особой искусности достигло усилиями софистов, точнее, «старших софистов» (V в. до н. э.), которые отличались критицизмом и находчивостью в словесных баталиях, развивали искусство спора, мастерство доказательства и заметно подняли культуру рационалистического мышления, в частности формально-логической культуры. Главной их целью были вопросы познания: их

верное толкование и решение, и делались попытки сблизить философию с риторикой. Искусство слова они считали наукой воздействия на людей.

Наиболее видный из софистов, идеолог рабовладельческой демократии и политический деятель Протагор из Абдеры (481—411 гг. до н. э.), активно разрабатывал теорию риторики. Придавая первостепенное значение слову в ораторском искусстве, он считал необходимым изучение языка и разработку вопросов грамматики. Относя риторику к «гражданскому искусству», он намеревался с его помощью «сделать людей хорошими».

Проблемами ораторского искусства также занимался другой представитель софистики, по некоторым данным, ученик Демосфена, Горгий из Леонтин в Сицилии (ок. 483—375 гг. до н. э.), видный оратор. Он выступал против догматики и написал специальный учебник риторики (не сохранившийся). Он, как и Протагор, существенное значение придавал языку как важному средству ораторского искусства. Горгий особо указывал на всепокоряющую силу слова, говорил о его способности проникать в человеческую душу.

Но софистическая система суждений и их словесного воплощения сложилась как совокупность преднамеренно используемых в полемике неправильных доводов. Софисты искусно подменяли одно понятие другим, не останавливаясь перед тем, чтобы закономерность одной категории (ряда) явлений применять к совершенно другим предметам и явлениям. Для сторонников такой системы была важна не столько искомая истина, сколько видимость доказательности своих умозаключений и утверждений, а нередко просто словесная виртуозность. Не удивительно, что эта система превратилась, особенно у реакционных софистов IV в., «в игру» понятиями, в «искусство» вводить в заблуждение, черное выдавая за белое, а белое — за черное. Для софистики в позднейшее время стало характерным злоупотребление «гибкостью понятий, истолкованной субъективно и направленной против подлинного знания» [35, 1, 103] [1].

[1] Здесь и далее первая цифра в скобках означает порядковый номер, под которым цитируемое произведение значится в списке литературы, помещенной в конце книги, вторая цифра — страницу цитируемого труда. В тех случаях, когда автор цитирует сочинения, вторая цифра в скобках означает соответствующий том, а последующие — страницы.

Ясно, что негативный смысл, который со временем был вложен в понятие «софистика», более чем оправдан. Но, стоя на почве исторической конкретности и реальных фактов, нельзя отрицать определенную роль софистов, особенно «старших», в развитии риторики, в частности такой трудной ее формы, как словесная полемика.

Выдающимся мастером академических бесед-диалогов был Сократ (469—399 гг. до н. э.). Именно Сократ изобрел «иронию» как способ критического отношения к догматике, как острое оружие философии. Цель такой иронии — прежде всего воспитание людей. Маркс и Энгельс положительно оценили сократовскую иронию, рассматривая ее как форму, свойственную именно философскому отношению к действительности, в частности к обыденному сознанию. Сократовская ирония сделала диалог острым, неизменно будящим мысль.

Ученик Сократа, Платон, значительно поднял искусство диалога, сделав его совершенной формой устно-публичного изложения самых сложных мыслей, положений и идей.

Принято считать, что платоновские диалоги — это своего рода философские драмы, состоящие из ярких художественных образов, глубоких по своему содержанию и предельно отшлифованных по форме. Строго логично построенные, имеющие «свою сверхзадачу» (Станиславский), то остроумные или же проникнутые иронией, то по внешнему впечатлению загадочные, как бы ребусообразные, эти диалоги неизменно возбуждают повышенный интерес к предмету беседы (спора) и неуклонно ведут слушателей к нужной цели. Несомненно, Платон обогатил живую публичную речь приемами и формами полемики, яркой выразительностью языка, в частности иносказаниями и метафорами. Он намного усилил логику речи, ее смысловую емкость.

Было бы неправильно рассматривать его диалогические сочинения только в связи с ораторской практикой. Несомненен его вклад и в теорию красноречия. И здесь в первую очередь должен быть назван известный труд — «Теэтет», в котором диалогическая форма устного изложения сложнейших положений философии доведена до совершенства, поразительной пластичности, исполненной динамики. Но в данном случае это платоновское сочинение нас занимает лишь в связи с тол-

кованием сущности красноречия и обоснованием некоторых важных принципов и теоретических положений.

Существенно отметить, что почти во всех частях этой книги Платон, главным образом устами своего учителя Сократа, высказывает различные соображения об ораторском искусстве. Красноречию он придавал весьма серьезное значение, неизменно рассматривая его в связи с вопросом о мудрости и о постижении истинного познания. Тема мудрости — она же добродетель — занимает главенствующее место в сочинении Платона. Говоря о мудрецах, «сильных словом», и о «побитых в споре», обязанных безоговорочно покориться своей судьбе [54, 72], философ тем самым подчеркивал значение словесного мастерства. Вместе с тем он осуждал «пустословие», «льстивые речи», тех, кто «своей речью заискивает перед народом» [54, 55]. Платон с презрением говорил о человеке, «который безмерно растягивает свою речь по лености ума, никого не способен убедить...» [54, 132]. Мыслитель особенно осуждал и тех, кто способен вступать «в спор за плату». Такой оратор «будет осаждать твой слух и обоняние и все прочие твои чувства, с жаром опровергая тебя, и не отпустит тебя, пока ты, подавленный многожеланной мудростью, не попадешь к нему в сети и не откупишься от него деньгами по обоюдному соглашению» [54, 69]. Платон считал бесчестностью смешение «словопрений», то есть пустословия, и «серьезной беседы». В первом «допустимы и шутка, и в определенных границах обман, но в серьезной беседе следует быть серьезным и направлять своего собеседника на истинный путь...» [54, 69].

Особенно критически Платон относился к судебным ораторам. Устами того же Сократа автор «Теэтета» говорил: «...ныне меня особенно одолевает мысль о том, сколь представляется естественным, что люди, долгое время занимавшиеся философскими исследованиями, кажутся смешными, когда выступают перед судом и подобным учреждением, по сравнению с посвятившими себя философии или другой подобной науке представляются мне занимающими такое положение, как рабы в отношении свободных». Такое рабство, по словам философа, лишило иных молодых людей «порыва к величию, прямоте и независимости»; они вынуждены обращаться ко лжи, обходя «справедливости и истины... Им

не позволяется говорить, что они желали бы» [54, 80].

Таким образом, очевидна этическая направленность платоновских суждений о красноречии. Оно должно быть деловым, а не пустословным, неподкупным, честным и высоконравственным; оно не должно делать людей «рабами речей», а убеждать слушателей, приобщая их к знаниям. Наконец, утверждал Платон, красноречие вообще должно быть свободным: говорящий публично должен вольно говорить о том, что он желает и что, по его убеждению, служит истине.

Однако платоновское толкование смысла искусства красноречия этими суждениями не исчерпывается. Оратора (ритора) он уподоблял врачевателю. Врач, говорил он, изменяет положение (больного) лекарствами, а софист — рассуждениями. Или: «...Земледельцы в случае заболевания растений заменяют у них дурные ощущения хорошими, здоровыми и вместе с тем также истинными, а мудрые и хорошие ораторы то же делают в отношении государства, так как им кажется справедливым хорошее, а не дурное» [54, 88].

Учтя именно общественную сущность ораторского искусства, он с неприязнью относился к «словопрениям и болтовне». Конечно, вряд ли можно безоговорочно принять тезис автора «Теэтета» о том, что все судебные ораторы в его время не могли говорить то, что они считали нужным. Суд также являлся общественной трибуной, на которой порою сталкивались различные идеологические концепции и политические убеждения. Поэтому и среди судебных ораторов, как, впрочем, впоследствии подтверждает сам же автор «Теэтета», были принципиальные и честные. В приведенных платоновских положениях важно то, как высоко мыслитель ставил роль красноречия и личность оратора в общественной жизни.

Повторяем, Платон отождествлял оратора и мудреца, следовательно, считал, что риторика есть орудие формирования правильного общественного мнения, знания и достижения истины. Весь «Теэтет» и посвящен разбору того, что такое истинное и ложное мнение, мысль и заблуждение; что понимать под словами «знать» и «знание» и т. д. Платон утверждал: «...Иметь истинное мнение прекрасно, а заблуждаться постыдно» [54, 145]. Не касаясь того, как автор «Теэтета» раскрывал суть этих понятий, в своей совокупности со-

ставляющих важные элементы гносеологии и логики Платона, нужно подчеркнуть, что их он рассматривал в связи с толкованиями сущности красноречия, и уже одно это дает основание говорить о том большом значении, которое он придавал риторике. Согласно концепции Платона, оратор должен мыслить только истинно, поэтому он должен обладать знанием и уметь убеждать людей. А это уже есть искусство. «Как? Какое искусство?» — спрашивает любознательный Теэтет. — «Искусство гигантов мудрости», — устами Сократа отвечает Платон. — «Их называют ораторами и судебными деятелями. Они умеют убеждать с помощью своего искусства, но не путем просвещения знанием, а путем внушения слушателям желательного для себя мнения» [54, 145].

Правда, как видим, автор разбираемой книги различает «просвещение знанием» и «внушение слушателям» ораторского мнения. Бывает ведь и ложное мнение или же мнение в корыстных интересах. Платон же считал, что оратор — носитель просвещения. Но он был не прав, противопоставляя внушение своего мнения истинному знанию.

Во-первых, не всякое внушение способствует познанию, все дело в том, что и как внушается. Во-вторых, неправомерно подменять убеждение внушением, ибо во всех случаях предпочтительнее убеждать людей, добиваться того, чтобы получаемые ими знания определяли их поведение и, главное, превращались в практическое действие.

Мы не исчерпали всех высказываний об ораторском искусстве в «Теэтете», «Горгии» и «Софисте» Платона. Но и приведенных достаточно, чтобы ясно представить его понимание смысла красноречия, его места в общественной жизни. В платоновских суждениях о риторике важно прежде всего то большое и серьезное значение, которое он придавал ораторскому искусству как общественному явлению, как средству знания и воспитания мудрости и добродетели. Несмотря на кажущуюся разрозненность, а кое-где и фрагментарность платоновских мыслей о красноречии, есть основание сказать, что перед нами достаточно определенная система. В ней в какой-то мере обобщен опыт античной риторики и, несомненно, осмыслена собственная практика «академических» бесед Платона с учениками.

И чтобы верно оценить его роль в развитии красноречия, особенно в его наиболее доходчивой форме, диалоге, следует иметь в виду тот авторитет мыслителя, которым пользовался Платон не только при жизни. Выдающийся античный мыслитель-идеалист, автор не одного оригинального труда, оставивший большой след в истории общественной мысли, Платон занимает видное место также в развитии риторической культуры.

Небывалый расцвет культуры и особенно рост общественной значимости и популярности античного ораторского искусства связан с именем Демосфена (р. прим. в 384 г., ум. в 322 г. до н. э.). Еще в молодые годы увлекшись красноречием, пренебрегая насмешками над своим физическим недостатком — косноязычием, Демосфен неутомимым и упорнейшим трудом добился общественного признания своего ораторского мастерства, а главное — роли в решении общественных дел. Именно он, а не кто-либо другой стал звездой первой величины в ораторской элите, воплотил в своем творчестве великое мастерство античного публичного слова. Демосфен сумел превратить общественную трибуну в плацдарм идеологической и политической борьбы.

До наших дней дошли его выступления: 61 текст речей, 56 «вступлений» к речам и несколько писем. Некоторые его речи, например «О преступном посольстве» и «За Ксенофонта о венке», имеют по сто с лишним страниц. Это значит, что не два-три часа, а больше длились эти речи, привлекая внушительную массу людей. При этом нужно принять во внимание то, с какой торжественностью обычно обставлялись такие речи, скажем, в сенате, в какой обычно напряженной, а нередко накаленной атмосфере выступал оратор, имея чаще всего явных противников. Следует учесть также и то, какое значение придавалось внешним эффектам и вообще атрибутам публичной речи, в которой многообразная жестикуляция, ораторская поза, патетика и, конечно, модуляции в голосе сильно возбуждали страсти людей. Ясно, что такое публичное выступление не обходилось без зрелищных элементов или моментов.

Речи Демосфена насыщены разнообразным фактическим материалом, содержат немало личных наблюдений и подмеченных в гуще жизни характерных деталей. В редких случаях оратор обходился без лаконичной и временами образной характеристики людей, их

поступков и намерений. Некоторые оценки людей и описания событий, даваемых Демосфеном в речах, воспринимаются как типизации по законам художественных обобщений. В своих судебных речах Демосфен нередко становился бытописцем, от взора которого, казалось, не ускользала никакая мелочь. То иронизируя над незадачливыми людьми, то изобличая падение нравов, Демосфен-оратор предстает перед общественностью не только как нравоучитель, но и как общественный судья и политический лидер. Находчивый полемист и глубокий психолог, Демосфен умел в любой ситуации заставить выслушать себя до конца.

Не блиставший в судебных речах, которыми он начал свою ораторскую практику в качестве адвоката, Демосфен особенно известен своими политическими выступлениями, чаще всего направленными против захватнических войн македонского царя Филиппа II. В этих речах Демосфен не просто адвокат или обвинитель, но политический деятель, патриот и трибун, последовательно и упорно ратовавший за мир и благо своего народа. В таких выступлениях Демосфен часто вспоминал «достославных» предков-афинян, призывая чтить их память и следовать их былым гражданским подвигам. Оратор призывал слушателей к чувству и чести гражданина свободной республики. Смелые и памфлетные по своему стилю, исполненные гнева и патриотического достоинства, эти речи вдохновляли афинян на подвиги в ратных делах, оставили глубокий след в духовной жизни афинского государства, вошли в историю политической борьбы под нарицательным названием «филиппики».

Показательно, что Демосфен свои речи обычно начинал словами: «Граждане афиняне!». Прямым обращением к «гражданам» афинский трибун пользовался умело. Так, например, имея в виду угрозы со стороны вероломного македонского царя и учитывая возникшую в этой связи нелегкую ситуацию, а также обобщая некоторые свои соображения о реальной возможности отпора врагу, Демосфен в одной из филиппик говорил: «Итак, прежде всего не следует, граждане афиняне, падать духом, глядя на теперешнее положение, как бы плохо оно ни представлялось» [28, 46]. И через некоторое время, снова произнося: «граждане афиняне», оратор напоминал о патриотических обязанностях каж-

дого из них перед возникшей внешней опасностью. Подразумевая нерешительность или даже медлительность во влиятельных кругах общества, Демосфен уже в тоне, взывающем к патриотическим чувствам, полуспрашивал-полувосклицал: «Так когда же, когда, наконец, граждане афиняне, вы будете делать что нужно?» [28, 48].

Частое обращение античного оратора к «гражданам афинянам», мгновенная реакция темпераментной, если не сказать экзальтированной, массы людей являлись испытанными приемами психологического воздействия оратора на аудиторию. Такие приемы красноречия держали слушателей в напряжении, в состоянии сотворчества, а порою единомыслия, активизировали мышление собравшихся.

Он не оставлял без ответов никаких реплик в свой адрес, не терялся, когда политические страсти разгорались и атмосфера накалялась. Быстро и эффектно он парировал крики и пререкания. «Прошу не поднимать шума, — обращался он к собравшимся, — слушайте, как подобает людям». В таком обращении, пожалуй, не столько просьба, сколько приказание. Оно исходило от его глубочайшей убежденности в собственной правоте и, конечно, сознания своего личного влияния на общественное мнение.

Для усиления общественного внимания к произносимой речи и вовлечения слушателей в творческую, размышляющую и переживающую атмосферу Демосфен охотно использовал прием риторического вопроса. Например: «К чему это я говорю? — для того, чтобы...». Или: «Что же именно? — Это то...». В некоторых случаях оратор как бы забрасывал своих слушателей вопросами, оставляя их безответными, на размышление аудитории. Пользуясь вопросно-ответным приемом, то есть фактически диалогической формой, Демосфен драматизировал собственную речь, как бы воссоздавая живую картину характеризуемых им событий, и тем самым воздействовал на собрание в образной форме. Диалогический прием оратор временами дополнял рассказами, иногда ссылаясь на игру Федора, Аристодема и других популярных в его время актеров (исполнителей первых ролей). А в патетических местах речи оратор декламировал стихи трагиков — Эврипида, Софокла и других известных поэтов античного мира.

Излюбленным ораторским приемом Демосфена было восклицание, например утвердительное: «Хорошо!», «Отлично!». Но он восклицал и при отрицании: «Нет, никогда!» — в категорической форме, или: «Нет, нет, о все боги!», или же: «Но это не так, да, не так!» — двойное отрицание. Демосфен пользовался также другими формами того же отрицательного восклицания: «Да нет же!» или: «Ничуть не бывало!» Оратор применял также восклицание-вопрос. Например: «Кто бы мог подумать, что это случится?» или: «И после этого вы еще спрашиваете, почему дела государства все решительно пошли прахом?». И так далее. Не нужно обладать большим воображением, чтобы представить, как такие варьируемые восклицания, да еще произносимые в различных интонациях — в соответствии с конкретной ситуацией или настроением собравшихся, — должны были в одних случаях эмоционально активизировать ораторскую речь, в других — интриговать слушателя или помочь ему яснее осознать характеризуемое явление.

Большое впечатление на слушателей производили клятвы Демосфена или его призывы к богу (богам). Так, например, как бы прерывая плавное течение собственной речи, оратор произносил: «Нет, клянусь Зевсом» или: «Клянусь богами, я выскажу вам откровенно всю правду и ничего не утаю». В речи «О делах в Херсонесе» Демосфен обращался к собравшимся с такими словами: «Уж разрешите мне, ради богов, когда дело идет о наилучших мерах для государства...». Он клялся Зевсом и всеми богами афинян, он молил всех богов и богинь — «Да помогут все боги!» — поддержать его в достижении правды, истины и нужных Афинам свершений. Временами оратор как бы призывал к коллективной клятве: «Клянемся Зевсом». В редких случаях Демосфен не обращался к авторитету богов. Взывание к ним было приемом, как можно судить по текстам его речей, психологического воздействия на собравшихся, почитавших своих богов. Он, очевидно, был рассчитан и на внешний эффект, которому античная риторика придавала немаловажное значение.

Речи Демосфена аргументированы, ясны по изложению; фразы в них, как правило, краткие, исполненные патетики и страсти. Сравнения, метафоры и другие речевые элементы, о которых говорилось выше, усиливали

впечатляемость демосфеновских выступлений. Сильная выразительность его речей, исполненная глубокой и всегда общественно важной и нередко злободневной мысли, не могла не возбуждать людей. Успех речей Демосфена, уверенного, неподкупного и смелого, определялся также их интонационной гибкостью, хорошо отработанной жестикуляцией и продуманным во всех отношениях артистическим поведением на трибуне. Эти характеристики базируются не только на анализе его речей, но и на свидетельствах античных авторов и позднейших исследователей его ораторского искусства.

Демосфен был далеко не безразличен и к теории риторики: развил ряд принципиально важных мыслей о сущности красноречия и личности оратора. В некоторых публичных выступлениях он как бы отступал от прямой их темы, говоря о риторике как об ответственном деле, достойном исключительного общественного внимания и серьезного отношения. Так, например, в речи «О мире» Демосфен говорил о своей «политической и ораторской деятельности» как об определенном единстве. Он не представлял красноречия вне политики и общественных интересов, свое же ораторское искусство рассматривал как острейшее оружие политической, по существу патриотической, деятельности. Демосфен постоянно говорил о принципах и правилах своего красноречия. В речи «О делах Херсонеса» он утверждал, что оратор не может руководствоваться враждой к кому-либо или желанием льстить кому бы то ни было, что всякий оратор должен высказывать то, что считает наилучшим. Он осуждал демагогические речи, а также выступления, обнаруживавшие угодничество, отмечал, что не должно быть разрыва между речью оратора и его практической деятельностью. Не только наши речи, подчеркивал он, но и наши свершения должны быть достойными предков. Лживые речи, говорил Демосфен в своем выступлении «О распространении средств», весьма вредны для государства. Всякая ораторская речь, утверждал он, должна соответствовать гражданскому достоинству говорящего. «Не слова и не звук голоса составляют славу оратора, а направление его политики», подразумевая под «политикой» те цели, к которым стремился оратор своей деятельностью.

Таким образом, Демосфен подчеркивал взаимосвязь (единство) красноречия и политической деятельности, а

значит, социальную направленность красноречия. Он вместе с тем обосновывал определенные морально-этические принципы и нормы, которыми должны руководствоваться те, кто пользуется публичной речью. Эти положения великого оратора древности не потеряли своего смысла и значения для нашего времени, хотя они и сформулированы идеологом рабовладельческого общества, с учетом конкретных условий его развития.

Известно, что на демосфеновских речах учились ораторы разных поколений не только Эллады, но и далеко за ее пределами, особенно в Риме. Демосфен — вершина древнегреческого красноречия, являвшегося острейшим оружием политической борьбы и вместе с тем высоким достижением духовной культуры. Без этого красноречия нельзя представить не только ораторскую практику, но и античную теорию риторики, разрабатывавшуюся в те времена.

Для этой теории примечательно прежде всего то огромное значение, которое придавалось слову, способному утверждать как прекрасное, так и безобразное, как истину, так и ложь.

В Греции того времени было широко распространено убеждение в том, что мудрость — первейшее человеческое благо (богатство). Соперничество в мудрости считалось искусством, а победитель в нем пользовался почестями. И так как соревнование в «ученых беседах», как говорили тогда, совершалось посредством слова или, как отмечал Демокрит, речью выражалось знание вещей [27, 135], то сама искусность в таком публичном выступлении пользовалась большим вниманием.

Классик античного атомизма, знаменитый мыслитель Греции V в. до н. э., Демокрит говорил: «Слова исходят, словно «статуи» (сущих вещей) в качестве имен, являющихся подражанием умственным видам и числам» [27, 141]. Без слов, утверждал мыслитель, возникающих в сношениях с людьми, невозможны сами эти сношения. Сперва возникла вещь, затем ее осознание и, наконец, слово, которое обозначало ее, давало ей имя. «Слово — тень дела» [27, 220 и 234], — говорил Демокрит, образно и удивительно верно определяя вторичность языка.

Отмечая возможности речи, Демокрит вместе с тем повторял: надо уметь говорить и помнить, что слово

часто бывает убедительнее золота». А ведь «многие, совершающие постыднейшие поступки, говорят прекраснейшие речи». Демокрит в данном случае под «прекраснейшим» понимал кажущуюся, ложную красоту, ибо для него красота и истина (правда) были неразрывны. Вот почему он наставлял: «Должно уметь говорить правду и избегать многословия» [27, 210], избегать речей спорщиков и «мастеров на софизмы». Но для этого нужно учиться и трудиться постоянно! «Ни искусства, ни мудрость не могут быть достигнуты, если им не учиться», — утверждал Демокрит [27, 211].

Что же касается оратора, то одна из его обязанностей — украшение стиля речи, обеспечение ее привлекательности. «Ибо все, что только попадает под какую-либо меру слуха, хотя бы оно и не было стихом (ведь в этом последнем заключается недостаток речи оратора), называют числом, а по-гречески «ритмом». В этом положении сказалось демокритовское понимание слуха (звукослухового восприятия) наряду с обонянием, вкусом, осязанием, зрением и другими чувствами (ощущениями) как факторами познания действительности. Демокрит учитывал роль слухового восприятия при слушании речи, поэтому, как свидетельствуют некоторые древнегреческие источники, его речь, как и речь Платона, хотя и не состоит из стихов, однако «развертывается настолько стремительно и пользуется такими яркими словесными украшениями, что ее можно считать скорее поэзией, чем произведением авторов комедий» [27, 200].

Любопытен и, пожалуй, показателен вот еще какой факт. Говоря о свойствах и реальных возможностях речи, греки чаще всего подразумевали оратора, ритора. А ведь всякий говорящий, далекий от искусства красноречия, пользовался той же словеснозвучащей речью, хотя, разумеется, не располагал такими ораторскими приемами и таким богатым словарным фондом, каким свободно пользовался и который систематически наращивал опытный оратор. Следовательно, можно полагать, что мыслители, которые так высоко ставили выразительность и значение звучащего слова, говорили об огромных его возможностях, по-видимому, подразумевали определенную разницу между «просто говорящими» людьми и ораторами. Последние, как об этом свидетельствуют древнегреческие источники, признавались и почитались как мастера речи, как творцы и исполни-

тели словесного искусства. Они считались учителями. Вообще говоря, риторика, охотно обращавшаяся к молодежи и увлекавшая ее разнообразными идеями, делала много полезного для воспитания, для социальной организации вообще. Вот почему риторика является предшественницей педагогики в Древней Греции.

Аристотель, гениальный мыслитель античности, энциклопедист, положивший начало многим отраслям знания, и в риторике (ее практике и теории) оставил глубокий след. Он был выдающимся лектором чисто академического склада, сумевшим именно своими лекциями в знаменитых лицеях развить культуру теоретического, философского мышления, совершенствовать логику: систему определений и суждений, аргументаций и доказательств, умозаключений и обобщений. Его «Метафизика» (эта философская энциклопедия древности) и «Этика» выросли в лекциях, являются их записями. И вновь читая эти труды, поражаешься тому, как широко и глубоко Аристотель разрабатывал тему очередной встречи с учениками и какого совершенства он достиг в синтезе науки и искусства устного слова.

Аристотель внес большой вклад в теорию риторики. Мысли о ней он развивал во многих работах. Ценнейшими приобретениями для риторики, как и мышления вообще, явились аристотелевские труды по логике и особенно «Органон» («Аналитики»). Вряд ли есть надобность подробно говорить и доказывать, что риторика в античности в своих лучших образцах, и прежде всего в речах Демосфена, составляла органическое единство мысли и слова, точнее, она — публичное мышление, определенный творческий процесс мысли и чувств, осуществляемый прежде всего посредством слова, адресованного слушателям. Вот почему аристотелевские труды по логике не могли не оказывать плодотворное влияние на искусство красноречия.

Аристотель создал специальный труд — «Риторику». Кроме того, несколько глав своей «Поэтики», ознаменовавшей важную веху в истории эстетической мысли, Аристотель также посвятил риторике. Мы уже не говорим о том, что все его критические суждения о софистах также оказали определенное влияние на развитие оратороведения.

По своему характеру и манере изложения «Риторика» (русск. пер. 1891, 1939 гг.) находится, как нам

представляется, между «Аналитиками» и «Поэтикой», ибо в «Риторике» даны основы как логики, так и поэтики. Ценность этого труда определяется и тем, что представляет единственное древнегреческое сочинение по красноречию, дошедшее до наших дней в достаточно целостном виде. Если речи Демосфена дают весьма живое и достаточно полное представление о практике древнегреческой риторики, то рассматриваемый труд Аристотеля может быть принят как документ, свидетельствующий о том, что еще до нашей эры ясно осознавалась необходимость специальной науки об ораторском искусстве.

В «Риторике» Аристотель пишет о самой непосредственной задаче риторики, а именно о том, что она направлена к возбуждению того или иного мнения, подразумевая, очевидно, общественное мнение. Это положение примыкает к некоторым суждениям, развиваемым в «Поэтике». «Сюда относится: доказательство, опровержение, возбуждение душевных движений, например сострадания, страха, гнева и тому подобных, а сверх того — возвеличение или умаление» [18, 101—102].

«Риторика» состоит из трех книг и посвящена трем вопросам ораторского искусства: языку, стилю и структуре речи. Разбирая роль языка, мыслитель писал, что раз речь неясна, она не достигает цели. Эту же мысль он развивал в «Поэтике», в которой писал: «Достоинство словесного выражения — быть ясным и не быть низким» [18, 113—114]. Поясняя это, Аристотель писал, что речь не должна быть затасканной, то есть состоящей из слишком употребительных слов. Речь должна отличаться красотой и благородством. К этим качествам речи, к ее ясности и доступности автор «Поэтики» относил также ее звучание, в котором выступает осмысленное слово. Ясность и понятность речи Аристотель рассматривал как первейшее условие успеха ораторского искусства.

Серьезное внимание в «Риторике» автор уделил стилю ораторской речи. И в данном случае он опять-таки на главенствующее место выдвигал ясность. «Достоинство стиля заключается в ясности... Стиль не должен быть ни слишком низок, ни слишком высок, но должен соответствовать предмету речи...» [18, 176]. Основу же стиля, писал Аристотель, составляет уменье говорить правильно. А это требует мастерского разме-

щения слов в построении фразы, точного обозначения характеризуемых предметов, исключает двусмысленные выражения, обязывает к развитию правильной речи.

Стиль ораторской речи, как утверждал Аристотель, отличается не только определенной ритмикой, но и разнообразием выразительности речи. «Стиль полон чувства, если он представляется языком человека гневающегося, раз дело идет об оскорблении, и языком человека негодующего и сдерживающегося, когда дело касается вещей безбожных и позорных, если о вещах похвальных говорится с восхищением, а о вещах, возбуждающих сострадание, — скромно; подобно этому и в других случаях» [18, 181]. В речи должны использоваться хорошо и к месту подобранные метафоры — звучные, заключающие «в себе нечто приятное для зрения или для какого-либо другого чувства», умело отобранные загадки, а также эпитеты, гиперболы, уменьшительные имена, сравнения. Но при этом, предупреждал автор «Риторики», не следует в один прием давать все возможные средства языка ради «уловления слушателя». Следует стремиться быть умеренным, советовал Аристотель. В такой воздержанности он видел одно из условий благородства ораторской речи, ее привлекательности. Такую притягательную силу красноречию придают «изящные и удачные выражения», создаваемые даровитым и искусным человеком. Раскрыть сущность таких выражений, писал Аристотель, «дело нашей науки», то есть риторики.

Аристотель выступал против «ходульности» стиля, встречающегося у ораторов, употребляющих сложные слова, необычные выражения, неуместные эпитеты. Одновременно мыслитель говорил, что стиль ораторской речи должен быть эмоциональным, одухотворенным. Такой стиль помогает тому, чтобы оратор «завладел своими слушателями и воодушевлял их похвалами или порицаниями, гневом или дружбой» [18, 182].

Но при всем том хороша прежде всего та речь, писал Аристотель, которая «сразу же сообщает нам знания». То есть ни красоту стиля, ни выразительность или какие-либо другие свойства ораторской речи Аристотель не рассматривал как самоцель. Все возможности живого слова и соответствующего стиля красноречия он подчинял его главной задаче — достижению знания,

возбуждению и организации общественного мнения. В этой связи решающее значение он придавал суждениям, испытанным средствам познания. И все то, что Аристотель писал в «Риторике» о суждении, фактически является конкретизацией применительно к ораторскому искусству тех основных положений, которые он доказывал и утверждал в «Аналитиках».

Говоря о стиле ораторской речи, Аристотель различал стиль письменной, то есть заранее написанной, и устной речи. Первая форма речи отличается наибольшей выразительной точностью, но кажется сухой, непривлекательной. Стиль же устной речи, которую нужно произносить, меняя интонации, писал философ, отличается живостью, артистичностью. Необходимо лишь избегать декламационности речи. Живая речь кажется силуэтной живописью, отмечал автор «Риторики», тем самым подчеркивая, как важна образность и даже наглядность, определенная изобразительность в ораторском искусстве.

Итак, оценивая древнегреческую риторику в ее практике и теориях, можно сказать, что она — примечательное явление античной цивилизации, в особенности ее гражданской жизни. Древнегреческое красноречие, развивавшееся вместе с другими искусствами, является не только огромным достижением духовной культуры Эллады, но и первостепенным показателем его общественно-политической зрелости. Политика и дипломатия, судебная практика, распространение любомудрия не обходились без социально-организующей, культурно-просветительной роли красноречия. Его опыт и традиции, равно как и его теоретические основы и принципы, однако, не оставались в пределах Афин и вообще древнегреческих полисов. Вместе с достижениями в области культуры, в особенности философии, правовых воззрений и эстетики, древнегреческая риторика проникала в другие страны; одновременно с формированием эллинистической культуры росло ораторское искусство, обогащаясь опытом, особенностями красноречия и языка других стран, составлявших эллинистический мир.

В античной риторике после Древней Греции самое видное место занимает Рим, выдвинувший большую группу блистательных ораторов во главе с великим, после Демосфена, трибуном Марком Туллием Цицероном (106—43 гг. до н. э.). Именно он, высоко почитая

своего всеми признанного предшественника, считал его лучшим оратором Греции и призывал ораторов-современников учиться у Демосфена искусству публичной речи. Цицерон сам следовал его примеру и даже подражал его знаменитым филиппикам. Но вместе с тем он вполне самостоятельно развивал ораторское искусство, в особенности мастерство судебной речи, Цицерон занимался историей риторики и развивал ее теорию в таких трудах, как «Брут» (об истории римского красноречия), «О знаменитых ораторах», «О наилучшем роде ораторов», «Оратор», «Об ораторе», а также в ряде речей и статей. Цицерон сыграл выдающуюся роль в развитии искусства красноречия [2].

Отмечая огромные возможности красноречия для воздействия на массы людей и управления ими, Цицерон считал его одним из главных орудий государства. Поэтому он был убежден в том, что любой государственный и общественный деятель должен владеть искусством публичного слова.

Одно из главных положений его риторической теории — об идеальном ораторе. Таким он считал мыслителя-философа, обладающего высокой моралью и глубокими знаниями. Идеальный оратор умеет играть на чувствах слушателей. Будучи психологом, он знает характер людей, предугадывает их настроения и в нужные моменты возбуждает в них необходимые чувства радости или любви, благосклонности или ненависти, возмущения или гнева и другие. Но, подчеркивал римский оратор, главная сила красноречия — его содержательность, «мудрость содержания», облекаемая в яркую и доходчивую форму.

Римские теории или концепции красноречия развивались также Марком Фабием Квинтилианом (35—95 гг. н. э.), выдающимся оратором и преподавателем риторики. Его основной труд — «Наставление в ораторском искусстве» — в 12 книгах обобщает опыт древнегреческой и римской риторики, в частности опыт такого оратора, как Марк Антоний. Но основу этого труда Квинтилиана составляют принципы и нормы, вы-

---

[2] До нашего времени дошло 58 речей и 900 писем Цицерона, не считая упомянутых книг. Более подробно см.: Кузнецова Т. И., Стрельникова И. П. Ораторское искусство в древнем Риме. М., 1976.

работанные и обоснованные Цицероном, продолжавшим и развивавшим лучшие традиции древнегреческой риторики и особенно искусства Демосфена. Квинтилиан выступал противником театральности в красноречии, будучи убежденным, что не внешними эффектами, а содержательностью речи можно добиться успехов в политической борьбе. Он разработал методику обучения красноречию, изложив свою теорию в обширном труде «О воспитании». Но в нем он явный крен сделал в сторону школьного, образовательного красноречия в ущерб политическому ораторскому искусству.

Интенсивная разработка теории красноречия виднейшим римским историком, политическим деятелем и оратором Публием Корнелием Тацитом (ок. 55—120 гг.), драматургом Стацием Цецилием (ум. ок. 168 г.), создание обширной для того времени литературы по истории и теории риторики: «Рассуждение об ораторе», «О десяти ораторах», а также своеобразных монографий об отдельных ораторах — явление весьма показательное. Как и в Древней Греции, оратор в Риме нередко являлся политическим деятелем, например депутатом сената, дипломатом, а порою военачальником. Это обстоятельство способствовало тому, что иной политический деятель, бывший одновременно талантливым оратором, становился властителем дум, общественным трибуном, какими были Демосфен и Цицерон. Редко видный оратор Рима не занимался одновременно теорией красноречия. Демосфен, например, не писал специальных трудов по теории риторики, свои мысли о некоторых ее основах и принципах, как уже было отмечено, он развивал в своих же речах. Цицерон же теоретическими проблемами красноречия занимался более энергично, чем ораторской практикой.

2. НЕКОТОРЫЕ ХАРАКТЕРНЫЕ МОМЕНТЫ РИТОРИКИ СРЕДНИХ ВЕКОВ

Средневековье можно считать вторым основным периодом истории красноречия, отражавшего движение общественной мысли в ее противоречиях и многообразных попытках претворения ее в жизни. Традиции ан-

тичной риторики, и прежде всего Демосфена и Цицерона, в значительной мере были полузабыты или вовсе утеряны. Но нельзя утверждать, что на протяжении веков после античности красноречие не пользовалось никаким вниманием, не прогрессировало и не оказывало влияния на умы и чувства людей. В V—VI вв. н. э. христианство стало огромной духовной силой, влиявшей на миллионы людей во главе с их правителями. В VII—VIII столетиях с невероятной быстротой распространилась еще одна религия — ислам (магометанство), также охвативший многие страны. Причем не только христианское, но и исламское проповедничество стало первостепенным фактором развития искусства устного слова.

Обращаясь к истории духовной культуры наиболее древних народов нашей страны, отметим прежде всего, что проникновение христианства в такие страны эллинистического мира, как Армения и Грузия, совпало с созданием в них своей письменности, открытием школ на родном языке и просветительской деятельностью. Проповедник и просветитель, как правило, совмещались в одном лице. Такой человек и был наиболее типичным ритором в этих странах. Совмещая функции проповедника и просветителя, такой мастер устной публичной речи вносил новые элементы и национально-особенное в красноречие. В Армении и Грузии ораторское искусство развивалось в школах, в которых риторика, грамматика и логика составляли единый предмет или цикл, а позднее, в так называемых университетах или академиях Армении и Грузии XII—XIV вв. Высокой культуры достигло искусство публичного спора, словесных состязаний. Большое патриотическое значение, особенно в Армении, приобрело напутственное или призывное слово, военно-патриотическая речь полководца перед началом сражения.

Знание риторики в Армении и Грузии считалось признаком большой образованности и культуры. В некоторых «житиях» рассказывается о том, что в Армении из талантливой молодежи отбирались лучшие юноши и посылались в чужие края «изучать философию и риторику»; например Григор, наделенный чрезвычайно большим умом, обучался разным наукам, «пока, подобно ритору, не овладел философией». В «житиях» ритор характеризуется человеком, «искусным в речах и муд-

рым», а философ XIII столетия Ваграм Рабуни представлен как «ученый и бесстрашный ритор, крайне дерзкий и красноречивый». Историк XV в. Тома Мецопеци характеризуется как человек, изучивший философию и все науки, постигший «весь смысл риторической премудрости», он предстает в повествовании как «знаменитый наставник, мудрый ритор, равный непобедимому философу нашего рода армянского мудрому Давиду» [44; 51, 74 и 157]. Речь идет об известном философе VI столетия Давиде, который во всех философских спорах оказывался непобедимым, за что и получил прозвище Анахт, то есть Непобедимый. К его основному труду, «Определения философии», мы обратимся впоследствии. В Армении росла литература по риторике, насчитывавшая к XV—XVI столетиям десятки названий. Риторика рассматривалась и толковалась также в философских трудах. В этой связи интерес представляет, например, «Анализ «Категорий» Аристотеля», принадлежащий перу видного армянского философа Иоанна Воротнеци (XII в.).

Придавая большое значение живой речи, Воротнеци обстоятельно анализировал ее свойства, говорил о конкретной содержательности каждого звучащего слова и в связи с этим писал о том, каким должно быть красноречие, чтобы иметь общественное значение. Главным достоинством живой речи он считал степень рассудительности говорящего, который «с умом выбирает подходящее время и место и то, кому говорит, и самую меру своей речи. Такой человек знает время, когда и о чем говорить, так как в пору спокойного состояния не скажешь того, что в час перебранки; он и место знает, ибо то, что говорится на похоронах — печальное, того не скажешь на свадьбе... он и меру знает своему слову, чтобы сказать не меньше того, что нужно, дабы слушатель не остался недоволен, и не больше того, дабы слушателю не наскучить» [33, 195]. Воротнеци, основатель и руководитель одного из средневековых университетов Армении (Татевского), устанавливал не только правила устной речи, он фактически говорил о единстве этико-эстетических начал в риторике, но главное, о чем он заботился, — это чтобы каждое устное слово, где бы оно ни произносилось, было содержательным, предметным, к месту исполненным и приятным для его слушателей.

Важным центром грузинской риторической культуры явился район в Колхиде, неподалеку от современного г. Поти. В четвертом столетии здесь работала риторическая школа, хорошо известная даже в Византии, откуда приезжали учиться искусству риторики. Школа считалась «храмом муз», в которой обучали красноречию, следовательно, оно вместе с такими «свободными искусствами», как грамматика, музыка, диалектика и другие, относилось к высшим признакам образования и воспитания. В колхидской школе философ и ритор представлялись как бы в одном лице: любомудр должен был отличаться в красноречии, а всякий ритор мог выступать в такой роли, будучи лишь философом. Обученный и воспитанный в Колхидской школе должен был уметь показывать себя на «эллинских празднествах» [50, 72—75].

В Грузии в X—XII вв. высокого развития достигла культура речи, глубокомысленного слова, панегирика, проповеди и т. д. Всеми атрибутами такого слова отличается, например, панегирик Давиду Строителю, считавшемуся вдохновителем объединения Грузии. Принятый Руис-Уртнинским совещанием в 1103 г., представлявшим «мелких дворян, светскую и духовную демократию», панегирик был составлен по всем правилам тогдашней риторики: в торжественной интонации, велеречивой, с предельной гиперболизацией и метафорами, рассчитанными на яркую выразительность и впечатляющую силу. Ведь прежде чем быть доставленным самому «рожденному мудрецом», царю Давиду, панегирик громогласно читался на упомянутом совещании и был призван выполнить роль возбудителя нужных чувств и настроений.

Внушающему слову придавалось исключительное значение, и оно совершенствовалось и шлифовалось всячески. «О слово! — восклицал сам Давид Строитель. — Дай возможность высказать свою исповедь перед тем, перед которым всякий держит себя покорно и все преклоняют свои колена и которого исповедуют все языки». В торжественно-благостной интонации, выражая покорность небесам, всемогущий царь Давид всецело уповал на силу слова, способного исцелить его, грешника, наделить мудростью божественной. Он осуждал себя за то, что «увлекся эллинами, которые не сумели познать божественную мудрость», что «пренебрег

книжной религией и... покорился законам реальной природы и земной жизни», что «презрел божественное слово... терпел коварство лукавых истцов и внушением услаждал свои намерения, отдавая ложные распоряжения». И, завершая исповедь, Давид Строитель восклицал: «Когда наступит время испарения, царственная колокольня испортится и величие угаснет, строительство будет излишним, цветение увянет, другой получит скипетр, войско последует за другим, тогда помилуй меня, судья».

«Исповедь» читали в церквах. Адресованная к «небесам», она фактически апеллировала к миру, к людям. Облеченное в церковно-риторическую форму, это царское слово, если не сказать послание, фактически преследовало земные, светские интересы и цели. Представляя личность самого царя в идеальном образе, эта риторика в то же время должна была укрепить единство светской и церковной властей, делая народ еще более послушным [3].

Большое распространение риторика получила в странах мусульманского Востока, в частности Средней Азии — на территориях нынешних Таджикской ССР и Узбекской ССР. Сила воздействия искусного слова, или «вонза», хорошо осознавалась в ханских или шахских дворах. Сам падишах или шах изволил обращаться «к правоверным» с речами, тексты которых заранее сочиняли придворные грамотеи, а иной раз и поэты, нередко дававшие речи в стихах. Такие выступления должны были отличаться особой красотой: звучностью и образностью. И так как подобные речи обычно произносились в дни намаза (молитвы по пятницам), то, как правило, они носили религиозный характер, способствуя распространению фанатизма и нетерпимости к иным верованиям. Мусульманская религия играла ведущую роль, выступая реакционной силой.

Особое место в исламистской проповеди занимает суфизм, который впоследствии пытался паразитировать на национально-освободительном движении мусульманских народов и, особенно на Северном Кавказе, в Дагестане, Азербайджане. Суфизм (мы не каса-

[3] Материалы о Давиде Строителе нами взяты с согласия проф. И. Д. Панцхавы из его рукописи, за что мы выражаем ему свою благодарность.

емся его разновидностей) свою агитацию в любых условиях вел под флагом ислама. По своей философской сущности он представлял мистическое течение. Типичный суфистский агитатор — дервиш, или «наставник», вызывал у своих слушателей «озарение» и «экстаз», своеобразную одержимость, приводящую к «мысленному самоустранению от окружающего, от реальности», ибо согласно догмам суфизма «истина не может быть достигнута разумом и выражена словами».

Алогизм, антирационализм характерны для суфизма, хотя в нем было течение и рационалистическое, в противовес мистическому. Алогизм определял отношение к слову, призванному к тому, чтобы не столько убеждать слушателей, сколько вызывать состояние мистическое, «правоверное», якобы угодное самому аллаху. Да и к слову, нормальной человеческой речи иные наставники-суфисты проявляли явное недоверие, уповая на декламацию лирических стихов, нередко сопровождаемых музыкой. Поэтому можно сказать, что суфистическое наставничество — это даже не разновидность риторики, а скорее — антириторика [4].

В отличие от такого красноречия и в противовес религиозному (мракобесному) засилию, выступали мыслители, поэты — они же светские ораторы — со своими прогрессивными идеями. Такими были, например, Ибн-Сина и Шерозий в Таджикистане, великий узбекский поэт и мыслитель XV в. Алишер Навои и другие. Последний рассматривал красноречие как прогрессивное явление и большую общественно-воспитательную силу. Мудрое и смелое слово звучало в организованном им меджлисе, своеобразном университете.

Формировавшееся на протяжении тысячелетия восточное красноречие, согласно древнему словарю «Комуси Усмоний», было призвано «смягчить сердца советами». Оно профессионализировалось, вооружаясь знаниями, в особенности пониманием государственной политики, сферы правовых и религиозных отношений. Настоящий оратор должен уметь соревноваться в словесных спорах и по любому поводу — так гласил один из законов восточного красноречия. И таким оратором был, например, судья Кози Ушани из Ферганы (XV—

[4] А. Д. Яндаров. Суфизм и идеология национально-освободительного движения. Алма-Ата, 1975.

XVI вв.), автор трактата «Ключи слова», большой знаток человеческой психологии, умевший убеждать своих слушателей словом в любой ситуации и по любому спорному вопросу.

Риторика занимала весьма существенное место в арабоязычном образовании во все средневековье и позднее. Знавший ислам обязан был стать также мастером красноречия, чтобы овладевать чувствами и умами людей, приобрести популярность в странах мусульманского Востока. Обладавшие даром речи знатоки ислама нередко возводились в ранг «святых» еще при их жизни, имели учеников, последователей и, конечно, массу поклонников, если не сказать покорную толпу. Такие личности могли не только направлять фанатично преданных им последователей, но и серьезно влиять на многие сферы общественной жизни. Одним из типичных представителей именно такой категории людей был, например, первый тарикатский шейх Дагестана Магомед Ярачанский.

Начиная с XVI в. красноречие в Дагестане почиталось как орудие мудрости; оно, как доказывают известные советские востоковеды, составляло важную часть арабоязычной культуры, в частности литературы [5]. Мастер устного слова почитался не только в Дагестане, но и во всех мусульманских областях Кавказа.

Теперь мы подошли к краткой характеристике весьма влиятельной разновидности средневекового красноречия, а именно христианской церковной риторики, особенно преуспевшей в западноевропейских странах.

Известно, что история христианства, как и ислама, полна войнами, кровавыми событиями, варварским уничтожением духовных ценностей, созданных языческой многовековой культурой. Тем не менее трудно переоценить роль мирного проповедничества в распространении религий, в утверждении догматов церкви и церковных правил. Но развивалось не только мирное проповедничество. История христианства знает множество еретических движений, направленных против догматов церкви. Наиболее раннее из них — богомилское дви-

---

[5] Подробнее см.: И. Ю. Крачковский. Арабская литература на Северном Кавказе. — Избр. соч., т. VI; А. Н. Генко. Арабский язык и кавказоведение. М.—Л., 1941. («Труды ИВАК», вып. XXXVI).

жение (V в.), охватившее не одну страну. В этих движениях развивалось свое красноречие, в основе своей мирское, демократическое. Ему противопоставлялась ортодоксальная богословская и церковная речь.

При всем том для церковной риторики наиболее характерна именно проповедь о «законе божьем» — с амвона церкви, на собрании прихожан или в другом месте. Такая проповедь со временем стала основной формой мирного насаждения христианства в разных его формах или видах, явилась главным и все более совершенствовавшимся орудием постепенного внушения простым людям веры в бога, во «всемогущество небес».

Основным содержанием такой проповеди были абстрактно-нравственные поучения религии, в том числе библейские заповеди: «Не укради», «Не убий», «Возлюби ближнего своего», «Почитай отца и мать свою» и т. д. Такая религиозно-нравственная риторика, конечно, имела в какой-то мере положительное значение для укрепления или во всяком случае соблюдения некоторых моральных норм. Но в еще большей степени она внушала верующим страх за «прегрешения» и «отступничество» перед всевышним, подавляла волю людей, содействовала социальному гнету. Вместе с тем церковь занималась воинственной пропагандой против «чужой веры», против инакомыслящих, еретиков. Красноречие против «чужой веры» по своему существу было националистическим, насаждавшим ненависть к другим народам.

На поприще церковного проповедничества выросли весьма крупные богословские ораторы, фанатики своего дела. Среди них наиболее значительной фигурой является знаменитый Иоанн Златоуст (ум. в 407 г.) — «зерцало церковного оратора», считавшийся идеальным византийским проповедником. Благодаря своему высокому мастерству в искусстве слова, он удостоился прозвища Златоуст. Само прозвище Златоуст свидетельствует о высокоуважительном отношении к публично сказанному слову и о почитании людей, владевших им и умевших посредством живой речи воздействовать на слушателей.

Другое значительное явление на поприще богословского проповедничества — это Фома Аквинский (1225—1274), вошедший в историю западноевропейской философской мысли. Некоторые свои идеи Аквинский раз-

вивал в речах. Но, будучи типичным теологом (его основное сочинение — «Сумма теологии»), Аквинский лишь усилил догматизацию риторики. Известно, что он был не только догматиком, но и наиболее типичным представителем схоластики, получившей широкое распространение в средневековье в западноевропейских странах. Исполненная мнимо значительных мыслей, эта схоластика отличалась сложной, как правило, запутанной формально-терминологической системой, казуистской. То, что наметилось еще у софистов в виде их увлечения «словесной аргументацией», спора ради спора, видимости логики, у схоластов типа Аквинского было «усовершенствовано», а главное, всецело подчинено целям и требованиям богословско-церковной догматики.

Среди богословов и церковников было немало опытных и даровитых ораторов. Еще в VI в. в Армении выдвинулся Иоанн Мандакуни, чьи речи были собраны и изданы книгой, в которой, кстати говоря, предается анафеме театральное искусство, фактический соперник церкви. В Грузии стал известен в XI столетии Иоанн Икалтоели, также даровитый ритор и проповедник. В это же время на Руси пользовался известностью проповедник Илларион. Но они, как и все церковные риторы, при всей своей ораторской и проповеднической талантливости, не могли способствовать прогрессу красноречия. Напротив, будучи людьми одаренными, они довольно успешно уводили красноречие от жгучих проблем социальной действительности, догматизировали его, направляя к «небесам».

Непримиримая убежденность в правоте проповедуемых догм, умение завладевать чувствами и сознанием людей, влиять на их психику и воображение, вызывать блаженство и экстаз, умение в одних случаях убаюкивать верующих, а в других — стращать «геенной огненной», наконец, изысканность, а тем более образность церковно-богословской речи, в которой без труда обнаруживаются художественные элементы самой Библии, — эти и другие особенности духовного красноречия в определенной мере могут считаться формальными приобретениями ораторского искусства, но и только.

Церковно-богословская риторика занимала монопольное положение на протяжении чуть ли не всего средневековья во многих странах не только Европы,

Она была первостепенным идеологическим и политическим орудием не только той или иной религии, но и феодального строя в целом, его светской власти. Однако уже к XVII—XVIII вв. такое красноречие начало заметно обесцвечиваться, становиться все менее содержательным и постепенно терять свое положение. Ложное в своей мировоззренческой основе, бездоказательное по содержанию и идеалам, церковное проповедничество быстро теряло свою привлекательность.

Несомненно, новой по своей форме и назначению явилась университетская лекция, получившая широкое распространение в западноевропейских странах в XIII—XVI вв. Она читалась в буквальном смысле этого слова, читалась профессором по готовой книге, сопровождаемой комментариями. В такой лекции не было ничего от античности, скажем, от знаменитых диалогов Платона — живых, глубоких по мысли, диалектических по своей сути, — ведшихся в академиях. В такой лекции не было ничего также от лекций Аристотеля, из которых впоследствии сложилась его уже упомянутая нами «Метафизика». Но даже при явной несовершенности, средневековая университетская лекция была шагом вперед по сравнению с богословской риторикой хотя бы потому, что она обращалась к явлениям и фактам реальной действительности и подчинялась задачам знания.

Неудобство восприятия буквально читаемой лекции терпелось, пока не было нужных книг. Но в XV—XVI вв. развитие производства печати и распространения книг сделали читаемую лекцию непривлекательной, непродуктивной. Лекция становилась все более устной, живой и развивалась как университетская форма публичного изложения учебного материала. Совершенствуясь, лекция творчески перенимала достижения красноречия, становясь жанром или видом ораторского искусства.

В этом своем качестве университетская лекция достигла серьезных успехов. Об этом подробнее скажем в следующей главе. Здесь же следует подчеркнуть, что само это явление было подготовлено исторически. Дело в том, что красноречие стало серьезным фактором общественной жизни и культуры на Руси в те же средние века. Оно называлось вещанием, то есть торжественным говорением, внушительным словом, предсказа-

тельной речью. Вещание развивалось главным образом на так называемых собраниях — вечах, являвшихся в ряде городов Древней Руси высшим органом власти. Вещуны, или вечевые ораторы, пользовались таким авторитетом и почетом, что, например, в Великом Новгороде вместе с членами правительства при торжествах находились на специально построенной трехъярусной трибуне. В этот период кроме вещания развивались и такие виды красноречия, как торжественная, или достохвальная, военная и дипломатическая речи. Риторика развивалась также в лоне христианской церкви — в проповедях с амвона и в «народе». Центрами «ученой» риторики являлись Киевская и Московская духовные академии, там же разрабатывались некоторые правила риторики, которые были изложены в двух книгах: «Поэтика» и «Риторика».

Глава вторая

Ораторское искусство нового времени

1. РАЗВИТИЕ И УПАДОК БУРЖУАЗНОГО КРАСНОРЕЧИЯ

«Новое время» началось западноевропейским Возрождением — Ренессансом, положившим конец средневековью и уже к началу XVI века, ознаменовавшим новую эпоху в истории. Бурный рост культуры во всех областях, развитие светского мировоззрения, постепенно вытеснявшего богословие и ломавшее «духовную культуру церкви» (Энгельс), утверждение идеи о том, что истинное счастье и красота на земле, а не в «небесах», рост гуманизма и демократизма — вот наиболее характерные признаки эпохи. «Это был величайший прогрессивный переворот, пережитый до того человечеством, — писал Энгельс, — эпоха, которая нуждалась в титанах и которая породила титанов по силе мысли, страстности и характеру, по многосторонности и учености. Люди, основавшие современное господство буржуазии, были чем угодно, но только не буржуазно-ограниченными. Наоборот, они были более или менее овеяны авантюрным характером своего времени... Люди того времени не стали еще рабами разделения труда, ограничивающее, калечащее действие ко-

торого мы часто наблюдаем в их преемниках. Но что особенно характерно для них, так это то, что они почти все живут всеми интересами своего времени, принимают участие в практической борьбе, становятся на сторону той или иной партии и борются, кто словом и пером, кто мечом, а кто и тем и другим» [1, 2, 346—347].

Продолжавшееся примерно двести лет (в разных странах неодинаково) Возрождение в XVIII столетии уступило место широкому антифеодальному, по характеру буржуазно-демократическому движению, вошедшему в историю европейской культуры под названием Просвещение. Оно явилось интеллектуальной предпосылкой и одним из важных факторов подготовки буржуазных революций.

Естественно, что в этих условиях особенно активно стимулировалось красноречие, все более проникавшееся светскими мотивами и обострявшееся в своей социально-политической направленности. Светское ораторское искусство, с одной стороны, вбирало в себя лучшие достижения и традиции античного классического красноречия, а с другой — вдохновлялось новыми гуманистическими и демократическими идеалами.

Два основных направления можно выделить в красноречии XIV—XVIII вв. Это, во-первых, ораторское искусство, выраставшее в крестьянских движениях, и, во-вторых, собственно буржуазное ораторское искусство. Оба они носили антифеодальный характер. Но если первое из них не отличалось ясной программой и целеустремленностью, второе, буржуазное, с первых своих опытов начало развиваться как сильное, все более совершенствовавшееся орудие утверждения новых, капиталистических порядков.

Крестьянские волнения и восстания с их социально-освободительными и реформаторскими идеями выдвинули из своей среды вожаков, ставших первыми ораторами поднимавшегося демоса. Таковы, например, Гильом Коль во Франции, один из вожаков Жакерии; Джон Болл и Уот Тайлер в Англии. Но особенно значительна личность Яна Гуса (1369—1415), лидера Реформации в Чехии, вдохновителя национально-освободительного движения первой половины XV столетия.

Образованнейший человек, преподаватель, затем ректор Пражского университета, позднее проповедник,

Ян Гус выступал против монополии латыни и читал свои лекции и проповеди на чешском языке. Он же положил начало новому чешскому литературному языку. Враг немецкого засилья, боровшийся также и против папского влияния из Рима, Ян Гус в своих публичных выступлениях изобличал моральный упадок в среде католического духовенства, требовал радикальной реформы католической церкви. Отлученный от церкви, Гус продолжал свою проповедническую деятельность, отстаивал интересы народа и положил начало мощным крестьянским волнениям — гуситским войнам (1419—1434), имевшим огромное значение для Чехии. Как «нераскаявшийся грешник», Гус был осужден инквизицией и сожжен на костре. Маркс и Энгельс дали высокую оценку деятельности и влиянию на массы этой смелой и неподкупной в своих убеждениях личности.

На культуру ораторского искусства плодотворное влияние оказывали утопические идеи Томмазо Кампанелла и Томаса Мора, одухотворившие ораторов идеями гуманизма и совершенного социального устройства «Города Солнца». Изречения, которые, по замыслу Мора, должны были писаться на стенах здания города будущего, могли служить и девизами и уроками ораторам Возрождения. Велико было влияние драматургии Шекспира и Лопе де Вега, романов Рабле и Сервантеса, сатиры Эразма Роттердамского на рост индивидуального мастерства в красноречии. Несомненно, что художественная проза и драматургия обостряли ораторское чувство времени и реальной действительности, усиливали наблюдательность, облегчали знание быта и нравов. Острые, эмоционально насыщенные и емкие по смыслу диалоги, например, шекспировских трагедий стимулировали диалогизацию публичной речи, повышая ее доступность и восприятие. Художественная проза, а также лирика Петрарки и Данте содействовали повышению речевой культуры, усиливали чуткость к звучащему слову, воспитывали эстетический вкус к речи, к ее выразительным возможностям. Художественная литература стимулировала также выработку ораторского стиля.

Ораторское искусство буржуазного общества с его первоначальными гуманистическими идеями, с толкованием свободы, демократизма и равенства развивалось с парламентской трибуны; в рядах различных политичес-

ких партий, а позднее на профсоюзных собраниях, в других общественных, особенно культурно-просветительных организациях. Свободное слово до известного времени пользовалось определенными правами, развиваясь в публичных речах по различным вопросам. Именно в этот период новой истории выдвинулись такие политические деятели и одновременно выдающиеся ораторы, как Жан Поль Марат (1743—1793), Максимильен Робеспьер (1758—1794) и другие глашатаи идей социального равенства, братства и счастья для всех людей.

Марат разоблачал врагов революции и в своих страстных выступлениях на собраниях призывал народ к революционному террору против врагов революции. Любимец трудового люда, признанный трибун, прозванный «другом народа», Марат был беспощаден к контрреволюционерам.

Робеспьер, популярный и признанный вождь буржуазной революции, как в своих печатных, так и в устных выступлениях был бесстрашен и, как говорили в народе, «неподкупен». Он требовал самых решительных мер против реакционеров. Адвокат по образованию, ученый, развивавший идею о «естественных правах» человека, Робеспьер вместе с тем был блестящим оратором, умевшим увлекать массы революционными идеями и призывами. Ораторское искусство буржуазной революции ярко обнаруживало свои социальные мотивы, действовало как могучая сила в политической борьбе.

Поблекли революционные знамена буржуазных революций. Обманом и лживыми посулами установивший свою диктатуру эксплуататорский класс предал собственные же лозунги, первоначально обретшие привлекательную силу и пользовавшиеся большой популярностью. «Свобода», «Равенство» и «Братство» на деле оказались пустоцветами, а парламентаризм из идеализировавшейся народной думы переродился в собрание, представлявшее и отстаивавшее, как правило, интересы того же паразитического класса. Все это и сказывалось в буржуазном ораторском искусстве: его обманчивости, фразистости и казуистике. Вот каким предстает образ, например, буржуазно-политиканствующего краснобая в одной из эпитафий английского поэта Редьярда Киплинга «Политик»:

Я трудиться не сумел, грабить не посмел.
Я всю жизнь свою с трибуны лгал доверчивым и юным.
Лгал — птенцам.
Встретив всех, кого убил, всех, кто мной обманут был,
Я спрошу у них, у мертвых, — бьют ли на том свете
морду
Нам — лжецам? [40, 33].

В XVII столетии известно несколько трудов по ораторскому искусству в России, среди которых стоит особо отметить учебник М. И. Усачева «Риторика» (1699 г.). И в позднее время выходили риторические работы, в которых, однако, продолжало сказываться влияние богословско-церковной риторики. Подлинное же искусство публичного слова светского направления в России связано с развитием университетского красноречия. Лишенная парламентских форм демократии, как и других более или менее свободных общественных трибун, ставших обычными в западноевропейских странах, передовое русское красноречие стремилось к университетским аудиториям, было чутко к веяниям времени, обращалось к молодому поколению, туда, где живое слово усилиями смелых ученых начинало развиваться и совершенствоваться на благо науки и общественного прогресса.

Решительный шаг на этом пути сделал создатель Московского университета и Академии наук М. В. Ломоносов (1711—1765). Именно он предпринял труднейшую реформу русского языка и замену им господствовавшей в ученых кругах латыни. Ему принадлежит почин перехода университетского преподавания на русский язык.

Ломоносов положил начало русской риторике, написав «Краткое руководство к красноречию» и другие сочинения. «Латинисты», поклонники всего «западного», догматики всех рангов, боявшиеся живого слова и новой мысли, делали все, чтобы начинание М. В. Ломоносова, знаменовавшее коренной поворот в системе университетского образования, равно как и красноречия, не было подхвачено и не получило развития. Однако усилия объединенного реакционного лагеря были напрасными. Хотя и с опозданием на двадцать лет, удалось добиться того, чтобы некоторые лекции профессорами читались на русском языке. В 1803 г.

П. И. Страхов (1757—1813), уже вооруженный русской научной терминологией, читал свои публичные лекции по естествознанию, увенчавшиеся большим успехом и принесшие ему известность. Затем последовали лекции проф. А. Ф. Мерзлякова (1778—1830) по литературе. Поэт и критик, обладавший ярким дарованием лектора, Мерзляков, чьи выступления неизменно проходили в переполненных залах, со временем был признан родоначальником русского университетского красноречия, опыт, принцип и формы которого затем развивала в аудиториях Петербургского и особенно Московского университетов большая группа талантливых лекторов. Среди них Т. Н. Грановский (1813—1855) считался «Пушкиным истории» за удивительно яркое художественно впечатляющее изложение истории. Признанными мастерами русской университетской кафедры являлись И. М. Сеченов (1829—1905) и В. О. Ключевский (1841—1911), который характеризовался современниками как «писатель на кафедре» и «мастер исторического портрета».

Большую роль в развитии красноречия Московского университета сыграли лекции профессоров Н. И. Надеждина (1804—1856) — видного критика, историка и этнографа, и Ф. И. Буслаева (1818—1897) — выдающегося филолога, языковеда и искусствоведа, автора многочисленных трудов по этим отраслям знания. Л. П. Гроссман в брошюре «Об искусстве лектора» (М., «Знание», 1970) пишет, что Надеждин «был одним из первых русских искусствоведов, профессором теории изящных искусств и археологии, сумевшим поднять университетскую лекцию на высоту художественного творчества». Он был оратором-исследователем, оратором-учителем и лекции свои излагал только устно. Буслаев же, как отмечал Гроссман, также читавший свои лекции увлеченно и уверенно, выступал по заранее написанным текстам. Добавим к этим фактам и такой: Д. И. Менделеев (1834—1907) никакими записями не пользовался и был убежден, что лекция, если она читается, а не излагается, получается нескладной. Этот опытный лектор очень ценил вдруг явившуюся мысль, уподобляя ее найденному кладу.

Чей же метод предпочитаем? — ораторов Надеждина и Менделеева или же «чтеца» Буслаева? Очевидно, все трое были на высоте сложного искусства лекции,

так как каждый из них умел увлекать слушателей, вести за собой, открывая перед ними новые горизонты знания.

Русское академическое красноречие активно поддерживали А. И. Герцен, В. Г. Белинский, Н. В. Гоголь, М. Е. Салтыков-Щедрин, А. П. Чехов, которые откликались на талантливые и важные по своему предмету и содержанию публичные выступления.

Не останавливаясь на высказываниях каждого из них, отметим, например, суждения Герцена о знаменитых лекциях Грановского, признанными «событием значительным» не только для Московского университета сороковых годов XIX столетия. В его выступлениях «публика узнавала новое, сильное, волнующее наслаждение всенародной, энергичной речи... Грановский касался самых волнующих душу вопросов и нигде не явился трибуном, демагогом, а везде светлым и чистым представителем всего гуманного». Прекрасный язык, отличавшийся «полнотою мысли», язык, в котором «много поэзии и ни малейшей изысканности, ничего для эффекта», — вот что привлекало в лекциях доцента Грановского, во всем благородного, увлеченного своим предметом и влюбленного в слушателей, — так писал Герцен в 1843 и 1844 гг., не раз возвращаясь к этим лекциям.

Герцен отмечал чрезвычайно высокие человеческие качества Грановского, его «сочувствие, раскрытое ко всему живому, сильному, поэтичному, — сочувствие, готовое на все отзываться...» [48, 132, 134].

Все примечательно в герценовских суждениях о лекциях Грановского, в котором он видел идеальное единство глубокого ученого и вдохновенного мастера своего дела. И, пожалуй, нет ни одного положения в цитируемых работах выдающегося русского революционного демократа, которое устарело по своему смыслу и не могло стать меркой оценки лекции, читаемой у нас публично или в советской студенческой аудитории.

Большой интерес представляют «Сатирические заметки» М. Е. Салтыкова-Щедрина, в которых говорится уже о русском красноречии в целом, переживавшем в середине XIX в. заметный подъем. Подвергая сарказму болтовню, краснобайство, «бюрократическое красноречие», «красноречие торжественное» и прочее пустословие, писатель вместе с тем отмечал оживление ора-

торского искусства, свидетельствующее о приметах нового времени. Любопытно, что развитие красноречия великий сатирик считал признаком общественной активности. При этом он правомерно ставил вопрос: «О чем мы говорим и как говорим?». И фактически отвечал: не так просто публично говорить о нужном и важном, притом так, чтобы было полезно, современно! Это — не простое искусство, подчеркивал он. Не каждому дано быть истинным оратором, уже позднее писал Салтыков-Щедрин в цикле «За рубежом», ссылаясь на Демосфена и Цицерона, Дантона и Гамбету. Главную мысль писателя можно сформулировать так: красноречие — серьезное и трудное свершение в общественной жизни, и с ним надо уметь обращаться.

Примерно такие же мысли десятилетием позднее, в 1893 г., развивал А. П. Чехов в статье «Хорошая новость». В этой статье он доказывал необходимость преподавания «искусства говорить красиво и выразительно». Он осуждал равнодушие к ораторскому искусству, «равнодушие, которым лишаем себя одного из высших и благороднейших наслаждений, доступных человеку». Он утверждал неразрывность «богатства языка и ораторского искусства», являющегося одним «из сильнейших рычагов культуры». Чехов был убежден в том, что не должно быть юриста, профессора и общественного деятеля вообще, не умеющего говорить «не только учено, но и вразумительно и красиво» [48, 150]. Чехов, чья драматургия немало способствовала развитию живой, выразительной и богатой русской речи, ратовал за высокую культуру публичного слова. При этом он опирался на накапливавшийся опыт русского красноречия. Практика давала ему нужный материал для сопоставлений стиля и успехов разных ораторов, для размышлений над особенностями этого творчества и развития теории риторики, точнее науки, теперь с полным основанием называемой оратороведением. Практика и теоретическая мысль сближались, и постепенно усиливалось их взаимодействие.

Как и всякий общественный прогресс, развитие ораторского искусства совершалось далеко не мирно и не гладко. Прогрессу противостоял регресс: консерваторам, тем более реакционерам, светским и церковным, вовсе не выгодно было развитие демократического и хотя бы просветительского красноречия. Вот почему они

сопротивлялись, цепляясь за догмы и нормы устаревшей риторики.

В этой борьбе между передовым и отсталым отражалась социальная сущность, тенденциозность, мировоззренческая (идеологическая) направленность красноречия. Да и могло ли быть иначе? Красноречие возникло и сформировалось как более или менее верное отражение социальной действительности, которое сложилось и развивалось в условиях классового общества. Оно всегда выступало орудием политической и идеологической борьбы. Поэтому ни один вид искусства публичного слова — социально-политический, судебный, военный, историко-философский — никогда не был нейтральным и всегда подчинялся определенным классовым интересам и целям.

2. МАРКСИЗМ И НОВЫЙ ЭТАП ОРАТОРСКОГО ИСКУССТВА

Буржуазное общество явилось той исторически сложившейся средой, в которой зародилась пролетарская устная агитация.

Первое наиболее значительное рабочее движение — чартизм в Англии 30—40-х годов прошлого столетия, выдвинувший лозунг борьбы за проведение «Народной хартии», стимулировал выступления рабочих-активистов перед своими же товарищами. Наиболее ранняя чартистская организация «Лондонская ассоциация рабочих» явилась и начальной школой пролетарской агитации. Она формировалась и развивалась на митингах, устраивавшихся по почину названной организации в Лондоне, Глазго, Йоркшире и других крупных городах первой в мире капиталистической страны. Первоначально носившая мирный характер, отстаивавшая исключительно экономические интересы рабочих, чартистская агитация постепенно приобретала политическую окраску, особенно на второй стадии движения, когда в 1842 г. была создана «Национальная чартистская организация», развернувшая агитацию против насильственного присоединения Ирландии к Англии, против захватнической внешней политики последней. Чартист-

ская организация являлась действенным оружием активной борьбы рабочих, выдвинувшей немало первых, правда, не всегда последовательных, пролетарских ораторов.

Таким оратором был Роберт Оуэн (1771—1858), выдающийся английский социалист-утопист. В его пропаганде большое место занимало воспитание, призванное формировать рационально мыслящего и активно действующего человека. Однако оуэновская пропаганда не смогла проникнуться идеями пролетарско-революционной борьбы, ее Оуэн отвергал принципиально. Он не поднялся до понимания идей научного социализма. Однако эти факты не дают основания не оценить в должной мере достигнутые чартистской агитацией и оуэновской пропагандой в социальном просвещении рабочих успехи нового по характеру и содержанию, формам и тенденциям — пролетарской пропаганды.

Идеологическая ясность и пролетарская партийность связаны с появлением «Манифеста Коммунистической партии» К. Маркса и Ф. Энгельса. Именно это программное произведение научного коммунизма положило начало открытой идейной борьбе, вдохновлявшей растущее рабочее движение. В нем организовывались агитация и пропаганда новой идейной направленности, формировалось новое красноречие — орудие идеологической деятельности пролетариата. Остро полемический по характеру, предельно ясный по основным теоретическим положениям, «Коммунистический Манифест» отличается также ораторской интонацией и пафосом громогласной публичной речи.

Агитация и пропаганда, развертывавшиеся в духе «Коммунистического Манифеста», пробуждали социальное и классовое самосознание прежде всего пролетариата, политически просвещали его, содействовали формированию его мировоззрения. Высокая идейность, убежденность в правоте отстаиваемого революционного дела, ясность преследовавшихся целей и правдивость в слове — вот наиболее типичные черты ораторов, пропагандировавших идеи великого документа научного коммунизма. Первыми и самыми выдающимися ораторами нового типа, трибунами поднимавшегося революционного рабочего класса явились авторы «Коммунистического Манифеста». Социалистические и коммунистические идеи они, а также их ближайшие едино-

мышленники распространяли, например, в Демократическом обществе, основанном в Кёльне в 1848 г.; в Лондонском просветительском обществе и аналогичных организациях, действовавших в Брюсселе, в Висбадене, Майнце и других западноевропейских городах. Однако действительно революционное, коммунистическое по своей идейности и реальному содержанию красноречие, конечно, родилось вместе с Союзом коммунистов, развилось в рядах Международного Товарищества рабочих. Большую роль в формировании социалистического ораторского искусства сыграли международные конгрессы I Интернационала, руководимые Марксом и Энгельсом.

К. Маркс и Ф. Энгельс выступали с докладами и рефератами, лекциями и митинговыми речами. Они были мастерами полемики. В любом жанре ораторского искусства они были «в форме», и тексты их публичных выступлений, воспроизведенные в собрании сочинений, — это большая школа красноречия. Авторы многочисленных воспоминаний свидетельствуют, что голос Маркса звучал всюду, когда возникала возможность и необходимость в убеждающей публичной речи.

Усилиями К. Маркса и Ф. Энгельса достигла высокого мастерства политическая речь, ставшая, пожалуй, главенствующей среди всех видов ораторского искусства. Всегда злободневная по своей теме, критическая по характеру и ясная по классовым установкам, доступная по форме, политическая речь Маркса и Энгельса — качественно новое явление в социально-политическом красноречии, имевшем немало традиций и опыта, накопленного особенно в период развития буржуазного общества. Своими устно-политическими выступлениями Маркс и Энгельс вместе с соратниками и последователями сумели придать революционной агитации и пропаганде новый размах и предельно ясную целеустремленность. Они подняли политическое просвещение рабочего класса на высокий, до того небывалый уровень. Оно постепенно вытесняло классовую недальнозоркость лидеров чартизма и утопизм оуэновской проповеди социализма.

Маркс охотно читал для рабочих цикл лекций по политической экономии, которые легли в основу известного сочинения «Наемный труд и капитал». Эти лекции стали одной из многочисленных подготовительных

работ «Капитала», по тематике которого его автор не раз выступал в массовых аудиториях, давая слушателям точное знание фактов и явлений социального, экономического и даже философского характера.

Одновременно Маркс и Энгельс выступали против антинародного по существу и целям буржуазного краснобайства. Здесь принципиальный интерес имеет марксовский памфлетный труд «Морализирующая критика и критизирующая мораль». Маркс обнажил и подверг уничтожающей критике ограниченность и трусливость немецких мелкобуржуазных радикалов. Он выступил против Карла Гейнцена (1809—1880), немецкого публициста, мелкобуржуазного республиканца, литературного пустомели. Фактически работая на буржуазных либералов, но будто бы выступая наперекор им, Гейнцен повторял старые фразы простодушия и смирения. «Добродетельный муж, он принимает за чистую монету раболепные речи, с которыми выступает какой-нибудь Кампгаузен или Ганземан» [2, 4, 314], то есть банкир и капиталист, лидеры либеральной буржуазии, ведшие предательскую соглашательскую политику с реакцией.

Обнажая суть мелкобуржуазного краснобайства, к которому прибегал Гейнцен и ему подобные, Маркс оценивал их как «резонеров-болтунов» и «прирожденных болтунов», чьи «идеалистические фразы» и «медоточивые речи» были направлены на обман общественного мнения. Этот «декламирующий спаситель человечества» не раз прибегал к «тщеславной демагогии»; «узкой мерой обывательской речи» сей муж судил о языке героя. Пустопорожние и напыщенные речи его, претенциозные сентенции против коммунизма могут вызвать лишь чувство «эстетического отвращения». Ими Гейнцен пытался прикрывать свою некомпетентность в делах марксистов.

Не раз К. Маркс обращался также к речам Альфонса де Ламартина (1791—1869) — французского поэта, историка и политического деятеля, одного из лидеров буржуазных республиканцев. В 1848 г. ставший министром иностранных дел и фактически главой временного правительства, Ламартин часто выступал с политическими речами, типичными для буржуазного ораторского искусства, нередко прибегавшего к бесчестности, обнажавшегося в своей двусмысленности и двурушничестве. Мастер фразеологии, Ламартин, как отмечал

Маркс, умел «логически» выводить «целый ряд еще более общих фраз» [2, 4, 380]. «Негодяй-оратор» — вот общая характеристика, данная Марксом Ламартину-краснобаю, под чьими «поэтическими цветами и риторической мишурой скрывалась измена народу» [2, 6, 289].

К. Маркс критиковал ораторскую манеру Сигизмунда Боркгейма, в речах которого слушатели понимали «только некоторые остроты». Маркс высмеивал ораторский стиль лорда Рассела: «Он обладает своеобразной манерой сочетать сухую, вялую, монотонную речь, похожую на речь оценщика на аукционе с ученическими иллюстрациями из истории и какой-то торжественной тарабарщиной на тему о «красотах конституции», «всеобщих свободах страны», «цивилизации» и «прогрессе» [2, 11, 405]. Не менее отрицательно Маркс отзывался о крупнейшем ораторе английской палаты лордов, реакционном деятеле, рьяном идеологе колониализма Уильяме Гладстоне (1809—1898). Его речи Маркс называл «отполированной гладкостью», «пустой глубиной», «елейностью не без ядовитой примеси», «бархатной лапой без когтей» и другими аналогичными эпитетами. Маркс указывал также на казуистику и «добродетельные интриги», которые обычно содержались в речах Гладстона, произносившихся с трибуны английского парламента и в других местах.

Ф. Энгельс также разоблачал публичное лицемерие Гейнцена, краснобайство Ламартина, высмеивал декламаторскую мишуру Роберта Блюма, считавшегося одним из «красноречивейших ораторов Франкфуртского собрания» — парламента. «Если снять со всех этих прекрасных рассуждений декламаторскую мишуру, — писал Энгельс, — то не остается ничего, кроме самой тривиальной болтовни... болтовни широкого размаха и высокого мастерства» [2, 5, 361].

Характеризуя стиль и реальное содержание речей других буржуазных ораторов, пользовавшихся успехом в капиталистическом обществе, Маркс и Энгельс критиковали «дешевые риторические украшения», «ровный и мелководный поток фразеологии», «напыщенные фразы, подобно мыльным пузырям», «ужасающую торжественность», «поучительные нравоучительные проповеди», которыми буржуазные ораторы скрывали лживую суть своих речей. Маркс и Энгельс называли безвкусицей жестикуляцию, рассчитанную на внешний эффект.

Во всех случаях они писали о речах, которые слушали лично или тексты которых они читали в соответствующих изданиях. Маркс и Энгельс были убеждены в том, что чем бессодержательнее, туманнее или же коварнее речь того или иного буржуа или его адвоката, тем щедрее она «украшена» напыщенными фразами. В таком стиле буржуазного ораторского искусства они видели вполне определенную тенденциозность, отвечавшую узкокорыстным классовым интересам буржуа. Маркс и Энгельс обнажали социальную подоплеку буржуазного красноречия, его антинародную сущность, достойную того, чтобы изобличать и высмеивать его и устно и печатно.

Маркс и Энгельс, критикуя буржуазное красноречие, ясно и вполне определенно понимали суть и общественные функции ораторского искусства нового времени, для которого особенно характерна классовая поляризация общества, углубление его антагонистических противоречий. Основоположники марксизма во многих речах, а также статьях, особенно в полемических работах, обосновывали и разрабатывали принципы и нормы революционной пропаганды и агитации, а также доказывали неразрывность революционного слова и дела.

Решающее значение Маркс и Энгельс придавали содержанию и ясной направленности красноречия, любого отдельного выступления. Для них главное значение имела общественная весомость каждого публичного выступления, будь то лекция или парламентская речь, доклад на съезде или полемическое выступление. Для Маркса и Энгельса было существенным и то, в какой мере живое слово, обращенное к людям, помогает им уяснить сложные явления социальной действительности, содействует решению назревших задач. Ясность и четкость, принципиальность и идейная направленность рассматривались ими как необходимые свойства революционного красноречия. Оно, как подчеркивали Маркс и Энгельс, не должно сводиться к фразеологии, словесной мишуре, чуждой предметному, общественно нужному красноречию.

Эти принципы и нормы Маркс и Энгельс применяли в собственной ораторской практике. Те, кому посчастливилось слушать Маркса, свидетельствуют о том, что он был прекрасным лектором и собеседником. Вильгельм Либкнехт (1826—1900), Франц Меринг (1846—

1919) и другие деятели революционного рабочего движения писали, что лекции, в которых Маркс излагал основные идеи своего «Капитала», неизменно привлекали массовые аудитории, слушались с напряженным вниманием и доставляли собравшимся огромное наслаждение.

Ярый противник упрощения науки и сложных явлений действительности, Маркс вместе с тем излагал сложнейшие проблемы просто и ясно. Как пишет Либкнехт, Маркс «обнаружил замечательный талант популяризатора»; из лидеров и теоретиков рабочего движения «никто не обладал в большей степени, чем он, способностью ясно выражать свою мысль» [6, 93]. Говорил Маркс возможно короткими фразами, разъяснял не совсем понятные положения своих лекций. Он вплоть до педантичности был придирчив в соблюдении чистоты языка, не терпел смешения диалектов и литературного языка. «Надо мыслить логически и ясно выражать свою мысль» — таков был, по определению Либкнехта, один из девизов Маркса-лектора. Карл Шутц писал: «Все, что Маркс говорил, было действительно содержательно, логично, ясно... Я до сих пор помню тот резко саркастический тон, которым он произносил слово «буржуа» [6, 285]. Кугельман писал о марксовском полемическом мастерстве: «в споре, словно в турнире, сбивал противников с коня, но никогда не повергал их в прах...» [6, 289].

В ораторском искусстве Маркса сказывалась не только универсальная эрудиция, великолепное владение диалектическим методом мышления и анализа сложнейших явлений, лингвистический талант, знание нескольких языков, но и высокая эстетическая культура, в особенности глубокое понимание искусств, поэтическое чувство. Всегда энергичный, волевой, собранный, глубоко убежденный в своей правоте, остроумный, жизнерадостный, обладавший неистощимой силой воображения и баснословной памятью, Маркс был абсолютно свободен в выступлении. Крепко сложенный, с высоким лбом, блестевшими черными глазами и густой шевелюрой, обладавший резким голосом, звучавшим, как металл, Маркс в устных публичных выступлениях производил на своих слушателей неизгладимое впечатление.

Марксовский стиль пропаганды, марксовскую идейность и партийность отмечали все те, кто писал о его

лекциях и докладах, судебных или митинговых речах. В них сказались принципы и нормы такого ораторского искусства, которое призвано быть орудием возвышения исторической победы пролетариата, решающей силы нового этапа социального прогресса. Этим же целям служило и блестящее ораторское искусство Ф. Энгельса, хотя по стилю оно отличалось от марксовского красноречия. Маркс больше склонялся к академической строгости, что особенно проявилось не только в читанных им лекциях, легших в основу работы «Наемный труд и капитал», но и в судебных речах, произнесенных им в связи с привлечением в 1849 г. к ответственности «Новой Рейнской газеты». Что же касается красноречия Энгельса, то оно отличалось яркой публицистичностью, свободной импровизацией, эмоциональностью.

Об Энгельсе, соратнике Маркса, идеологе рабочего класса, выдающемся мыслителе и теоретике, писалось много. «Бодрый и подтянутый, он всегда выглядел так, точно готов был явиться на смотр», — так определял Поль Лафарг (1842—1911) характерные черты Энгельса. Примерно так же писали об Энгельсе другие его единомышленники и соратники. И мы, отмечая эти особенности характера друга Маркса, убеждены, что они имеют важное значение для любого, отдающего свои силы и знания ораторскому творчеству, подчиненному интересам социального прогресса.

Ф. Энгельс, как и К. Маркс, был одарен лингвистическим даром — счастливым даром для оратора! Мало сказать, что он свободно владел семью языками и мог легко с одного языка перейти на другой, чтобы его слова были понятны, скажем, интернациональному составу собрания. Лингвистические способности Энгельса проявлялись в тонком чувстве живого слова, в умении говорить обо всем предельно экономно, ясно и выразительно. Стиль Энгельса-оратора, как и публициста, и вообще литератора, воплощая высокую культуру языка, вместе с тем отражает находчивость его ума, равно как и хороший художественный вкус.

Наконец, отметим еще один немаловажный факт. Маркс и Энгельс постоянное внимание уделяли выдвижению и воспитанию из пролетарской среды агитаторов и пропагандистов. Авторы «Коммунистического Манифеста» придавали большое значение революционно-пролетарскому красноречию, любовно поддерживая

и пестуя каждое обнаруживавшееся ораторское дарование. Они были мудрыми и требовательными наставниками рабочих-ораторов, уже пользовавшихся популярностью и авторитетом.

Одним из первых пролетарских ораторов был портной Вильгельм Вейтлинг (1808—1871). Больше энтузиаст, чем теоретик (хотя он и выпустил книгу «Гарантии гармонии и свободы», оказавшую известное революционное влияние на часть рабочих), Вейтлинг-оратор пользовался большой популярностью в пролетарской среде. Шумный и яростный, увлекавшийся всевозможными проектами быстрых социальных перемен, Вейтлинг, однако, порою говорил сбивчиво и поддавался фразеологии, чем вызывал гнев Маркса. Тем не менее он был одним из тех ораторов поднимавшегося класса, который воплощал собою быстро формировавшееся новое красноречие, выражавшее идеи социализма.

Видными ораторами стали также Иоганн Филипп Беккер (1809—1886), рабочий-щеточник, и Фридрих Лесснер (1825—1910), портной. Они не только сблизились с Марксом и Энгельсом, но и стали их соратниками, членами генсовета I Интернационала, деятелями революционного движения. По предложению Беккера, Брюссельский конгресс Интернационала принял решение об изучении всеми социалистами «Капитала» как «библии рабочего класса».

Первоклассным оратором, интересным лектором был Вильгельм Вольф (1809—1864), видный деятель Союза коммунистов, друг и соратник Маркса и Энгельса, редактор «Новой Рейнской газеты», которому был посвящен первый том «Капитала». Фридрих Лесснер писал, что слушать лекции Вольфа «было истинным наслаждением. Его остроумная манера давать политические обзоры приводила всех в восхищение. Он умело группировал события и преподносил их в сатирическом или серьезном тоне, смотря по характеру темы» [6, 1, 54].

Выдающимся трибуном рабочего класса стал Август Бебель (1840—1913), оратор пламенный, ясный в речах, как его характеризовали соратники по борьбе. Вильгельм Либкнехт (1826—1900) немного грубоватый, как отмечал Энгельс, оратор, знавший в своей палитре лишь две краски: черную и белую, но пользовавшийся у слушателей успехом. Выдвинулся как оратор также

Иоганн Георг Эккариус (1818—1889), отличавшийся сухоюмористической манерой речи, особенно нравившейся, как отмечал Маркс, англичанам.

Разными были они — первые пролетарские ораторы: рабочий-щеточник Беккер и портной Лясснер; публицист, близкий друг Маркса, Вольф и крупный мыслитель, эстетик и литературовед Франц Меринг; политический деятель Август Бебель и другие. И, конечно, их ораторский дар, стиль и облик были далеко не сходными, ибо каждый из них представлял собой яркую индивидуальность. Были легко увлекавшиеся натуры и пламенные агитаторы, мастера зажигательной речи, суховатые по стилю и сдержанные в манерах пропагандисты; отменные полемисты, в спорах легко разившие противника не столько строгой аргументацией, сколько смелостью суждений и острым сарказмом. Были ораторы несколько грубоватые и, наоборот, тонкие в манерах. Вместе с тем каждый из них был неутомимым революционным пропагандистом. А главное — все они являлись соратниками и верными учениками Маркса и Энгельса, вместе с ними пролагавшими путь в «коммунистическое далеко».

Итак, новый этап в многовековой и противоречивой истории риторики, искусства красноречия и его теории начат основоположниками научного коммунизма в теории и практике ораторского искусства, особенно в устной агитации и пропаганде. Существо этого этапа можно выразить в следующих трех основных положениях:

Первое. Марксистская устная агитация и пропаганда впервые в истории выражали подлинные интересы и стремления трудящихся, абсолютного большинства общества.

Второе. Ораторское искусство в целом, формы и агитации и пропаганды в особенности использовались как средства революционного переустройства мира, строительства нового, а именно социалистического общества.

Третье. Впервые в истории общественной мысли красноречие явилось словом, интернациональным по своему существу и идеалам, поэтому звучало далеко за пределами тех или иных национальных границ.

Эти свойства красноречия поднимали социальную активность и значимость искусства публичного слова,

придавали ему все более широкий размах, раскрывая для живого слова новые сферы общественной жизни и, следовательно, возможности идеологического воздействия на огромные массы людей.

3. РАЗВИТИЕ КРАСНОРЕЧИЯ В ЭПОХУ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕВОЛЮЦИЙ

Перенесение центра мирового революционного движения из Западной Европы в Россию и распространение в ней марксизма сказалось в активизации и расширении российского пролетариата. Рабочее движение в России постепенно перерастало границы экономической борьбы, все заметнее проникаясь мотивами политическими. Такую тенденцию Ленин считал важным условием для того, чтобы стихийное рабочее движение становилось все более организованным и сливалось с теорией научного социализма.

Ленин с удовлетворением отмечал рост числа «рабочих, рвущихся к социализму, к политическому сознанию и политической борьбе». Он считал примечательным, что политическая агитация и пропаганда завоевывают рабочих, из среды которых вырастают свои пролетарские кадры агитаторов и пропагандистов. Яркой фигурой такого трибуна Ленин считал Петра Алексеева (1840—1891), «русского рабочего-революционера». Его слова, произнесенные на судебном процессе в марте 1877 г.: «Подымется мускулистая рука миллионов рабочего люда, и ярмо деспотизма, огражденное солдатскими штыками, разлетится в прах!» — В. И. Ленин называл пророческими [5, 4, 377].

Другой пламенный пролетарский революционер и трибун из рабочих — Иван Бабушкин (1873—1906), один из талантливых учеников и помощников Ленина.

Давая общую оценку подвигу пролетарских революционеров и пропагандистов, Ленин писал: «Без таких людей русский народ остался бы навсегда народом рабов, народом холопов. С такими людьми русский народ завоюет себе полное освобождение от всякой эксплуатации» [5, 20, 82].

Эта оценка может быть распространена на деятельность и других рабочих-ораторов. Из них хочется выделить прежде всего Г. И. Петровского (1878—1962), в чьем лице прекрасно сочетались качества рабочего организатора-вожака, блестящего агитатора и пропагандиста.

Из среды русской интеллигенции первым пропагандистом марксизма в России стал Г. В. Плеханов (1856—1918). Высокообразованный человек, теоретик марксизма и талантливый публицист яркого стиля, политический деятель и организатор марксистского движения в России на первом его этапе, Плеханов стал одним из его ораторов. Мастерски владея словом, искусством образного мышления и его яркого воплощения, секретами психологического воздействия на слушателей посредством устного слова, Плеханов, несомненно, содействовал формированию и развитию красноречия в нашей стране, особенно в таких формах, как реферат, лекция, политическое выступление. Но, как отмечал А. М. Горький (в очерке «В. И. Ленин»), в речах Плеханова проявлялись свойства и черты, чуждые принципам и нормам красноречия, например простоты, идейной ясности и принципиальности, утверждавшиеся Марксом и Энгельсом. Была холодность и академическая сухость в речах Плеханова; он не мог удержаться от ораторской позы и самолюбования, поэтому ему в редких случаях удавалось, как говорится, «слиться с массой». Эти стороны его ораторской практики стали особенно нетерпимы, когда в 1903 г. Плеханов начал заметно переходить на позиции примиренчества по отношению к ренегатам марксизма.

Дальнейшее развитие и совершенствование ораторского искусства в нашей стране связано с именем В. И. Ленина, с его десятилетиями продолжавшейся разносторонней, в том числе пропагандистской, деятельностью. Организатор первых общероссийских политических газет марксистского направления, выдающийся литератор и блестящий публицист стал и первым оратором периода быстрого вызревания социальной революции. Ленин обосновал все главные положения и принципы революционной агитации и пропаганды. Составляя определенное единство, писал Ленин, агитация и пропаганда неразрывны со всей идеологической работой социалистов. Пропаганда и агитация — составные

части деятельности партии рабочего класса. В брошюре «Задачи русских социал-демократов» (1897 г.) Ленин писал, что социалистическая работа состоит прежде всего «в пропаганде учений научного социализма» и в агитации среди рабочих, откликающихся на стихийное проявление пролетарской борьбы, сливающейся с практикой, с революционной деятельностью. Ленин подчеркивал «нераздельную близость *социалистической* и *демократической* пропаганды и агитации...» [5, 2, 451].

Ленин неизменно утверждал идейную направленность пропаганды и агитации как первостепенных средств идеологии и политики. Пропагандировать и агитировать, по Ленину, — значит организовывать людей для определенного действия, вдохновлять их на большое дело, вооружать знаниями и уверенностью в успех намечаемой и осуществляемой цели. Вот почему Ленин придавал большое значение тому, какие мысли и идеи агитация и пропаганда несут в массы. Еще в проекте заявления редакций «Искры» и «Зари» (1900 г.) Ленин писал, что без определенных взглядов по всем животрепещущим вопросам общественной жизни невозможна широкая и планомерная пропаганда и агитация. Планомерность в данном случае понималась как организованность и систематичность, которые действительно немыслимы без ясности социальных взглядов у тех, кто ведет такую работу.

В последующие годы Ленин вновь и вновь возвращался к этим вопросам. Наиболее широко и полно идейную значимость пропаганды и агитации марксистской партии Ленин обосновал в статье «С чего начать?», а затем в работе «Что делать?». Рассматривая ведение пропаганды и агитации как постоянную первостепенную задачу партии, Ленин писал о необходимости их принципиальной выдержанности, направленной на то, чтобы все формы политического просвещения народных масс отвечали духу марксистской идеологии, идеям социализма.

Важно отметить, что Ленин, говоря о пропаганде и агитации, никогда не отождествлял их, выделял отличающие их особенности.

Пропаганда есть разъяснение учения марксизма, революционной теории, научного социализма, писал Ленин, анализируя именно марксистскую пропаганду. Агитация же в деятельности рабочих, марксистских пар-

тий, в двух ее основных формах — экономической и политической, — неразрывно связана с их практической работой по организации и сплочению трудящихся. Пропаганда служит «дальним», а агитация — «ближайшим» нуждам революционной борьбы. Политическая агитация в соответствующих условиях сводится к прямому призыву действовать, бороться за достижение революционных целей. Не случайно Ленин говорил об «агитационном воздействии», о «тактике агитации», о том, что «агитация должна служить средством» связи политической организации с народом. В годы советского строительства Ленин говорил даже о «митинговой демократии», имея в виду ту огромную организаторскую роль, которую должны играть митинги как формы массовой агитации для активизации общественной деятельности народных масс.

Небезынтересно также, что Ленин различал «идейную пропаганду», «пропаганду идей социализма», «атеистическую пропаганду», «антиимпериалистическую пропаганду», «производственную пропаганду», «политическое просвещение» и т. д., определяя их формы и средства с учетом реальной обстановки и предмета пропаганды. Такое различение пропаганды дает основание говорить, что Ленин представлял ее не только как явление многогранное, обладающее большими возможностями, но и как живой процесс, отражающий перемены в общественной жизни.

В работе «Что делать?» Ленин доказывал, и это впоследствии подтверждалось деятельностью Коммунистической партии, что революционное слово есть серьезное дело. Владимир Ильич вскрыл диалектику превращения мысли в свершение, однако предупреждал: не уповать на самостийность. Большевистский агитатор и пропагандист должны были научиться претворять коммунистические идеи в практические дела. Ленин охарактеризовал разнообразные коммуникативные функции и социально-организующие возможности марксистской пропаганды, обосновал ее научность и коммунистическую партийность. Призванное быстро и чутко реагировать на назревшие проблемы времени и активно содействовать их успешному решению, революционное слово, как утверждал Ленин, есть могучее оружие в руках пролетариата. Поэтому первостепенным принципом коммунистической пропаганды должна стать по-

стоянная, усиливающаяся и разносторонняя ее связь с жизнью, с революционным переустройством мира. В такой связи отражалась важность марксистско-ленинского положения о единстве теории и практики. Оно же диктовало действенность коммунистической пропаганды, понятность и доступность широчайшим массам трудящихся.

Порожденное теорией и практикой научного коммунизма, творчески перенимавшее все лучшее, накопленное агитацией и пропагандой первых марксистов, ораторское искусство одновременно обогащалось приобретавшимся опытом революционной борьбы в России, отражая своеобразие ее общественного прогресса. Революционное слово звучало не только в партийной среде, но и в профессиональных союзах и на рабочих маевках, в страховых обществах, в марксистских кружках и некоторых «народных школах», в группах бастовавших рабочих и даже с трибуны царской Государственной думы — в смелых речах И. Г. Петровского, А. Е. Бадаева и других рабочих депутатов, впоследствии сосланных царским режимом в Сибирь, на каторгу.

Большевистское слово звучало и нелегально, и полулегально, а во многих случаях и ситуациях также легально. Оно формировало классовое самосознание рабочих и других трудящихся. Богатая история ораторского искусства до этого не знала такого многообразия форм и методов красноречия, такой оперативности и смелости, находчивости и изобретательности, как большевистская агитация и пропаганда. Они не только политически просвещали массы, но и являлись школой формирования и воспитания мастеров публичного слова — пролетарских и революционных ораторов.

Победа Великой Октябрьской революции дала новый, небывалый до того толчок развитию ораторского искусства. Социалистический строй, впервые обеспечив для миллионов людей действительную свободу слова, собраний, союзов, объединений и различных организаций, тем самым создал необходимые условия для роста и совершенствования красноречия, в особенности для того, чтобы каждый трудящийся имел реальную возможность выступать. Впервые в истории публичного слова, именно в Советской стране ораторское искусство перестало быть определенной привилегией известных людей или профессионалов-преподавателей. С не-

бывалой быстротой росла армия агитаторов и пропагандистов из рабочих и крестьян, из среды солдат и матросов. Огромного размаха, уже в первые годы советского строя, достигло массовое ораторское искусство.

После победы Великой социалистической революции В. И. Ленин выступал почти каждый день и по самым кардинальным вопросам революции и социалистического строительства.

Ораторское искусство Ленина давно охарактеризовано и оценено как «искусство убеждать». Сила убедительности ленинского слова вырастала из жизненного материала, которым Владимир Ильич умел пользоваться. Информативная насыщенность его публичных выступлений никогда не была ни иллюстративной, ни тем более нейтральной. И здесь мы должны обратиться к тому триединству, которое составляет сердцевину ораторского искусства В. И. Ленина — партийности, идейности, революционной целеустремленности.

Коммунистическая партийность — исходное в публичных выступлениях Ленина. Исходное потому, что принцип партийности применялся в единстве с принципом объективности, обеспечивая научное знание социальных явлений, помогая принятию правильных решений и их претворению в жизни. Вместе с тем первостепенный принцип коммунистической партийности неразрывен с обязательными критериями классовости и ясности политических позиций в любом общественном событии. Такую партийность Ленин квалифицировал и рассматривал как «идею социалистическую», противопоставлявшуюся им «беспартийности» — идее буржуазной [5, 12, 138].

Триединство партийности, идейности, революционной целеустремленности в ленинском красноречии подчинено пропаганде идей коммунизма и их последовательному претворению в действительности. В таком триединстве обнаруживается неразрывность всей системы нашей пропаганды с коммунистическим строительством; чувство и сознание нового, действенность нашей пропаганды. Именно этими свойствами и отличалось ораторское искусство Ленина. С полным основанием можно говорить о ленинской школе ораторского искусства. Она имеет поучительную историю, опирается на богатейший опыт революционной пропаганды прошлого, в особенно-

сти Маркса, Энгельса и его соратников. Ленинская школа ораторского искусства в решающей степени порождена и оформлена революционной борьбой рабочего класса, коммунистической деятельностью, строительством социализма и его успехами в нашей стране.

Под такой школой подразумеваем: а) научные основы и принципы красноречия; б) ораторскую практику в разных видах и жанрах, воплощающих социалистическое содержание и коммунистическую идейность; в) установившуюся систему подготовки и воспитания пропагандистов и агитаторов и г) опыт и традиции этого красноречия. Любая школа — в науке ли, в художественной сфере или в ином деле — имеет своего зачинателя, основателя и лидера, своих творцов и их последователей; вырабатывает и утверждает свою философию, жизненное кредо и мораль; придерживается собственных созидательных установок и принципов; стремится к определенной цели, к идеалу. Всеми этими признаками и обладает ленинская ораторская школа.

Эту школу вместе с Лениным представляли его ближайшие соратники и ученики, те, кто еще в революционной борьбе с царизмом стали мастерами политической речи, пропагандистами широкого тематического диапазона: Ф. Э. Дзержинский, В. Володарский, М. И. Калинин, С. М. Киров, Н. В. Крыленко, Н. К. Крупская, М. М. Литвинов, А. В. Луначарский, Д. З. Мануильский, Инесса Арманд, И. Г. Петровский, В. П. Потемкин, П. П. Постышев, Серго Орджоникидзе, Я. М. Свердлов, И. И. Скворцов-Степанов, С. Г. Шаумян, Г. В. Чичерин, Е. М. Ярославский, М. В. Фрунзе и другие.

Верные ленинцы, они представляли ту часть известных деятелей нашей партии, чья практическая и разнообразная работа сочеталась с искусством публичного слова. И каждый из них выделялся творческой индивидуальностью, своеобразием ораторского искусства. Универсальным и одаренным оратором был А. В. Луначарский, выступавший по широчайшему кругу проблем современности, в особенности культуры: ее истории, теории и практики. Обладая огромной эрудицией энциклопедиста, он был блестящим полемистом, импровизировал во многих своих речах, убеждая слушателей как глубиной мысли и ее теоретической обоснованностью, так и захватывая яркой эмоциональностью.

Пламенным трибуном революции признан нашим народом С. М. Киров, умевший с впечатляющей силой и предельно ясно говорить о самых сложных явлениях жизни. Говорил он вдохновенно, искренне, всегда проявляя революционный оптимизм и веру в великую справедливость и гуманизм социалистических свершений. Он был горд тем, что представляет ленинскую гвардию, что именно Советская страна пролагает пути к коммунизму.

Умелым пропагандистом и мудрым советчиком был М. И. Калинин. Калинин — зачинатель и мастер такого нового жанра красноречия, как беседы с народом. Выступавший по широчайшему кругу социально-политических, экономических тем, а также по вопросам культуры, в частности искусства и литературы, Калинин являл пример пропагандистской универсальности и готовности выступать при любой ситуации и перед всякой аудиторией.

Н. К. Крупская в своих речах, а также статьях, посвященных вопросам агитации и пропаганды, являлась опытной наставницей и подлинно народной учительницей. Ее тихий голос, замедленный темп речи, всегда предельно конкретной и дружеской по тону, покоряли слушателей. Ораторски одаренным был Серго Орджоникидзе, обаятельный человек и мастер революционно зажигающей речи, чья эмоциональная заряженность и страсть всегда сразу же захватывали слушателей. Оратором теоретического склада и глубоко аналитической мысли проявил себя М. В. Фрунзе в докладах, посвященных проблемам военного строительства в нашей стране, вопросам международной жизни. Прост, но горяч был П. П. Постышев: всегда ищущий и неизменно выступавший с каким-либо новым общественным почином, этот пламенный революционер подчинял своему настроению слушателей. Многие его речи, опубликованные в «Правде» и посвященные новым проблемам социалистического строительства, открывали нечто новое, обогащали слушателей (и читателей) [1].

[1] О В. И. Ленине-ораторе и видных ораторах нашей партии подробнее см.: Г. З. Апресян. Великий оратор революции. М., 1971; Пропагандисты ленинской школы. М., 1975; М. И. Калинин — пропагандист ленинской школы. М., 1975; А. В. Толмачев. М. И. Калинин — пропагандист и агитатор. М., 1975; А. В. Луначарский — пропагандист ленинской школы. М., 1976.

Установление и быстрое укрепление в нашей стране социалистического строя явились также условиями более успешного развития теории ораторского искусства — ораторoведения, а также обучения красноречию, воспитанию пропагандистских кадров. Уже в ноябре 1918 г. в Петрограде был создан «Институт живого слова» — учебное заведение ораторского искусства. В Коммунистическом университете им. Я. М. Свердлова много внимания уделялось науке и искусству живой речи. В 20—30-х годах в Ленинграде действовал Институт агитации им. Володарского, заметно поднявший обучение устной публичной речи и внесший значительную лепту в теорию ораторского искусства. Курс риторики читался в Московском университете и ряде других высших школ страны. Выходило немало брошюр и книг об устной агитации и пропаганде, в особенности о культуре речи, которой посвящено немало работ, например В. А. Артемова, В. В. Виноградова, К. И. Чуковского, Л. В. Успенского, Д. Э. Розенталя и других.

В рядах растущего мирового коммунистического движения выросли и прославились такие первостепенные ораторы—трибуны революции и выдающиеся деятели, как Карл Либкнехт, Клара Цеткин, Эрнст Тельман, Марсель Кашен, Жак Дюкло, Георгий Димитров, Пальмиро Тольятти и другие. Анализ стиля и форм речей этих ораторов позволяет выделять определенные характерные особенности в манере говорить, в эмоциональной окрашенности их выступлений, в жесте и мимике. Сборники речей деятелей зарубежных коммунистических партий также дают немало ценного для повышения культуры красноречия.

* * *

Ораторское искусство, пропагандирующее идеи коммунизма и его успехи, — непрерывное, живое творчество, созидающее идейные и моральные ценности. Оно составляет часть всей нашей культурной жизни, в особенности идеологической деятельности. Важнейшими вехами его развития становятся съезды нашей партии, решения пленумов ЦК партии, различные партийные документы по кардинальным проблемам коммунистического строительства и международного коммунистического движения.

В Отчетном докладе XXIV съезду Л. И. Брежнев говорил: «Центральный комитет считает необходимым усилить всю нашу идеологическую работу и прежде всего, сделать более активной, целеустремленной пропаганду коммунистических идеалов, конкретных задач нашего строительства... По-настоящему уметь в полной мере передать широким массам трудящихся всю силу нашей идейной убежденности; по-настоящему, действительно творчески подходить к делу коммунистического воспитания советского человека — вот в чем состоят наши главные задачи в этой области» [9, 3, 296].

Эти партийные установки успешно претворяются в жизнь, в советской устной пропаганде и агитации, в многонациональной ораторской практике, активно содействуя коммунистическому строительству.

Установки, которые дал XXV съезд КПСС в этом направлении, поднимают всю систему нашей идеологической, идейно-воспитательной и культурно-просветительной работы, как и ораторское искусство в нашей стране, на новый, еще более высокий уровень. Да иначе и не могло быть, так как то огромное идейное богатство, которое содержат материалы форума советских коммунистов, уже по своему конкретному содержанию поднимает работу каждого советского пропагандиста на новую ступень, призывает к более высокому качеству каждое наше публичное выступление. Массовое изучение материалов XXV партийного съезда стало новой вехой в нашей духовной жизни. В этом движении реализуется боевая программа, суть которой точно выразил Л. И. Брежнев в своем докладе на съезде.

«Донести идеи съезда до каждого коммуниста, до каждого советского человека — таков почетный долг не только пропагандистов, лекторов, докладчиков, но и всех наших партийных активистов. В эту работу надо вложить все свои знания, все умение убеждать, всю силу души. Во всем этом — одна из предпосылок неуклонного проведения в жизнь решений съезда» [11, 74—75].

Глава третья

Роды и виды ораторского искусства

1. ОСНОВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ КРАСНОРЕЧИЯ

Красноречие в Древней Греции рассматривалось как один из видов искусства. Однако в его классификации непосредственная связь проводилась лишь между красноречием, с одной стороны, и поэзией и актерским творчеством — с другой. Показательна, например, книга «О возвышенном», автор которой неизвестен. В ней риторика занимает преимущественное место и трактуется как наука о слове вообще и в первую очередь — о поэзии, прозе и красноречии. В трактовке анонимного автора, ритор — это и поэт, и мастер слова — оратор. Книга «О возвышенном» (47) свидетельствует о том, что в античности риторике обучались как поэты, так и ораторы. Последние охотно прибегали к чисто поэтическим приемам, чтобы усилить выразительность своей речи.

В высказываниях других античных мыслителей можно встретить также уподобления риторики живописи, скульптуре и даже архитектуре. Но такие высказывания весьма редки и часто неубедительны. Чаще же всего ораторское искусство рассматривалось как родная сестра поэзии

и сценического искусства. И если, например, Аристотель в «Риторике» и особенно в «Поэтике», сравнивая красноречие и поэзию, находил нечто общее между ними, то Цицерон в своих публичных выступлениях прибегал к актерским приемам.

В позднейшие времена также устанавливались связи между ораторским искусством и поэзией, между красноречием и актерским творчеством. Например, М. В. Ломоносов в «Кратком руководстве к риторике на пользу любителей красноречия» первостепенное значение придавал именно художественным компонентам публичной речи. Красноречие, по определению Ломоносова, означает «сладкоречие» («красно говорить»). Этим оно «превышает многие искусства», отличается чистотой «штиля», великолепием и силой слова, живо представляющего описываемое, как бы изображающее и поэтому возбуждающее человеческие страсти. Возбуждать и утолять страсти — такова, по утверждению великого ученого, первейшая обязанность оратора [41, VII]. Сходные мысли содержит книга А. Ф. Мерзлякова «Об истинных качествах поэта и оратора», изданная в 1824 г. Одно то, что поэт и оратор рассматриваются как люди одинакового творческого труда, уже свидетельствует о том, что автор названного сочинения не проводил резкой грани между стихотворцем и ритором. Об определенной связи поэзии и красноречия писал также В. Г. Белинский в рецензии «Общая риторика Кошанского», где утверждал, что «поэзия входит в красноречие как элемент, является в нем не целью, а средством» [20, 8, 509].

Выдающийся русский судебный оратор и теоретик красноречия А. Ф. Кони (1844—1927) много писал об ораторском искусстве как истинном творчестве, не лишенном художественности и даже элементов поэзии. Всецело соглашаясь с толкованием красноречия П. С. Пороховщиковым (П. Сергеичем), Кони писал: «Красноречие — это и литературное творчество, но в устной форме. Оратор так же, как и поэт, обладает творческим воображением, и разница между ними та, что они к одной и той же действительности подходят с разных точек зрения» [38, 115—116].

В современной литературе можно встретить сопоставления ораторской речи и поэзии (Асеев «Кому и зачем нужна поэзия?», Афонин «Искусство художест-

венного слова» и др.). Аналогия между актером-чтецом и оратором проводится и в книге М. С. Кагана «Лекции по марксистско-ленинской эстетике».

Что же дает основание для таких сопоставлений и аналогий?

Конечно, прежде всего то, что художественное творчество вообще, как и красноречие, будучи видом его, относится к сфере духовной жизни, являясь определенной формой идеологической и — шире — культурной деятельности. Как поэзия и театр, так и ораторское искусство есть созидание духовных ценностей. Все виды эстетического труда и красноречия по своему существу идеологичны, хотя, конечно, в разной степени и форме выражения. Как поэзия и театральное искусство, так и красноречие чутки к современности в своей исследовательской сущности и стремлении соответственно воздействовать на общественное мнение и психологию людей. Однако как раз это существенное обстоятельство, общее для этих видов искусства и красноречия, рассматривалось далеко не во всех исследованиях. Общее для поэзии и сценического искусства, а также красноречия большинство исследователей видели лишь в том, что они оперируют словом. При этом фактически забывалось, что живым, то есть устным и звучащим, словом пользуются только актер и оратор, а поэт (если он не ашуг) пишет и не всегда декламирует собственные творения точно так же, как драматург творит на основе и по нормам литературного языка, хотя и обязан подчиняться законам сценического искусства.

От связи разных видов искусства перейдем к рассмотрению различия между поэзией, театральным искусством, с одной стороны, и красноречием — с другой.

В художественном творчестве весьма существенное место занимают вымысел и домысливание. В красноречии применяется лишь домысливание, и то в сравнительно редких случаях, когда оратор говорит о возможном развитии освещаемого события или процесса. Конечно, талантливый оратор так же, как поэт или драматург, актер, одарен воображением, способностью к фантазии. Но вряд ли он может следовать, например, Пушкину и сказать:

Порой опять гармонией упьюсь,
Над вымыслом слезами обольюсь...

Если художественная фантазия вполне правомерно может творить на основе вымысла, то воображение оратора всецело опирается на данные действительности, на опыт и достижения науки. Ораторское воображение нередко проявляется в форме гипотезы, предположения или научного предвидения, но никогда не может быть плодом вымысла, воображения. Под художественным вымыслом, как известно, подразумевается то, чего никогда не было и даже не могло быть в жизни, но что тем не менее благодаря силе творческого дарования, талантливого созидания воспринимается как нечто реальное, могущее быть или даже будто бывшее.

Другое обстоятельство — условность. Она — исторически сложившаяся форма (способ) художественного отражения жизни, как правило, предельно дифференцирующаяся по видам и даже жанрам искусства. К тому же художественная условность всегда национальна, своеобразна и самобытна. Марксистско-ленинская эстетика отличает условность в реалистическом искусстве, где она действует как форма правдивого воспроизведения действительности, условности формалистического искусства, так как здесь условность абсолютизируется, доводится до абсурда и поэтому ничего реального не отражает, кроме смутных представлений художника-модерниста. Стоит в связи с этим отметить, что эстетическая категория условности в советском искусстве имеет довольно богатую историю и видовое многообразие. Анализ, например, драматургии В. Маяковского, творчества А. Довженко или искусства московского театра «Современник», не говоря уже о режиссерской практике и теории, был бы вполне достаточен, чтобы убедиться в том, насколько широко и разнообразно используется язык художественной условности в советском искусстве.

Что же касается красноречия, то условность в нем применяется опять-таки весьма ограниченно, и то исключительно в образности, стиле, манерах, а также жестах и мимике оратора. Предмет же красноречия, как и его конкретное содержание, всегда вполне реален. И говорится ли об этом предмете конкретно или в отвлеченной форме — все равно речь не может быть условной по существу.

Красноречие отличается от собственно искусства и тем, что в нем, как правило, не бывает художественного образа как основной формы воплощения ораторской

мысли. В поэзии слово обязательно образно, метафорично и воплощает видимое или конкретно чувствуемое, так или иначе эмоционально переживаемое. В публичной речи мысль (идея) выражается в понятиях и определенных теоретических положениях, раскрываемых суждениями и доказательствами, умозаключениями и другими логическими категориями. Конечно, талантливый и опытный оратор всегда стремится пользоваться образностью речи, добивается ее наиболее яркой выразительности. Он стремится к живости описательной части своего публичного выступления, использует такие речевые средства, которые способны давать наглядное представление о вещах, разбираемых в лекции или обозрении. Но эти моменты в ораторском труде играют не главенствующую, а подчиненную роль, поэтому категория образа в красноречии не имеет того значения, которое она имеет в любом виде художественного творчества.

Еще одно обстоятельство — отношение к слову. В поэзии оно не только выразительное средство, но нередко и предмет поэтического обыгрывания в инструментовке стиха, в рифмовании — внутреннем и внешнем, в обеспечивании определенной образной повторности и музыкальности. Правда, не каждому поэту дается такое «обыгрывание», но оно правомерно в лирическом творчестве, в искусстве поэтического слова. В красноречии такое обыгрывание исключается совершенно. Предположим, что лектор выразился так: «Размахом рабочего разума раздув ратный подвиг, народ наш надинамизировал и наэлектризовал навечно все человечество». Как будто есть определенный динамизм, четкая ритмика. Но что они дают и какой смысл может иметь такая искусственно сконструированная фраза? Наивный оратор или пропагандист, не отличающийся хорошим чувством слова, мог бы подумать, что эти «ра-ра», повторяющиеся пять раз, а потом четырежды произносимое «на-на-на-на» и завершение фразы наивной рифмовкой «навечно все человечество» произведут сильное впечатление на слушателей. На самом деле возникает мнение, весьма не лестное для того, кто решил бы изъясняться с аудиторией подобными фразами-пустоцветами.

Обратимся еще к некоторым сравнениям, на этот раз между красноречием и актерским искусством.

Сценическое слово, повторим еще раз, порождает, говоря словами К. С. Станиславского, «физическое действие»: определяет поведение драматического или комедийного персонажа, его переживания и стремления. Речь оратора, хотя в отдельных своих частях и произносится не без эмоций и переживаний, не порождает разнообразных действий кроме того, что часто сопровождается жестами и сказывается в его мимике. Главное «действие», которое он совершает по мере развертывания собственной речи, — это убедить своих слушателей в правдивости излагаемого, в истинности доказываемых им положений.

Далее. Красноречие — такой же живой процесс, как и искусство театра. Зритель сценического искусства и слушатель лекции или доклада становятся соучастниками того, что совершает актер или оратор. Для театральных исполнителей вовсе не безразлично, полон или полупуст зрительный зал, для успеха спектакля существен также состав зрителей, их подготовленность к восприятию и пониманию разыгрываемой комедии или фарса, трагедии или драмы. Для лектора, политического обозревателя, докладчика или цехового агитатора также важно, кто и как, в каком настроении и с какой подготовленностью слушает произносимую в данный момент речь. Существенное значение для актера и оратора имеет также внешняя, как правило, эмоциональная выявленность мысли и переживаемых чувств. Красноречие отличается от актерского творчества своей самостоятельностью. Как известно, актерское исполнение есть труд, производный от сочинения драматурга. Есть пьеса — будет актерское искусство, нет ее — театр в целом вынужден молчать. Вообще говоря, всякое художественное исполнительство — будь то музыкальное или вокальное, художественное чтение или действие актера на сцене — есть творчество, вторичное по своей природе. Конечно, талантливый исполнитель выступает как самостоятельный художник, отличающийся своим «почерком», стилем исполнения. Средствами своего искусства он не только раскрывает замысел драматурга или композитора, но нередко обнаруживает в исполнении музыкального произведения, чтении лирического стихотворения, басни или поэмы именно то, что не всегда «простым глазом» или слухом угадывается. История театра, например, изобилует гениальными прозрениями

в актерском исполнении равными большому открытию в познании человеческой сущности. Актерское искусство есть сценическое воплощение замысла драматурга, образов и картин, созданных его воображением и талантом, к тому же по-своему трактуемых режиссером-постановщиком. Точно так же пианист, чтец-декламатор, какими бы талантливыми и самобытными они ни были, не могут целиком игнорировать не только содержание, но и форму исполняемого ими произведения, созданного композитором, писателем.

Иначе обстоит дело с ораторским трудом. Красноречие, будучи живым процессом, состоящим из двух стадий, едино по своему творческому характеру. Первая стадия может быть названа временем ораторского замысла, его вынашивания, продумывания идеи и темы, а тем более конкретного содержания предстоящего выступления, его конспектирования. Вторая стадия — это уже реальное воплощение замысла и темы ораторской речи — ее публичное исполнение. Как на первой, так и на второй стадиях оратор целиком предоставлен самому себе, и его труд составляет единство первичного и вторичного творчества. В своей работе истинный оратор самостоятелен и в известной мере оригинален от начала и до конца.

Правда, в античности были логографы — мастера писать тексты чужих речей. Они были сочинителями красноречия, с которым сами никогда не выступали. Логографы зарабатывали на том, что обеспечивали публичный успех и славу другим. В наше время не стало логографов, хотя «мастера» писать доклады или речи для других, конечно, есть. Однако подобное творчество для них является побочным, не главным. Чтение подготовленных такими лицами текстов лишь в редчайших случаях бывает удачным и впечатляющим.

Действительный оратор всегда выступает в трех лицах: сочинителя («драматурга»), постановщика («режиссера») и исполнителя своих лекций, бесед и других видов искусства публичного слова. При всем том оратор, в отличие от актера и режиссера, обходится без предварительных, тем более длительных и скрупулезных репетиций. Первое ораторское выступление по данной теме — это и репетиция, причем уже открытая, и вместе с тем публичное выступление. И если лектору или пропагандисту приходится вновь и вновь выступать по дан-

ной теме, то он имеет возможность совершенствовать свои выступления.

Другая особенность красноречия — полное отсутствие в нем игры или представления, а тем более перевоплощения в какой-либо образ. Яркая личность лектора, его очевидная одаренность, блеск и глубина его ума, манера говорить, его голос и эмоциональность, наконец, примечательная внешность в совокупности нередко воспринимаются слушателями как определенный образ, но не чужой, а образ самого оратора, счастливо одаренного природой множеством привлекательных качеств.

И еще одно сравнение. В отличие от актера оратор всегда один с аудиторией. Она может состоять из двух-трех десятков людей или сотни. Тем не менее лектор или докладчик должен одинаково свободно вести себя и с одинаковым успехом держать слушателей в «своей власти». Конечно, актеру также приходится оставаться наедине со зрительным залом, но в редких, очень редких случаях и на считанные минуты заданного драматургом и режиссером монолога. Менять монолог, как и отказаться от намеченной и заранее отрепетированной мизансцены, он не может. Оратор же с самого начала и до конца своего выступления один перед массой людей. Он обязан приковать аудиторное внимание к себе, порою меняя какие-то частности в своем выступлении, импровизируя, повторяя трудные положения речи, прибегая к шуткам и т. д.

Однако сказанное не исчерпывает краткой характеристики основных особенностей красноречия. До сих пор оно рассматривалось главным образом в сопоставлении с искусством — такая аналогия стала традиционной. Любопытно, что «искусство», в античности толковавшееся весьма широко и подразумевавшее всякое занятие, спустя столетия дифференцировалось на различные науки, ремесла, художественное творчество, медицину и даже военное дело, но за красноречием так и остался «титул» искусства. А ведь по своей сути красноречие если в целом и может назваться искусством, то в ряде своих аспектов и видов должно признаваться если не наукой, то непременно — орудием науки. Это важное обстоятельство в первых изданиях данной книги не было в должной мере выделено и охарактеризовано, и теперь, восполняя пробел, необходимо вновь апеллировать к истории.

Если повнимательнее вчитаться в то, что говорили или писали Платон и Аристотель в упоминавшихся трудах о риторике, то не так уж трудно будет заметить, что красноречие они рассматривали в системе знаний как способ познания и толкования сложных явлений жизни. В некоторых суждениях этих мыслителей даже исчезают грани между толкуемой риторикой и собственно наукой. Позднее, например, Френсис Бэкон (XVII в.) в работе «Опыты» риторику классифицировал как искусство «сообщения знаний». Интересное положение сформулировал М. В. Ломоносов: «Красноречие есть искусство о всякой данной материи красно говорить и тем преклонять других к своему об оной мнению. Преложенная по сему искусству материя называется речь или слово» [41, 64]. Эти мысли в разных вариациях развивали другие видные русские ораторы. Например, А. Ф. Мерзляков считал, что публичная речь — это прежде всего рассуждение в устном выступлении. Но оратор не просто рассуждает, его цель — убеждая разум, воздействовать на волю людей для достижения определенной цели. Книга Мерзлякова «Краткая риторика» фактически и обосновывала эту главную функцию красноречия, толкуя ее собственные научно-познавательные функции. В работе М. М. Сперанского «Правила высшего красноречия» разрабатываются основы ораторского искусства, призванного быть доказательным, рассудительным, несущего людям знания.

Короче говоря, традиционное понимание красноречия как вида искусства, а нередко и словесности никого не должно вводить в заблуждение. Искусство и научность составляют сложный синтез двух относительно самостоятельных способов воздействия на людей. И если мы остановились на том, что дает основание характеризовать красноречие как искусство, то лишь потому, что это мнение весьма популярно, а главное, не одному современному слушателю хочется в красноречии видеть прежде всего искусство — творчество в высшем его выражении, способное увлечь и заразить эмоционально любого слушателя.

Что же дает основание рассматривать ораторское искусство в связи с наукой, а тем более как слугу науки?

Ораторское искусство пользуется открытиями и достижениями всех наук и вместе с тем широко пропа-

гандирует и популяризует их. Трудно сказать, что было бы с познанием наук, если не их распространение посредством живого слова и в разнообразных аудиториях! Но особенно важно то, что многие идеи или гипотезы первоначально излагались в устной форме, в публичных речах, собеседованиях и чаще всего — в лекциях и научных докладах или сообщениях. Многие явления и идеи античной истории были узнаны и поняты впоследствии из текстов речей Демосфена и Цицерона. Грандиозная «Эстетика» Гегеля, ознаменовавшая новый период в истории эстетической мысли, выросла из читавшихся им университетских курсов лекций. Некоторые основные идеи и положения своего «Капитала» К. Маркс, как уже отмечалось, первоначально изложил в лекциях о труде и капитале, читанных им для рабочих. А сколько новых идей и теоретических положений В. И. Ленин выдвигал, обосновывал и разъяснял в публичных речах! Назовем хотя бы общеизвестную речь «О задачах союзов молодежи», ставшей классическим трудом по проблемам коммунистического воспитания.

Можно заметить, что во всех этих и других случаях ораторское искусство выступает всего лишь как способ изложения научных идей, концепций и теорий, к разработке которых затем их авторы возвращаются в кабинетах и лабораториях. Пусть так. Но разве одного этого недостаточно, чтобы красноречие не рассматривать как только искусство? Красноречие требует от оратора не только умения, напряженной деятельности в той или иной области общественной практики. Оно требует наращиваемых знаний, а главное — навыков научно-исследовательской работы. Можно ли отказать в научных целях докладам на социально-политические темы, прокурорской или адвокатской речи.

Более чем очевидна опора ораторского искусства на категориальную систему соответствующих наук. Она составляет его научный аппарат, обеспечивающий механизм аргументаций, анализа и суждений, доказательств и обобщений. Еще в древности риторика и логика рассматривались в неразрывном единстве, именно в нем обнаруживалась тяга красноречия к научности. Ораторское искусство само, в ходе своего исторического развития выработало свою категориальную систему, которая продолжает обогащаться в наше время.

Особого внимания достойна методика в ораторском искусстве, в особенности в таком его виде, как лекция во всех ее жанрах или разновидностях. Методика как совокупность принципов, правил и приемов сама по себе есть целая наука, правда, прикладная по характеру, но не простая по своей сути. Она имеет первостепенное значение для успеха любого устно-публичного слова. Производная от марксистско-ленинской методологии, методика в советской лекционной пропаганде является предметом постоянного внимания и совершенствования. И давно установлено: чем выше методическая культура лектора при всех прочих равных условиях, тем выше его умение быть понятым слушателями, тем результативнее будет его публичное выступление.

Итак, понятие «искусство» применительно к красноречию, если и не совсем условно, требует ряда оговорок принципиального значения. Оно всегда есть напряженное эмоционально-интеллектуальное творчество, воплощаемое посредством звучащего слова. Надеемся, что в дальнейшем нашем изложении удастся полнее и конкретнее выявить основные особенности красноречия, без знания которых нельзя рассчитывать на успех.

2. РАННИЕ КЛАССИФИКАЦИИ КРАСНОРЕЧИЯ

Древняя Греция различала риторику по видам: политическая или совещательная речь, судебная и торжественная, или эпидектическая, речи. Кроме этого в ораторском искусстве выделялось еще «надгробное слово», посвященное памяти заслуженной личности, поэтому его произнесение поручалось лишь выдающемуся или во всяком случае хорошо известному оратору.

Такое видовое разделение риторики было чисто эмпирическим, пожалуй, даже эмоциональным, нежели вполне логически обоснованным. Даже гениальный Аристотель в своей «Риторике» не дал глубокой классификации видов красноречия. Он различал не виды, а стили заранее написанной и произносимой (выученной наизусть) речи. Первая точна, но суха, лишена аффектов, а вторая, то есть не написанная, а свободно исполненная речь, — наиболее актерская, то есть творческая. Причем о стиле этой речи Аристотель писал, что бывает

два ее вида: «один передает характер, другой — аффекты...» [18, 18]. Автор «Риторики» далее отмечал неуместность сценических приемов при чтении писанной речи, но они пригодны для живой речи. Аристотель не пояснял, что он подразумевал под «сценическими приемами», но можно допустить, что имелись в виду ораторский жест, мимика, интонация голоса. Действительно, как показывает опыт, внешние, в том числе в какой-то мере изобразительные, проявления ораторского состояния (жестикуляция) естественными кажутся именно в развертывающейся речи, а не при чтении заранее написанного текста публичного выступления.

Дифференциацией античного красноречия занимался также Цицерон. В труде «Об ораторе» он писал, что «существуют три рода красноречия», и связывал их с типами самих ораторов. Какие же это роды? «Прежде всего — ораторы велеречивые, с возвышенной силой мысли и торжественностью выражений, решительные, разнообразные, неистощимые, могучие, во всеоружии готовые трогать и обращать сердца, и этого они достигали с помощью речи резкой, строгой, суровой, не отделанной и не закругленной, а иные, напротив, — речью гладкой, стройной и законченной». Другой род, или «группа», ораторов, писал Цицерон, — это ораторы «сдержанные и проницательные, всему поучающие, все разъясняющие, а не возвеличивающие, отточенные в своей прозрачной, так сказать, и сжатой речи». Между этими двумя родами (группами) ораторов, утверждал Цицерон, есть еще один род — «средний и как бы умеренный род, не применяющий ни тонкой предусмотрительности последних, ни бурного натиска первых: он соприкасается с обоими, но не выдается ни в ту, ни в другую стороны, близок им обоим, или, вернее говоря, скорее не причастен ни тому, ни другому» [44, 274].

Далее Цицерон более подробно говорил об особенностях каждого из трех родов ораторов. Он высказывал немало любопытных соображений, помогающих разобраться в особенностях красноречия, которому он придавал весьма важное значение в общественной жизни. В частности, небезынтересно, что, по определению Цицерона, «наилучший оратор тот, который своим словом научает слушателей, и доставляет удовольствие, и производит на них сильное впечатление. Учить — обязанность оратора, доставлять удовольствие — честь,

оказываемая слушателю, производить впечатление — необходимо» [16, 39]. Цицерон считал правомерной «украшательскую» речь, был убежден в том, что «истинно красноречив тот, кто умеет говорить о будничных делах просто, о великих делах величаво, о средних — стилем промежуточным между обоими». Иначе говоря, Цицерон требовал соответствия формы (стиля, как он писал) и предмета, а значит, содержания — ораторской речи. И это положение, как вполне очевидно для непредубежденного человека, не противоречит научному подходу к сущности красноречия.

Стоит также отметить неточность цицероновского толкования категории «рода» красноречия. То, что он подразумевал под ним, на самом деле относится к «видам» риторики, в совокупности своей составлявшим род, то есть определенный класс искусства риторики. Любопытно также, что в цицероновской, как и вообще в античной, классификации ораторского искусства не фигурирует «диалог», достигший высокой культуры в древнегреческих академиях, одним из первых мастеров которого показал себя, как уже отмечалось, Сократ.

Однако цицероновская классификация ораторского искусства идеалистична, так как в ней фактически игнорируется предмет красноречия. Согласно цицероновской концепции, не предмет и тема публичной речи определяют ее характер, ее видовую (родовую, как писал Цицерон) особенность, а сама манера (стиль) этой речи играет решающую роль для ее предмета. Кроме того, Цицерон исходил не из объективно сложившихся форм и приемов риторики, а из личности оратора.

Какова личность оратора? Яркая, темпераментная, талантливая или малоодаренная, замкнутая? Эрудированная или дилетантская? Разумеется, успех любого публичного выступления определяется знаниями, талантом и мастерством оратора. Но в одном стиле он будет говорить, выступая с лекцией, например, о конституционном устройстве государства, в другом — в судебной речи или в «надгробном слове», если иметь в виду наиболее распространенные виды красноречия цицероновских времен. Тема и назначение, форма и даже состав аудитории, а они — факторы объективного характера — обязывали оратора не только в ту пору, но и намного раньше выступать по-разному, действовать в духе каждого вида красноречия. Талантливость и ма-

стерство, между прочим, сказывались в том, что говорящий продумывал и затем произносил свою речь, во-первых, строго исходя из предмета: характера, объема, конкретного содержания и направленности темы; во-вторых, также строго учитывал состав аудитории, целевое назначение собрания.

Любопытно, что цицероновский принцип разделения красноречия по типам ораторов в определенной степени сказался в Древней Грузии в том толковании, которое давал ораторскому искусству Фартадзе — видный деятель знаменитой Колхидской риторической школы, оратор IV в. В некоторых своих речах, тексты которых в довольно полном виде сохранились по сей день, грузинский ритор говорил об «искусно и пламенно произнесенном слове», о «соблазнительном и вкрадчивом изложении». Фартадзе различал политическую и судебную речи. Первая, как он считал, рассчитана на то, чтобы, убедив людей в верности развиваемых оратором положений, привести слушателей к правильному пониманию интересов государства и народа. Судебная же речь, пользуясь чисто риторическими средствами, должна быть строго аргументирована юридически [50]. Однако то истолкование видов красноречия, которое давал грузинский мыслитель, было скорее описательным и эмпирическим, чем теоретическим, всерьез аргументированным.

Немало интересного содержат труды мыслителей и летописцев Армении V—VI столетий. Начиная уже с создателя армянской письменности и одного из выдающихся первых просветителей этой страны Месропа Маштоца деятели этой эпохи рассматривали красноречие в ряду других видов искусства, выделяя при этом силу слова, носителя мысли и красоты. В «Истории Армении» Фавстоса Бюзанда, «Истории Армении» Мовсеса Хоренаци и у других летописцев и ученых того времени приводятся образцы речей, в которых именно красота мысли и воплощающего ее слова выделяется как специфический признак действенности ораторского искусства.

В древнеармянской классификации красноречия особый интерес представляет «Определения философии» — труд выдающегося армянского философа VI в. Давида Анахта (Непобедимого). Отражая достигнутый уровень философской мысли и логической культуры, это

сочинение сыграло существенную роль в развитии любомудрия в Армении, ее теоретических знаний. Оно ценно тем, что содержит одну из самых ранних, наиболее полных и, главное, аргументированных классификаций познания: теоретического и опытного. Анахт писал (и это было серьезным достижением армянской философии), что все существующее может быть разделено, определено, анализировано и доказано. Тем самым подводилась определенная методологическая база под классификацию теоретического знания и практики, выдвигались принципы, в которых нетрудно усмотреть элементы материализма.

Обращаясь к ораторскому искусству, Давид Анахт рассматривал его как важный способ познания, как определенный вид искусства. Вместе с тем он и в данном случае применял принцип деления классификации, различия видов красноречия. В «Определениях философии» он писал, что «ораторское искусство, являясь родом, делится на три вида: судебное, полемически-рассудочное, торжественно-праздничное». Порою мыслитель выражал свое несогласие с такой классификацией ораторского искусства, хотя и не объяснял сути своего несогласия. Но для нас в данном случае важна даже сама по себе констатация ученым древности красноречия как общественного явления и наличия его разделения. И, конечно, интересно суждение Давида Анахта о том, что полемически-рассудочное ораторское искусство «относится к будущему времени, так как когда кто-нибудь делится своими мыслями с кем-либо, то он думает о грядущем. А судебное относится к прошедшему времени, ибо всех, кого осуждает, оно осуждает за то, что уже совершено. Торжественно-праздничное же относится к настоящему, ибо имеет целью поднять настроение присутствующих» [26, 45].

Как видим, Давид Анахт говорил прежде всего об определенном роде, подразумевая род познания или искусства. В пределах же этого рода он уже различал виды красноречия. В таком разделении сказались, во-первых, опыт классификации знания вообще; во-вторых, достижения античной риторики, а также того красноречия, которое развивалось в самой Армении. Сказался уровень самого теоретического осознания сути ораторского искусства и его видов. Что же касается характеристики особенностей каждого вида красноречия, то

конечно, вряд ли можно принять ее без серьезных оговорок. Мыслитель как бы отвлекался от конкретного предмета ораторского искусства в каждом отдельном его виде, рассматривая его по преимуществу в его отношении к трем временам: минувшему, настоящему и будущему. Кроме того, в самом таком разделении по временам обнаруживается элемент метафизики. Тем не менее классификация красноречия, данная в «Определениях философии», представляет интерес не только исторический, но и теоретический.

Не останавливаясь на других фактах античной и более поздней дифференциации ораторского искусства, следует отметить, что в ней, в частности в армянской и грузинской классификации, не найти определения церковно-богословского красноречия, хотя, например, христианская проповедь к V—VI вв. уже накопила порядочный опыт и выдвинула не одного видного ритора. В армянской классификации нет такого вида красноречия, как военно-патриотическая речь. Между тем образец такой речи, разумеется, в значительной мере домысленной, национального героя Вартана Мамиконяна, но очень характерной для V столетия, дан в книге одного из выдающихся летописцев и писателей Армении V столетия Егише в его сочинении «История Вартана и Армянской войны» [31].

Таким образом, та ранняя дифференциация красноречия, о которой говорится здесь, фактически не охватывала всех действительно существовавших видов риторики. Но тем не менее нельзя отрицать, что попытки классифицировать виды красноречия отражали движение к созданию ораторoведения. Они имеют не только историческое значение. Некоторые суждения первых теоретиков риторики и в наше время не потеряли своего значения и способны содействовать развитию научного ораторoведения.

3. СОВРЕМЕННАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ КРАСНОРЕЧИЯ

Ораторское искусство уже в античности не было однородным. Красноречие стало еще более многообразным в XX столетии и продолжает дифференцироваться в наше время.

Есть еще один особенно существенный аргумент в пользу классификации красноречия. Это — необходимость лучшего понимания ораторского искусства, а значит, дальнейшего его совершенствования. То обстоятельство, что любой вид красноречия есть частное по отношению к общему, то есть ораторскому искусству, вместе с тем вид красноречия действует в своей сфере как общее, поэтому нам необходимо знать его.

Ораторская речь должна быть определенной не только по своей теме, конкретному содержанию, но и способу изложения, по тому, как она исполняется, по степени эмоциональности и даже по составу и характеру терминологии. Иначе говоря, те формы и средства освещения темы, которые уместны при изложении, например, отчетного доклада на партийной конференции или профсоюзном собрании, неприемлемы для вузовской лекции; или же стиль чисто агитационной речи был бы вовсе не уместен на научной конференции, посвященной проблемам предмета философии, методологии науки, принципам и основам генерального планирования экономического развития страны, сущности и целям научно-технической революции и других не менее сложных тем. Отсюда следует, что мастерство в красноречии — это овладение спецификой каждого рода и вида ораторского искусства, а тем более знание его предмета.

По каким же научным принципам мы должны классифицировать красноречие? Думается, что верное толкование причин многообразия ораторского искусства поможет определить сами эти принципы (методологию) его разделения. Речь в данном случае должна идти о диалектическом единстве объективных и субъективных факторов развития красноречия. Оно, как уже было сказано, возникло из необходимости публичного продумывания каких-то явлений и проблем, разбора и решения вопросов, имевших общественное значение. Такова объективная основа зарождения и прогресса красноречия. Но вопросы, которые становились предметом публичного выступления, никогда не были однородными, не отражали тождественных, а тем более равнозначных по существу и характеру явлений действительности. В одних случаях они отражали остро назревшие политические явления жизни, в других — касались быта или нравственности, в третьих — были предметом судебного разбирательства и т. д. В одних случаях

публичная речь была предварением определенных решений и затем практических действий, а в других — носила познавательный характер и имела сугубо теоретическое, прогнозирующее и даже гипотетическое значение. Сама действительность — то решающее обстоятельство, которое дает основание утверждать: в красноречии не может быть одинакового отношения к явлениям мира.

Перейдем к самой классификации ораторского искусства, как она нам представляется. Начнем с самих терминов «ораторское искусство» и «красноречие». Первый из них — античного происхождения и означает публичную речь, то есть слово, обращенное к массе людей. В античные времена не любой публично выступавший с речью заслуживал титула «оратора». Что же касается второго термина — «красноречие» (или «краснословие»), — то он чисто русского происхождения и означает говорить привлекательно, красиво, красно, убедительно (см. «Толковый словарь» Вл. Даля).

Пользуясь терминами «ораторское искусство» и «красноречие», мы подразумеваем одно и то же: они — синонимы. Между тем А. Ф. Кони проводил определенную грань между ними, писал, что под красноречием надо «разуметь дар слова, волнующий и увлекающий слушателей красотою формы, яркостью образов и силою метких выражений» [38, 1, 80—81]. Что же касается ораторского искусства, то оно, как считал Кони, есть умение говорить грамотно, убедительно. Ораторству можно учиться, а красноречие — природное дарование, развиваемое трудом, — таково убеждение этого блестящего практика и теоретика красноречия.

Не вдаваясь пока в разбор взаимосвязи приобретаемых знаний и природного дара в искусстве публичного слова, мы хотим сказать, что «ораторство» и «красноречие» означают сложное интеллектуально-эмоциональное творчество публичной речи.

Переходя к родовой и видовой классификации рассматриваемой общественной практики, попробуем представить ее схематически или в виде таблиц.

А. Род красноречия	*Б. Вид красноречия*
I. Социально-политическое красноречие	Доклад на социально-политические и политико-экономические темы.

	Отчетный доклад на собрании (конференции, съезде).
	Политическая речь.
	Дипломатическая речь.
	Военно-патриотическая речь.
	Политическое обозрение.
	Митинговая речь.
II. Академическое красноречие	Агитаторская речь.
	Лекция вузовская (цикловая, эпизодическая).
	Научный доклад.
	Научный обзор.
	Научное сообщение или информация.
III. Судебное красноречие	Прокурорская, или обвинительная, речь.
	Общественно-обвинительная речь.
	Адвокатская, или защитительная, речь.
	Общественно-защитительная речь.
	Самозащитительная речь обвиняемого.
IV. Социально-бытовое красноречие	Юбилейная, или похвальная, речь.
	Застольная речь — тост.
	Надгробное слово, или поминальная речь.
V. Богословско-церковное красноречие	Проповедь.
	Речь на соборе.

Порядковая последовательность здесь аргументируется той ролью, которую перечисленные роды и виды красноречия играют в общественной жизни социалистического государства. Как видно из этой таблицы, род в ораторском искусстве — это более или менее установившийся раздел красноречия, в какой-то мере характеризующийся общностью предмета, его устно-публичного разбора, оценки и особенностью их ближайших целей. Но более определяющим здесь является способ и форма монологической речи. Что же касается вида, который можно было бы определить и как жанр

ораторского искусства, то он в пределах рода является дальнейшей дифференциацией по еще более конкретным признакам публичной речи. Причем в первых двух родах красноречия их предметы (тематика) не всегда поддаются четкой разделительной характеристике. В самом деле, темы докладов о социальной и классовой структуре советского общества или о национально-освободительном движении в странах Азии и Африки становятся темами также лекций и научных докладов. А вот предмет судебного красноречия, как правило, отличается от тематики, а тем более от ближайшей цели первых двух родов ораторского искусства. Это же нужно с еще большей определенностью сказать о предмете — тематике и проблематике, а также о ближайших целях социально-бытового и особенно богословско-церковного красноречия. Что же касается форм, в которых воплощаются роды, а в них — соответствующие виды (жанры) красноречия, то при том общем, в чем они сходятся между собой, в каждом виде ораторского искусства они проявляются с достаточной определенностью.

Каковы же особенности видов ораторского искусства в пределах каждого его рода?

Социально-политическое красноречие. *Доклад* является публичным выступлением на экономические, социально-политические, культурно-просветительные, этико-нравственные, бытовые темы и на темы научно-технического прогресса. В таком выступлении ставятся и решаются назревшие задачи в той или иной области жизни и нередко преследуются практические цели и задачи. Поэтому доклад содержит рекомендации, подсказывает решение более или менее определенно сформулированных задач, а иногда становится и руководством к действию. Особенность такого доклада еще и в том, что он сам может стать предметом обсуждения, подвергаться критике, дополняться новыми положениями, соображениями и предложениями.

История свидетельствует, что в докладе на назревшую тему политического характера, сделанном выдающейся личностью, открывались новые явления общественного прогресса и в соответствии с ними выдвигались важные меры, призванные обеспечить достижение нужных целей. Таким докладом, вызвавшим широчайший

резонанс не только в нашей стране, но и за рубежом, явился доклад В. И. Ленина на Апрельской конференции Российской Коммунистической партии (большевиков) 1917 г., в котором Ленин предложил программу подготовки и проведения в России социалистической революции. Этот доклад, как известно, был предварен Апрельскими тезисами Ленина.

Доклад отчетный — речь, в которой официальное лицо отчитывается перед уполномоченным собранием о проделанной работе, анализирует и оценивает ее результаты. Такое выступление носит официальный характер. В нем меньше всего агитации и даже пропаганды. В таком докладе одновременно говорится о предстоящей деятельности и соответственно формулируются новые задачи. Его содержание не только обсуждается, но и может корректироваться в каких-то частях, одобряется и нередко принимается как программа к действию. Такими докладами являются, например, отчеты ЦК КПСС на очередных съездах партии и аналогичные документы на съездах братских марксистских партий.

Отчетный доклад — не индивидуальное, а коллективное творчество, представляемое в виде читаемого текста. В таком докладе, как правило, не бывает экспромтов или импровизаций, вполне правомерных и уместных, а порою необходимых в других видах красноречия. Доклад отличается продуманностью и строгой аргументированностью всех его разделов и положений, предельной деловитостью (практической направленностью), ясностью выводов и обоснованностью рекомендаций, а также содержащихся в нем призывов. Доклад, значительный по социально-политическому обобщению, дающий новые теоретические положения, обогащающий марксизм-ленинизм, намечает новые рубежи и пути общественного прогресса, а в нашей стране — дальнейшего движения к коммунизму.

Политическая речь произносится на конференции, совещании, съезде или на каком-либо представительном собрании, посвященном актуальным вопросам времени. Такая речь, как правило, произносится руководящим деятелем, поэтому является программной. Образцами такого устно-публичного выступления по жгучим вопросам времени были речи В. И. Ленина, в которых формулировались неотложные задачи революционной борьбы и социалистического строительства. Такова, на-

пример, речь, которую В. И. Ленин произнес 4 апреля 1917 г., стоя на броневике, у Финляндского вокзала. Свое краткое выступление оратор завершил призывом: «Да здравствует социалистическая революция!», выражавшим характер нового политического этапа развития России — массовой подготовки пролетарской революции. Иной, не столько оперативно-призывной, сколько программно-теоретической, была ленинская речь на Третьем съезде союзов молодежи, состоявшемся в марте 1920 г. Она нацеливала комсомол на серьезную учебу коммунизму, на коммунистическое воспитание нашей молодежи. Любая политическая речь Ленина всегда отражала веление момента и верно намечала перспективы развития, превращаясь в реальное дело, в творчество народных масс в нашей стране.

Видные деятели нашей партии и Советского государства еще в условиях царизма и подпольной революционной деятельности приобрели необходимый опыт и навыки. В этот опыт большой вклад внесли члены большевистской фракции Государственной думы России — фракции, чья практическая деятельность и бесстрашные речи в логове буржуазно-помещичьей реакции явились поводом для ареста и ссылки ее членов. Публичные речи на общественно-политические темы видных партийных и советских деятелей в 20—30-х годах неизменно были ясными и точными по установкам, отвечали на злободневные вопросы времени. Насыщенные богатым фактическим материалом, убедительные по своей аргументации, никогда не скрывавшие трудностей социалистического строительства, такие речи были целеустремленны, обладали огромной мобилизующей силой и не раз вели широкие слои нашего общества на большие героические свершения. Эти речи поднимали значение публичного слова по текущим вопросам.

В суровые годы Великой Отечественной войны слово правды, призывный клич к воинам имели не меньшее значение, чем залпы знаменитых катюш. Искусство политической речи, массовой пропаганды и агитации и теперь имеет большое организующее и воспитательное значение, ибо является неотъемлемой частью всей нашей духовной жизни, важным орудием той огромной и повседневной политической и идеологической деятельности, которую ведет Коммунистическая партия Советского Союза.

Непереоценима та роль, которую играет политическая речь в зарубежном революционном движении.

Политический пафос речей, ораторское мастерство характерны для бесстрашного вожака масс, публициста и оратора — Фиделя Кастро. Произнесенные им на митинге слова: «Родина или смерть, — мы победим!» — стали боевым лозунгом трудового народа Кубы. Каждая политическая речь Кастро, посвященная актуальным вопросам социалистического строительства на Кубе, всегда глубоко аналитична, мужественна и ярко эмоциональна.

Известен еще один жанр социально-политической речи — слово по текущим, нередко повседневным, вопросам. Оно произносится при обсуждении какого-либо вопроса в прениях. Ограниченная, как правило, 5—10 минутами, такая речь предельно сжата по объему изложения, но конкретна и деловита. Описания в таком выступлении, как правило, исключены. Полемичность или критическая направленность — характерные ее особенности. Она не имеет самостоятельного значения, понятна лишь в связи с обсуждаемым вопросом. Но и в таком кратком слове опытный оратор блеснет и глубиной мысли, и остроумием, и выразительностью своей речи.

Дипломатическая речь — сугубо официальное выступление лица, представляющего то или иное государство. Разновидность политической речи, слово дипломата всегда было орудием политики, а в антагонистических обществах применялось и как прямая угроза. Многие войны предварялись дипломатическими демаршами и речами. Еще в далекие времена, особенно в недрах «преуспевающего» капитализма, дипломатическая речь стала средством прямого и беззастенчивого обмана, вероломства, лицемерия и даже угрозы, прямого шантажа и политического давления на то или иное правительство. Именно в буржуазно-помещичьей дипломатической практике сложилась поговорка: «Язык дан дипломату, чтобы скрывать собственные мысли». Иначе и не могло быть, так как буржуазная дипломатия, натравливающая, как правило, одни народы на другие, всегда была антинародной по своему существу. Реакционным было и ее орудие — дипломатическое красноречие.

Рождение первого в мире социалистического государства положило начало новой дипломатии, а с нею и нового дипломатического красноречия. Первым дипломатом социалистического государства был Г. В. Чичерин — энциклопедически образованный человек, отменно владевший рядом иностранных языков, любивший и глубоко знавший искусство, особенно музыку. Чичерин был великолепным оратором и опытным пропагандистом, его речи и доклады по разнообразным вопросам как бы продолжались в его многочисленных статьях — всегда острых по форме, содержательных, высокоидейных и целеустремленных. Именно этому деятелю, всегда следовавшему указаниям и советам В. И. Ленина, суждено было определить стиль дипломатического красноречия, лишив его той зашифрованности, внешнего «лоска» и чаще всего лицемерия, которым отличалась вообще буржуазная дипломатия.

Первая речь Г. В. Чичерина, произнесенная 10 апреля 1922 г. на знаменитой Генуэзской конференции, не только удивила, но и ошеломила всех. После сугубо официальных традиционно-дипломатических выступлений уполномоченных Италии, Великобритании, Франции, Японии, Бельгии, Германии уверенная, хорошо аргументированная и программная по существу речь главного советского дипломата, произнесенная на совершенном французском языке, была выслушана в настороженной тишине, в которой затаились удивление, неприязнь, вражда и боязнь. Советский дипломат предложил развернутую программу всеобщего сокращения вооружений, прочного и длительного переустройства мира. Эта первая речь советского дипломата положила начало той откровенности, прямоты, ясности, принципиальности, которые стали неотъемлемыми свойствами социалистической дипломатии и ее красноречия.

Последовательно отстаивая интересы социалистического государства и выполняя свой интернациональный долг перед трудящимися всего мира, советская дипломатия всегда чуждалась велеречивости и «изысканности» стиля, характерного для буржуазно-дипломатического красноречия, она не пользуется традиционным в дипломатии эзоповым языком. Советское дипломатическое красноречие достигло совершенства в ораторской практике Г. В. Чичерина, М. М. Литвинова, Л. Б. Красина, В. В. Потемкина, Д. М. Мануильского и других

советских дипломатов. Являясь орудием мира (сосуществования между государствами с разными политическими системами), советское дипломатическое красноречие близко народным массам по своей цели и понятно по форме. Оно всегда откровенно и является острым оружием советской государственной политики.

Советская дипломатическая речь на международной арене — в ООН и на различных представительных официальных конференциях и совещаниях — выражает интересы народных масс, отстаивает принципы справедливости для всего мира.

Политическое обозрение — публичное выступление, в котором освещаются и кратко оцениваются главным образом текущие социально-политические события. Такое выступление носит информационно-комментаторский характер. Распространенным в нашей стране стало публичное «международное обозрение» — искусство, в котором приобрели известность многие советские лекторы-международники. Одним из признанных мастеров такого вида красноречия был И. И. Ермашев. Историк и публицист, Ермашев в совершенстве владел правилами и «тайнами» публичной речи. Остроумие, иносказание и сарказм в адрес идейных противников, патетика при характеристике различных явлений действительности были органически присущи его выступлениям.

Военно-патриотическая речь обычно произносится командиром перед решающим сражением. Разумеется, в сфере военного искусства используются разнообразные виды красноречия. Но по своей форме, жанровым особенностям они не отличаются существенно от социально-политического и академического красноречия. Предельно краткая речь носит призывный патриотический характер, сурова по сути и всегда одухотворена идеей героизма, требует совершения личного подвига, проявления массового мужества. Одна из особенностей такой речи определяется тем, что она не подлежит обсуждению и тем более критике. Пафосная по характеру, мужественная по призывному интонационному строю, лаконичная по форме, четкая и ясная в установках, военно-патриотическая речь — это не только призыв к подвигу и геройству, но и приказ. Такая речь особенно впечатляет и воодушевляет ее слушателей, если произносится человеком, известным своей смелостью, отвагой и пользующимся популярностью.

Речь митинговая носит острополитический характер и посвящена всегда очень злободневной и общественно значимой теме.

Октябрьская революция, а затем гражданская война и первые очень напряженные годы социалистического строительства в стране дали небывалый в прошлые времена размах митинговой речи (очень разнообразному по формам ораторскому искусству). Быстро росли кадры ораторов-митинговщиков, ораторов-бойцов. Мастерами митинговой речи были В. Володарский и М. Урицкий, Я. Свердлов и Ф. Дзержинский, В. И. Чапаев, Гая Гай [1] и другие.

Митинг посвящается выдающемуся текущему событию внутреннего, внешнеполитического или международного характера или же какому-либо особому случаю (факту), требующему быстрой мобилизации людей на конкретное свершение.

Митинг, на котором всегда бывает огромная масса, нередко устраиваемый на городской площади, украшенной транспарантами-лозунгами, флагами, портретами, представляет большое и весьма динамичное зрелище. Именно такой зрелищностью отличался грандиозный митинг кубино-советской дружбы в Гаване, на котором присутствовало около миллиона человек.

Духовный подъем, чувство радости и сознание значительности новой демонстрации кубино-советской дружбы 29 января 1974 г. переживали и сами ораторы — Фидель Кастро и Леонид Ильич Брежнев. Речь кубинского руководителя по мере ее развертывания, минута за минутой как бы электризовала огромную массу. Речь советского руководителя также была взволнованной и вдохновенной. Заключительные слова — «Вива Куба!» — в едином порыве были подхвачены возгласами миллионной массы людей, рукоплесканиями и музыкой, завершая величественное зрелище.

Очевидно, что искусство митингового слова, всегда оперативного и действенного, в любой сфере общественной жизни имеет огромное общественно-организующее и воспитательное значение. Митинговая речь мо-

[1] Гая Гай (Гайк Бжишкянц) в 30-х годах — профессор Военной академии, автор трудов по проблемам войны и армии, а также художественных произведений. Ему посвящено немало литературы, из которой стоит выделить талантливую книгу Ал. Дунаевского «По следам героя». Свердловск, 1975.

жет продолжаться и час, и 10—15 минут. Но во всех случаях она отличается (должна отличаться!) яркой эмоциональностью, предельной четкостью интонаций и высоким пафосом. Такая речь должна обнаруживать новые аспекты темы, подкрепляться свежими фактами, а потому и восприниматься по-новому. Митинговая речь призывна и всегда предназначена для коллективного выражения общих, единых по характеру чувств и стремлений. Она нередко является своеобразной прелюдией к мобилизации коллективных усилий для важной и неотложной цели.

Агитационная речь носит разъяснительный характер. Опытный агитатор никогда не забывает о необходимости психологического воздействия на своих слушателей. В связи с этим он с особым усердием прибегает к ярким сравнениям, запоминающимся образам или метафорам, к ассоциациям. Предельно сжатая во времени и часто ограниченная каким-либо одним вопросом, агитаторская речь нередко носит мобилизационный характер. Она всегда нацелена на нечто предельно конкретное, важное и предваряет значительное свершение.

Постановление ЦК КПСС «О повышении роли устной политической агитации и выполнении решений XXV съезда КПСС» вновь подчеркивает, какое огромное организующее и политико-воспитательное значение имеет устная агитация и насколько ответственна роль каждого агитатора. Отмечая успехи политической агитации в социалистическом строительстве, ЦК партии вместе с тем поднимает роль этой оперативной формы массовой идеологической работы, рекомендуя новые средства ее дальнейшего совершенствования. «Политическая агитация, — говорится в этом документе, — должна рассматриваться как одно из важных средств воспитания трудящихся в духе марксистско-ленинского мировоззрения, коммунистической убежденности, социалистического патриотизма и интернационализма» («Правда», 1977, 25 фев.).

Академическое красноречие. Термин «академический» в данном случае несколько условен. Точнее говоря, мы выбрали его, не найдя другого термина для обозначения одного из наиболее влиятельных родов красноречия, которое можно назвать научным.

В даваемой нами классификации красноречия под «академическим» подразумевается строго научное по

характеру красноречие, отличающееся глубокой аргументированностью, высокой логической культурой, строгим стилем речи, к тому же имеющее специфическую терминологию.

Этим требованиям должна отвечать такая форма публичного выступления, как лекция, будь то вузовская, читаемая по целому курсу, спецкурс (несколько выступлений) или одна — эпизодическая. Лекция всегда отличается определенной обстоятельностью изложения и, как правило, имеет прежде всего познавательное значение. Лекция отличается углубленностью и аргументированностью ораторских суждений и умозаключений.

Существует мнение, что вузовская лекция чужда ораторскому искусству, что профессор и доцент в высшей школе только педагоги, а не трибуны. На одном семинаре по методике лекционной пропаганды раздавались голоса в пользу «сухости» или «сдержанности» лектора-педагога. Главное в лекции, подчеркивали сторонники такого стиля, — научность, строгая логика, сила аргументации и доказательности. Но разве все это оправдывает «сухость», предельную «свободу» от каких бы то ни было эмоций?

Конечно, бывают разные по жанрам лекции: строго образовательные и просветительные, теоретические, установочные, пропагандистские или популяризаторские, обзорные и другие. Но любая лекция, отвечающая требованиям строгой научности, марксистско-ленинской методологии и методики, не должна быть «сухой», рассчитанной лишь на разум и игнорирующей чувственную сторону процесса познания. Почему из механизма слушательского восприятия, о котором подробно будет говориться в дальнейшем следует исключать психологический момент, а тем более — эмоциональный строй каждой личности?

Стремление к «сухости» или, точнее сказать, к предельному рационализму лекции нельзя не признать ошибочным, противоречащим как богатой и разнообразной советской вузовской практике, так и лучшим традициям русского университетского красноречия. Один из наших талантливых вузовских профессоров Л. П. Гроссман (1888—1965) говорил о «поэтике красноречия», рассматривая лекцию как «явление художественного порядка», которое «строится на конкретном и ярком представлении о предмете чтения, излагается живым лите-

ратурным языком и подчиняется строгой и стройной композиции». И затем, отмечая образцы русского университетского красноречия, Гроссман писал «о художественной природе университетского преподавания», идею которого выдвинул Н. В. Гоголь, в 1834 г. начавший курс своих лекций в Петербургском университете. Тематическая прозрачность, яркость изложения, пластическая ясность, внутренняя стройность и эмоциональность, способная возбуждать воображение слушателей, — вот в каких элементах видел проф. Гроссман художественность вузовской лекции.

Но это не все. Эстетичность и художественность лекции, как справедливо он утверждал, обеспечивается и такими элементами, как артистичность — внешнее изящество речи, свободная импровизация, умение лектора увлекать слушателей, возбуждать их воображение. Лекция должна быть такой завершенной и цельной, такой привлекательной и одухотворенной, чтобы «представлялась стройной поэмой», — утверждал Гроссман. И при всем том лекция должна излагаться живым литературным языком, ибо она — «вид устного словесного или ораторского искусства...» [25].

Короче говоря, такой вдумчивый исследователь красноречия, каким был проф. Гроссман, не сомневался в художественной природе лекции и ратовал за то, чтобы она была действительным творчеством. И вместе с тем ни проф. Гроссман, ни кто-либо другой из советских толкователей природы лекции никогда не утверждал, что красноречие есть лишь искусство или «художественное творчество». Будучи одним из видов, причем сложных видов, ораторского искусства, лекция, пожалуй, больше, полнее и ярче воплощает (должна воплощать!) синтез научности и собственно искусства. Правда, существует мнение среди части вузовских работников о том, что лекция не принадлежит к ораторскому искусству. Но это явное заблуждение, ибо в самой природе любого публичного слова, обращенного к слушателям, заложена тенденция к ораторству. Спору нет, не каждый даже опытный лектор — оратор, однако это не дает основания объявлять красноречие и лекцию разными явлениями. Нашей целью должно быть то, чтобы любая вузовская и вневузовская публичная лекция отвечала самым высоким требованиям истинного красноречия.

В советской высшей школе работает немало мастеров-лекторов. Вырос новый тип профессора и доцента, вузовского преподавателя, выступающего в разных видах лекций. Чуждый традиционному академизму, изолированности от живой действительности, советский преподаватель активно живет народной жизнью, является проводником политики Советского государства в соответствующих сферах знания и практики. Он — друг студенчества, его наставник и воспитатель.

Тематический курс лекций — это как бы публично читаемая книга, он относительно самостоятелен, но вместе с тем предполагает продолжение. С удовлетворением можно отметить, что в Советском Союзе все чаще появляются труды, возникшие на основе прочитанных авторами лекций в вузе. Такими работами являются, например, «Исторический материализм» Д. И. Чесноковa, созданный в стенах философского факультета Московского университета; уже упоминавшиеся «Лекции по марксистско-ленинской эстетике» М. С. Кагана, читанные в Ленинградском университете; «Лекции по марксистско-ленинской эстетике» (в двух выпусках) А. Я. Зися, читавшиеся в училище МХАТа, и другие.

Нечего говорить, что от таких солидных и сложных курсов лекций требуется глубокая продуманность их «сквозной идеи», ясное представление лектором определенного «сюжетного» развития, хорошее понимание и соблюдение единства обучения—воспитания.

Научный доклад, или доклад, читаемый на научной конференции (на симпозиуме, семинаре, международном конгрессе), сходен с лекцией. Но, в отличие от нее, доклад, особенно в области естественных наук, бывает обобщением проведенных экспериментов по конкретным социальным и иным исследованиям, поискам и т. д. Он бывает посвящен отдельному вопросу и, за редким исключением, должен являться научным открытием или отражать принципиально новый подход к известным явлениям. Такая речь, как и лекция, также отличается строгой аргументированностью и доказательностью.

Научный доклад может носить гипотетический характер. В таком выступлении пока нет результатов какого-либо конкретного исследования. В нем эксперимент лишь намечается, следовательно, идея или основные положения такого публичного выступления должны восприниматься как поиск, предположение. Иной научный

доклад содержит конкретные рекомендации для практики, особенно для внедрения в производство новой технологии, методов управления и т. д. В отличие от лекции, научный доклад становится предметом обсуждения и даже острых дискуссий.

Научное обозрение принципиально (по своей форме) не отличается от политического обозрения, поэтому, не повторяя сказанного, отсылаем читателя к уже данной его характеристике.

Научное сообщение отличается от научного доклада предварительной или итоговой информационностью. Оно ограничено во времени изложения. В нем аргументация и строгие доказательства, а также обстоятельность изложения не обязательны. Однако научное сообщение всегда предметно и предельно конкретно по своей сути.

Судебное красноречие — один из древнейших видов ораторского искусства. Каковы его особенности?

Как *прокурорская* (или обвинительная), так и *адвокатская* (или защитительная) речи своим объектом имеют определенную личность или группу людей, а точнее — то совершенное ими деяние, за которое они привлекаются к судебной ответственности. Поэтому как прокурорская, так и адвокатская речи носят по преимуществу оценочный характер и отличаются нравственно-правовой направленностью. Предельная объективность, аргументация и доказательность в деталях — необходимые условия успеха таких публичных выступлений. Вместе с тем в них существен психологический момент, обязательна как можно более полная и верная характеристика личности подсудимого, а тем более мотивов (побуждений) преступления.

В досоветском, как и в современном буржуазном, суде прокурор и адвокат противостоят друг другу, поэтому их речи обычно носят состязательный характер. Чье слово окажется сильнее? Кто из них будет более убедителен и соответственно сможет повлиять на приговор суда? Но во всех случаях решающим в этом состязании является классовый мотив. Прокурор защищает буржуазный строй и ради него не останавливается даже перед ложным, заранее сконструированным обвинением. Наиболее чудовищным примером такого дела является обвинение двух итальянцев — американских рабочих Сакко и Ванцетти, всколыхнувшее в 30-х годах

мировую общественность и фактически сравнявшееся в цинизме с «делом Дрейфуса». Несмотря на недоказанность виновности обвиняемых и непрерывные протесты общественности со всех континентов, Сакко и Ванцетти были приговорены к смерти и казнены на электрическом стуле.

Адвокатская речь на буржуазном суде порою не останавливается не только перед попранием элементарных норм нравственности, но и перед ложной интерпретацией того или иного пункта закона.

Принципиально иной, по характеру новой в истории трибуной является советский суд, представляющий социалистический строй и являющийся защитником общенародных интересов. Советский суд — орган не только карающий, но и воспитывающий. Естественно, что природа советского правосудия определяет характер советского судебного красноречия. Отметим прежде всего, что в нем «состязательный» момент между прокурором и адвокатом совершенно исключается хотя бы потому, что прокурор как обвиняющий и адвокат как защищающий выступают от имени социалистического общества, цель которых на суде — установление конкретной истины и достижение вполне юридически обоснованного и поэтому справедливого приговора.

Бывают и отклонения от этих, законом установленных, принципов и норм, отмеченные советской печатью. Нередко как прокурор, так и адвокат «стремятся создать себе славу этаких «судебных острословов». Делается это с расчетом повлиять на вывод суда (опять-таки в ложном предположении, что суд оценивает лишь «единоборство», «состязание» сторон!). Иные прокуроры и адвокаты, возвращаясь с процесса, говорят: «А как я его (адвоката, прокурора) нынче срезал» (или «поддел»). Зачем это? Разве это в духе советского судопроизводства?» [21].

Речи обеих сторон в советском суде адресованы к судьбе определенного индивидуума, ставшего объектом юридическо-правовой и судебно-процессуальной характеристики и оценки. Но эти же речи прямым образом обращены не только к судьям, но и к совести и сознанию общественности. В этом опосредованном своем значении названные речи имеют и профилактический характер. Это обстоятельство становится особенно очевидным, когда судебное заседание идет при открытых

дверях, а рассматриваемое дело является не рядовым и поучительным по своему социально-воспитательному значению.

Однако прокурорская (обвинительная) и адвокатская (защитительная) речи вместе с тем отличаются друг от друга. Прокурору, или, как писал А. Ф. Кони, публично говорящему судье, всегда легче. Он — обвинитель, выступающий от имени государства, а в Советском Союзе (добавим от себя) — и от имени народа. Структура прокурорской речи чаще всего состоит из характеристики рассматриваемого дела, из оценки установленных фактов, формулировок, определения и разбора, из характеристики подсудимого, его деяний, в том числе и заслуг перед обществом, если они есть, морального облика привлеченного к суду. Такая речь завершается рекомендацией или предложением о мере наказания или об оправдании, если для этого имеются основания.

Выступление обвиняющего в советском суде — это речь блюстителя социалистической законности, обязанного говорить доказательно, не унижая подсудимого и не допуская такой ситуации, при которой он не мог бы защищаться. Прокурорская речь, как бы сурова она ни была, не может быть лишена чувства такта и предельной объективности. Об этом такте, корректности, исчерпывающей продуманности формулировок в обвинительной речи обстоятельно и мотивированно говорил в своей работе «Задачи обвинения» А. Ф. Кони. Он писал об огромной моральной и, разумеется, юридической ответственности прокурора, выступающего на процессе, о том, что прокурор облечен большими правами и доверием и поэтому обязан умело пользоваться ими, речь должна быть образцом объективности. В прокурорской речи неуместны не только издевательский тон, подтрунивание по отношению к обвиняемому, но даже юмор.

А. Ф. Кони в своих речах являл образец предельной объективности, деловитости, честности и ответственности. Достаточно познакомиться хотя бы с такими его речами, как «По делу об утоплении крестьянки Емельяновой ее мужем» (ноябрь 1872 г.) или «По делу о Станиславе и Эмиле Янсенах...» (март 1869 г.), чтобы убедиться в верности высоких оценок прокурорского речевого стиля А. Ф. Кони.

Искусство советской прокурорской или обвинительной речи еще в 20—30-х годах поднялось на большую высоту благодаря политическим процессам над врагами Советского государства. Выдающимся мастером такого красноречия стал Н. В. Крыленко (1885—1939). Один из творцов советской юриспруденции и создатель советской прокурорско-судебной системы, образованный и смелый человек, высоко ценимый В. И. Лениным, Крыленко был талантливым оратором. Он выступал государственным обвинителем на крупнейших политических процессах, например по делам провокаторов Малиновского и Окладовского, по делу «Тактического центра» — контрреволюционной организации, ставившей целью свержение Советской власти, по делу правых эсеров, организовавших покушение на В. И. Ленина, убивших Володарского и Урицкого, и ряду других дел (М. Маляров. Жизнь во имя революции. «Правда», 1975, 14 мая).

Н. В. Крыленко — тип нового государственного обвинителя, в чьем ораторском искусстве сказались и новые принципы и нормы прокурорской речи, и новые формы ее воплощения. Крыленко внес много ценного и важного в теорию советского права, оставив значительный след в истории советского суда.

В развитии искусства прокурорской речи как острейшего оружия классовой идеологии и политики явилось известное выступление Р. А. Руденко — главного обвинителя от Советского Союза на Нюрнбергском процессе 1945—1946 гг. по делу о главных военных преступниках. Наиболее полным, ясным и ярким воплощением правосудия и высочайшего гуманизма явилась речь советского государственного обвинителя. Даже простого сличения ее текста с текстами речей обвинителей из других стран достаточно, чтобы оценить высокую степень идейной принципиальности, характер всесторонней аргументации сурового обвинения, силу железной логики и, главное, суть социалистического гуманизма.

Обращаясь к виду *защитительной речи*, следует сказать, что адвокату всегда труднее выступать, защита обвиняемого при всех случаях — дело не такое уж легкое. Адвокат акцентирует внимание на былых заслугах подсудимого, смягчающих его вину перед обществом. Адвокатская речь в советском суде исполнена чувства гуманности и снисхождения. Защитник обязан искать и находить в биографии и деле обвиняемого фак-

ты, дающие ему основание просить о снисхождении при вынесении неизбежного приговора. Но сама такая просьба должна серьезно аргументироваться. Мы уже не говорим о тех случаях, когда адвокат на основании фактов доказывает, вопреки утверждениям обвинительного акта и прокурорской речи, невиновность подсудимого и ставит вопрос о его оправдании. И о всех случаях советский адвокат — не «антипрокурорская сторона», а «единоборец» за правду, «закон и справедливость в суде» (С. Березовская). Поэтому адвокат, как и прокурор, продвигается к единой цели — выяснению истины в рассматриваемом судом деле.

Советская судебная практика воспитала немало талантливых адвокатов и выработала свою культуру защитительной речи. Одним из видных адвокатов был И. Д. Брауде (1884—1955), блестящий оратор, лектор и пропагандист юридических знаний, увлекательный рассказчик и борец за правоту и справедливость. Участник общеизвестных политических процессов над «Промпартией», шпионским гнездом «Метро-Виккерс» и других, Брауде отличился и на многих судебных процессах по уголовным делам. Его книга «Записки адвоката» (М.,1970) помогает постичь суть адвокатской речи, требующей глубокого и тонкого знания человеческой психологии, мастерства в судебной полемике и, конечно, отличного владения словом. Не только сила аргументации и доказательности, строгая логичность и аналитическая глубина, но и художественный дар, чувство образности характерны для его красноречия.

Самозащитительная речь, или допускаемая законом речь подсудимого, — третий основной вид судебного красноречия. Она по своей сути примыкает к речи адвокатской, хотя и ведется в иной форме и в более трудных условиях. Следует, однако, заметить, что этот вид речи развивался на политических процессах. Уголовнику, виновному в ограблении, изнасиловании, убийстве и других тяжких преступлениях, фактически ничего не остается, как умолять суд о снисхождении. Иное дело — речь на политическом процессе, когда судьи и обвиняемый представляют совершенно враждебные друг другу классовые лагери. На таких судебных разбирательствах речь обвиняемого нередко вырастает в обвинительную, изобличающую речь, направленную не только против самого суда, но и социального строя,

представляемого им. И тогда такая речь по своему существу становится острополитической.

Образцами таких выступлений являются, например, две блестящие речи Карла Маркса, произнесенные им в качестве привлеченного к судебной ответственности. На первом судебном процессе 7 февраля 1849 г. Маркс как главный редактор, Ф. Энгельс как соредактор и Г. Корф как издатель «Новой Рейнской газеты» судились за то, что статьей «Аресты», напечатанной в этом органе (№ 35 за 1848 г.) они якобы оскорбили обер-прокурора и жандармов. Второй процесс проходил на следующий день, на котором Марксу и другим было предъявлено обвинение в подстрекательстве людей к мятежу и отказу от уплаты налогов (деятельность Рейнского комитета демократов).

В обоих случаях Маркс выступал с политическими речами. Но они отвечали всем требованиям процессуального кодекса, судебных формальностей и «законности». Маркс, великолепно разбиравшийся в законах и хитросплетениях классово враждебного ему суда, говорил, пользуясь правами обвиняемого. Во втором своем выступлении он особенно использовал суд присяжных, чтобы показать антинародность действующих законов, раскрыть глубокие противоречия между королевской властью и народом, нараставшие столкновения революции и контрреволюции. На судебном процессе, говорил Маркс, не было политического конфликта двух фракций «на почве *одного* общества — это был *конфликт между двумя обществами*, социальный конфликт, принявший политическую форму, — это *была борьба старого феодально-бюрократического общества с современным буржуазным обществом...*» [2, 6, 267]. Маркс говорил об обмане народа со стороны властей, о том, что корона, будто апеллирующая к законности, на самом деле сама ее бесцеремонно попирает. Скрупулезно аналитическая, строго аргументированная речь, как свидетельствуют очевидцы, была неотразимой и по своей убедительности, и по тем смелым выводам, которые делал Маркс. Он говорил: «После каждой революции контрреволюция является неизменно возобновляющимся условием существования королевской власти... Господство королевской власти божьей милостью — это и есть господство отживших общественных элементов» [2, 6, 269].

История революционного движения в России изобилует фактами и примерами мужественного поведения посаженных на скамью подсудимых народных борцов. Политзаключенные превращали скамью подсудимых в революционную трибуну. Ни угрозы председательствующего на суде, ни строгие запреты «недозволенных» слов, ни выдворение подсудимого из зала суда и другие беззакония и насилия не могли заставить обвиняемых революционных борцов говорить не то, что они считали нужным. Силу и вдохновение им придавала глубокая убежденность в правоте своего революционного дела во имя интересов народа. Сила таких речей определялась и тем, что обвиняемые революционеры фактически говорили от имени народа и в его интересах.

Петр Алексеев, о котором уже говорилось в предыдущей главе, своей смелостью на суде и непоколебимой верой в революционное дело олицетворял рост политической сознательности российского пролетариата. Он выступал от имени этого класса, вынося суровый приговор буржуазно-помещичьему строю Российской империи. Известна большая речь на суде П. А. Заломова, обвинявшегося по делу о демонстрации 1 Мая 1902 г. в Сормове. Она не была только самозащитительной: Заломов защищал не только себя и своих товарищей по суду, а пролетариат в целом. Прерываемый председателем суда, Заломов гневно и смело обличал и обвинял буржуазно-помещичий строй, всем ходом истории обреченный на гибель [2].

Одним из высочайших образцов самозащитительной речи явилось заключительное выступление Георгия Димитрова на Лейпцигском фашистском судилище 16 декабря 1933 г., к которому мы еще вернемся.

Ясно, что подобные речи подсудимых народных борцов всегда воспринимались как пламенные выступления в защиту правды, социальной справедливости, исторического прогресса. Этим определяется революционный пафос и эмоциональный накал таких речей.

Общественно-обвинительная и общественно-защитительная речи в судебном процессе занимают второсте-

[2] До недавнего времени о речи П. А. Заломова, ставшего одним из прототипов Павла Власова, героя романа А. М. Горького «Мать», было известно в общей форме. «Литературная газета» (30 апреля 1975 г.) опубликовала речь П. А. Заломова, обнаруженную впервые в одном из архивов царского режима.

пенное место (редко произносятся). По своему существу они принципиально не отличаются от прокурорской обвинительной и адвокатской защитительной речей. Авторы речей характеризуемого вида в советском суде выступают от имени и по уполномочию определенных коллективов, выражают их волю и мнение по данному процессу и рассматриваемому делу. Как общественный обвинитель, так и защитник не только оперируют параграфами кодексов советских законов, но и обращаются к морально-нравственным принципам и нормам советского общества, добиваясь справедливого приговора суда.

Социально-бытовое красноречие — это юбилейная, или похвальная, речь, застольное слово, или тост, а также надгробная, или поминальная, речь[3]. Оно отражает определенные общественные отношения, представляя вместе с тем известные явления быта и давно сложившиеся обычаи, народные традиции. Причем тост и поминальная речь — явления наидревнейшие, возникли у большинства народов мира вместе с формированием у них определенного уклада жизни. И тот факт, что юбилейная, застольная и поминальная речи не играют такой роли в общественной жизни, как другие виды красноречия, вовсе не умаляет их значимости, поскольку социально-бытовое красноречие — составная часть духовной культуры общества в не меньшей мере, чем другие виды ораторского искусства.

Юбилейная, или *похвальная,* речь бывает двух подвидов: посвященная какой-либо знаменательной дате, юбилею предприятия или организации и речь, произносимая в честь отдельной заслуженной перед обществом личности. И та и другая речи носят праздничный характер, всегда торжественны. Вместе с тем они имеют в определенной степени подытоживающий характер. Бывает, правда, что юбилейная речь, посвященная празднику организации, носит и чисто деловой характер, и тогда она мало чем отличается от политической речи.

---

[3] В брошюре А. И. Ефимова «О культуре речи» (М., 1956) этот род красноречия назван «церемониально-бытовым». Кстати говоря, в этой работе нет категорий «род» и «вид» красноречия, они обозначаются одним, не совсем четким термином — «разновидность». Нечетким потому, что затушевывается различие между общими и частными классификационными понятиями ораторского искусства.

Иное дело — выступление, посвященное отдельной личности, например в связи с ее 70-летием со дня рождения и 50-летием научной, художественной или другой деятельности. Такие, как правило, короткие речи, произносимые в полуторжественной и дружеской атмосфере, неизменно похвального характера. Они выражают уважение и почет юбиляру, исполнены добрых чувств и хороших пожеланий ему. В таких речах главным достоинством становится шутка, юмор, меткая характеристика юбиляра, воспоминания о важных фактах его жизни. Они нередко сочетаются с чтением адресов, дружеских коллективных писем и даже специально написанных стихов. Особенно хорошо воспринимаются речи экспромтные, как бы импровизированные, идущие, как говорится, от всей души. И, наоборот, вызывают чувство досады юбилейные «речи», заранее написанные или выученные. Хорошо, если юбилейное слово, произносимое в адрес заслуженного деятеля искусств, сопровождается шуточными импровизациями, инсценированными (в костюмах и даже декорациях) коллективными выступлениями артистов, сольным пением, а порою и балетным номером. Такие художественные исполнения, перемежающиеся со словом, становятся все более широко распространенными в нашей стране. В них красноречие органически сочетается с разными видами искусства, становясь частью художественного представления.

Застольная речь — тост также делится на два подвида. Это слово, произносимое на официальных, в особенности дипломатических, приемах. Исполненная известной приподнятости, а нередко и дружеских чувств, такая речь носит деловой и политический характер и редко отличается от социально-политического красноречия.

Иное дело тост — часть фольклора, многовековое народное творение. В нем вполне допустимы даже некоторые похвальные преувеличения в оценках, уместны славословия, но тосту противопоказана какая бы то ни было критическая нотка. Сердечные чувства, пожелания здоровья, добра и успехов во всем неизменно определяют интонацию такой застольной речи, являются ее атрибутом.

Опытный тамада — мастер такой речи. Он всегда знает, что и когда, о ком и как сказать. Его слово мо-

жет быть подхвачено и продолжено другими. Бывают, конечно, и говоруны, колоритный тип которых вылепил А. П. Чехов в рассказе «Оратор» (1886) в образе Запойкина. Этот выпивоха обладал «редким талантом произносить экспромтом свадебные, юбилейные и похоронные речи...». Но таких типов приличное общество своим тамадой не выберет, да и вряд ли захочет допустить к столу.

Надгробная, или поминальная, речь, посвященная ушедшему из жизни, всегда носит оценочный характер. Исполненная печали, а порою трагедийной интонации, такая речь всегда впечатляюща. В слове об ушедшем, как говорится в народе, принято «добром поминать». В старину у многих народов существовал обычай нанимать плакальщиц, чтобы как можно ярче выразить скорбь.

Этот древний обычай затем уступил во многих странах место слову, речи об усопшем. Всякое надгробное слово не только выражает печаль, но и содержит краткую характеристику скончавшегося человека, его свершений, а нередко — и призыв к здравствующим продолжать дело ушедшего. Такие речи, как правило, произносятся в тех случаях, когда скончавшийся оставил заметный след в общественной жизни, в науке, технике, искусстве своим трудолюбием, талантом и честностью.

Примером надгробной речи, исполненной огромного горя, является известное слово Ф. Энгельса, произнесенное им на английском языке 14 марта 1883 г. на могиле Карла Маркса. Текст этой эпитафии хорошо известен, и все-таки, перечитывая его, каждый раз испытываешь волнение.

В чем причина такого воздействия речи, сказанной девяносто с лишним лет тому назад? Слово, сказанное над гробом гениального человека, причем сказанное его верным другом и соратником, — факт сам по себе значительный, чтобы оказать сильное эмоциональное воздействие на его слушателей и даже читателей. Причем сила эмоционального воздействия публичного слова нередко определяется как его объектом и конкретной ситуацией, так и тем, кто и как говорит. В данной речи Энгельс говорил о той «ощутительной пустоте, которая образовалась после смерти» гениального человека, идеолога и вождя пролетариата.

Сила воздействия энгельсовской надгробной речи была достигнута ее содержательностью. Не одна идея была сформулирована в ней и не одно выдающееся научное открытие было отмечено в течение 10—12-минутного выступления Энгельса. Эти идеи впоследствии легли в основу многих научных исследований марксистов. Одна из этих идей: «Наука — исторически движущаяся, революционная сила» — в наше время не только общепризнана, но и приобрела силу объективной закономерности.

Другой пример — речь В. И. Ленина «Памяти Я. М. Свердлова» на экстренном заседании ВЦИК 18 марта 1919 г., исполненная великой скорби по ушедшему. Эта ленинская речь эмоционально насыщена. Образ выдающегося деятеля пролетарской революции предстает в ленинской характеристике как цельный, яркий и неповторимый. В этом образе профессионального революционера, талантливого организатора масс и вождя революции как бы отражены существо и характер той революции, которой была отдана жизнь Я. М. Свердлова [5, 38, 74—79].

Сила печали, горечь большой утраты и даже сознание трагизма в таких речах вызывали прилив новой энергии и решимости. История революционного движения знает много ярчайших надгробных (поминальных) речей, которые звучали и как реквием, и как клятва борцов быть верными идеалам народа, идеалам коммунизма.

Богословско-церковное красноречие также одно из древних, имеющее немалый опыт воздействия на массы. Мы говорим по преимуществу о христианской религии и особенно таких ее наиболее влиятельных разновидностях, как православие и католицизм.

Основным видом богословско-церковного красноречия является проповедь, неизменно исполненная веры в то, что она воплощает «абсолютную истину», хотя и не исключает раздумий слушателей над «смыслом жизни». Наиболее характерная ее черта — морально-этическая назидательность. Формально исполненная милосердия, абстрактной любви и добра к людям, проповедь по сути своей не такова, если говорить об истинных целях церковной риторики. Рассчитанная на доверчивость и послушание людей, на готовность иных из них даже жертвовать собственным человеческим достоин-

ством, проповедь — жестокое орудие давления на человека. Во всяком случае священнослужитель-проповедник не упустит случая, чтобы предать анафеме вероотступника. Ритор не видит нужды в том, чтобы аргументировать и точно доказать свои мысли. Он говорит «словом божьим», а оно, как принято по церковному катехизису, «не подлежит проверке». Любое стремление к действительному знанию и даже «излишнее любопытство» всегда осуждались церковью. Вот почему всякая церковная проповедь построена прежде всего на слепой вере в то, что все в мире «в руке божьей».

Заранее продуманная, рассчитанная на эмоциональное возбуждение прихожан, нередко на их фантастическое воображение, церковная проповедь читается по ходу богослужения. Прерывается действие, замолкает орган, прекращается хоровое пение и другие ритуалы, и на амвоне появляется духовное лицо, начиная свое слово.

Для богословской риторики, как и богословия вообще, характерна подмена знания слепой верой, фидеизмом. Естественно, что церковному проповеднику свойственно обращение по преимуществу к обыденному сознанию людей, точнее, массы верующих, паствы. «Религия предназначена главным образом не для посвященных в дела науки одиночек, а для широких масс, для обыденного сознания» [36, 73]. Если теология и врывается в сферу науки, «философствует», нередко спекулируя на возникающих трудностях растущей науки, то богословско-церковная риторика на такие экскурсы не отваживается.

Однако следует отметить, что церковные служители небезразличны к коренным социальным переменам современности, в частности к очевидным результатам научно-технической революции. Кое-что в своей практике они также модернизируют. Это сказывается прежде всего в том, что в своей проповеднической деятельности церковь уже не представляет человека ничтожным, а, напротив, старается как-то возвысить его. Замалчивать достижения науки и техники просто невозможно. Поэтому богослов-ритор твердит о единстве современной науки и веры. Не отрицая земных радостей и даже ратуя за мир на земле, богословская риторика одновременно напоминает о «небесах», обращая к ним взоры верующих. Такая противоречивость не сму-

щает риторов, а делает их еще более приспосабливающимися к обстоятельствам.

Не будем обращаться к такому виду богословского красноречия, как преподавание в духовных семинариях и академиях, как речь на соборах, посвященных различным теологическим проблемам, толкованию тех или иных канонов, апостольских «посланий» и т. д. В них можно усмотреть и правила формальной логики, и чувство звучащего слова, и элементы ораторского искусства в духе современности. Но все это замкнуто в церковной системе, фактически недоступно широким слоям общества.

Видовое многообразие современного ораторского искусства не поддается строгому, а тем более исчерпывающему разделению. Но мы попытались выделить основные роды и виды ораторского искусства современности. Основные потому, что наша классификация не охватывает всех видов красноречия. Мы не коснулись, например, особенностей дискуссионной и полемической речей, одинаково распространенных во всех родах ораторского искусства. Мы не обратились также к такой старой по традициям, но очень эффективной и экспромтной форме ораторского искусства, как реплика и, пожалуй, справка. Иная реплика звучит как резкая отповедь оратору, как разоблачение фальши, а нередко инсинуации. Не остановились мы также на форме красноречия, обычно применяемой на пресс-конференции, практика которой в наше время приобрела большой размах. Ответы на пресс-конференции требуют широкой информированности ораторов, прочности занимаемых им позиций и, конечно, большого, причем нередко полемического, опыта.

Не останавливались мы также на сравнительно молодых, но уже завоевавших миллионные аудитории видах красноречия, применяемых по радио и особенно телевидению. Все виды устной речи — лекция, беседа, обозрение, — исполняемые по радио и особенно по телевидению, отличаются некоторыми особенностями. В частности, то живое общение, которое обычно достигается в аудитории, должно компенсироваться иными средствами, когда оратор выступает по радио и по телевидению. Заслуживает специального внимания искусство слова «круглого стола», организуемого как на различных симпозиумах, так и с помощью телевидения. Это

очень трудный жанр, ибо в еще большей мере, чем на любой пресс-конференции, требует от его участников эрудиции, ораторской находчивости, отличного владения словом и искусством импровизации. Но думается, что данная выше классификация в общем верно и достаточно полно представляет роды и виды современного ораторского искусства. В последующих главах мы еще вернемся к разбору различных речей и тогда будем иметь возможность конкретизировать некоторые положения, сформулированные в рассматриваемой классификации.

Глава четвертая

Содержание и форма ораторского искусства

1. ПЕРВИЧНАЯ ИНФОРМАТИВНОСТЬ В КРАСНОРЕЧИИ

Любая публичная речь должна давать прежде всего определенную информацию. В науке о красноречии существует понятие «информационные аспекты речи». Степень информационной полноты, достоверности и уместности всегда является условием и даже мерой выявления предмета доклада или лекции, обозрения или сообщения на любую тему.

Красноречие как вид интеллектуального труда — один из наиболее фактографически насыщенных по конкретной сути и характеру, в котором рациональное и эмоциональное, наука и искусство составляют единство. Естественно, что фактический материал необходим для ораторского искусства. Именно факты для любого выступления, для любого суждения и обобщения служат основанием. Утверждение, не подкрепленное примерами или же не вытекающее из логики фактов, обычно повисает в воздухе.

В публичном выступлении факт может быть приведен как простая иллюстрация высказываемой мысли; может стать сравнением с чем-то, явиться напо-

минанием, примером или образом. Факт может использоваться как довод в споре, как исходный пункт в рассуждении, целью которого является опровержение ложной информации. Факт может, наконец, стать аргументом в пользу утверждаемого оратором положения.

В самом общем виде различается историческая и современная информация. В пределах каждой из них в отдельности выделяется прежде всего определенный социальный аспект, отражающий политическую сферу общественной жизни. Можно дифференцировать информацию на экономическую, военную, этико-нравственную, эстетическую и художественную по характеру сфер социальной действительности; информацию естественнонаучную, техническую, медицинскую и т. д.

Важное свойство информации — ее объективность. Конечно, «факт», «случай», «событие» могут быть выдуманы. Буржуазная пропаганда накопила в этом огромный опыт, выработала и сложную технологию. На нее работает не один институт или бюро, информационный центр или агентство, снабжающие реакционную прессу, радио и телевидение, как и прочие средства реакционной пропаганды, «новостями» и «фактами». Такая пропаганда, ловко перемешивая действительное и выдуманное, постоянно дезинформирует массы, направлена на идейную и политическую дезориентацию, облегчающую идейно-психологическое влияние буржуазной идеологии на массы людей. Искусство «сочинения» информации в последние годы возведено до степени новейшей мифологии: модификации мифов или мифологических построений, нередко питающихся патологическим антикоммунизмом. Лицемерие и лживость новейшей мифологии — системы выдумок — отличаются исключительной изощренностью. Но во всем этом сказывается слабость и историческая обреченность буржуазных идеологии, политики, морали.

Марксистско-ленинской пропаганде нечего выдумывать факты, заниматься «построением» информации, ибо ее в достаточной мере «поставляет» сама жизнь.

Понятие объективности информации означает, что ее объем, характер, ценность и социальная значимость не зависят от человека. Информация, отражающая реальную действительность, возникает, формируется и накапливается, становясь источником и материалом позна-

ния. Она рождается в социальной практике, к тому же одним из источников возникновения новой информации являются многочисленные эксперименты, имеющие познавательное значение.

Конечно, равномерности в накоплении информации не бывает. Интенсивность, «плотность» и обновляемость информации определяются характером и содержанием самого общественного движения, в особенности социальной практики. Для современной эпохи огромных революционных преобразований во всех сферах жизни общества закономерен, как принято говорить, «информационный взрыв» или «информационный бум», также объективные по своему характеру.

Как жизненный материал информация, отражающая действительность в ее движении или же подчиняемая общественным интересам, — феномен далеко не инертный. То обстоятельство, что информация отражает саму действительность и объективна по своему характеру, вовсе не означает, что она пассивна или аморфна. Во-первых, социальная информация всегда подчиняется определенным классовым, национальным и другим общественным целям и неизменно выражает интересы тех или иных классов или социальных групп. Эту природу информации игнорировать нельзя, если стоять на почве реальности, а не поддаваться иллюзиям или мифам. Во-вторых, естественнонаучная информация, как правило, своими целями обращена к удовлетворению нужд общества, всегда несет в себе, выражаясь образно, социальный заряд. И «сработает» он или нет в достижении определенной цели — зависит от субъективного фактора. Им в ораторской практике является лектор, докладчик, обозреватель, пропагандист, о роли которых в системе информации будет сказано в следующей главе.

Говоря об объективности информации, обычно подразумевают ее первичность, то есть тот разнообразный материал, который еще никак не обработан, не приведен в порядок, следовательно, не стал предметом толкования. Первичная информация предстает в разрозненном виде, не могущем выступать функционально, то есть играть определенную роль в ораторском искусстве. К объективному характеру информации относится также степень ее социальной значимости, равно как и надежность, достоверность. Сама значимость информа-

ции определяется ее социальным диапазоном. Информация локального или местного характера, которая может заинтересовать ограниченный круг людей, непременно «затушуется» информацией общезначимой, привлекающей массы людей. Однако игнорировать «местные» факты не следует: в иной лекции они более необходимы, чем «общезначимые». Мы уже не говорим об отчетных докладах (посвященных очередным задачам какой-либо организации, предприятия, учреждения). В этих случаях информация, отражающая жизнь и деятельность определенного коллектива, не только интересна, но и обязательна.

Правомерно говорить также об информации положительной и отрицательной. Первая из них отражает процессы и моменты общественного прогресса, его реальные достижения, а вторая, напротив, отражает все тормозящее поступательное движение, выявляя то, что должно быть преодолено, ликвидировано. В положительной и отрицательной информациях, накапливающихся одновременно, а порою и нераздельно, отражаются опять-таки реальные процессы действительности. Поэтому неправильно замалчивать разность качеств информации, относиться к ним объективистски или же во всех случаях предпочтение давать положительной информации вместо отрицательной или наоборот.

Говоря о задачах нашей идеологической деятельности после победы Октябрьской революции, намечая пути построения нового общества, В. И. Ленин призывал пропагандировать «образцы нового» на примерах и достижениях передовых фабрик и заводов, совхозов и сельскохозяйственных коммун. Умение пользоваться положительной информацией в агитации и пропаганде Ленин считал первостепенной задачей нашей идеологической, организаторской, политико-воспитательной работы. Вместе с тем Ленин говорил и писал о необходимости использования (верной характеристики, оценки и толкования) отрицательной информации: фактов и примеров плохой работы, низкой производительности труда, недисциплинированности. С особым гневом Ленин говорил о таких отвратительных явлениях, как взяточничество и расхитительство народного добра.

Положительную и отрицательную информации следует искусно соотносить в нашей пропаганде, ораторском искусстве. Речь идет о том, чтобы помнить об

известном ленинском положении: «необходимо освещение теорией каждого частного факта» [5, 4, 328], то есть факт предстает как объективно-субъективное. В этом ряду правомерно сформулировать такое триединство: факт—метод—теория, которое всегда очевидно в ораторском искусстве, в особенности в некоторых сложных видах социально-политического красноречия. Суть этого триединства постепенно будет раскрываться и доказываться в следующей главе.

Теперь же рассмотрим немаловажную проблему новизны или свежести информации в ораторском искусстве.

На одном семинаре, посвященном методическим проблемам лекционной пропаганды, основной докладчик выдвинул тезис: «Всякая информация в лекции есть новизна». Понятие «новизны» как якобы синонима «информации» фактически сводилось к мысли: всякая информация есть некая новость. Но так ли на самом деле? И в таком ли смысле нужно понимать информативность ораторского искусства? Эти вопросы задавались докладчику, и естественно возникший на семинаре спор был уместен и вполне оправдан.

Конечно, «новизна», если ее понимать как «свежесть», «оригинальность», необходима в нашей пропаганде, в любом устно-публичном слове. Она заманчива для любого оратора и всегда привлекательна во всякой аудитории, в особенности массовой. «Новости» в устно-публичном выступлении — важное условие его успеха. Есть жанры ораторского искусства или же темы лекций, докладов и сообщений, невозможные без новизны их информативности. Таковы, например, лекция или доклад «Международное обозрение», или «О текущем моменте», или, к примеру, «Новые концепции в науковедении», само название которых уже настраивает слушателей на узнавание нового.

Однако если обратиться к накопившей богатейший опыт советской лекционной пропаганде в целом, а тем более ко всей ораторской практике, то возникнет вопрос методологического характера: а что считать «новизной» информации и «новостью» в ней?

Нам представляется, что «новизна» и «новость» в информации не совсем равнозначные понятия. Первое из них богаче своим содержанием, структурой и, главное, предполагает выраженное в нем отношение подхо-

да к фактам, их толкование. Новизна — качество информации, степень ее актуальности и условие возбуждения общественного интереса к даваемой информации. Что же касается «новости», то она чаще всего воспринимается как «отдельное», как факт сам по себе, еще не ставший предметом суждения и оценки. Это «отдельное» может стать элементом новизны, лечь в ее основу; в том или ином выступлении «новость» можно привести не в смысле новизны, а как только иллюстрацию или же как средство психологического воздействия на слушателей для повышения их внимания к произносимой речи. Однако «новость» никогда не должна переоцениваться, тем более абсолютизироваться. Иначе можно незаметно стать на путь «погони за новостями», увлекаясь сенсацией.

Но предположим, что «новизна» и «новость» — понятия адекватные, следовательно, информативность ораторского искусства есть сообщение и оценка новых фактов. Если стать на такую точку зрения, то всю историческую тематику нашей пропаганды надо исключить из категории «информативности». Заодно нужно отказать в этом свойстве всем тем лекциям и докладам на темы современности, где авторы ссылаются на исторические факты. На таком же «основании», по-видимому, можно было бы утверждать: настоящей информативностью обладают прежде всего те научные доклады и сообщения, в которых прогнозируется будущее и предсказываются различные открытия, воспринимаемые слушателями уже как «совершенная» или «абсолютная» новость.

Однако достаточно задуматься над смыслом этих соображений, чтобы их научная несостоятельность стала очевидной. В самом деле, фактический материал, объективно и постепенно накапливаемый непрерывной и все более расширяющейся социальной практикой, составляет основу информативности ораторского искусства, ее ядро. В фактическом материале, используемом даже в отдельном публичном выступлении, могут быть и «старые», хорошо известные, и совсем «новые», почти неизвестные или даже впервые сообщаемые в данной лекции или докладе факты. Можно ли утверждать: новые из приведенных лектором фактов более информативны, следовательно, и более нужны для слушателей, чем «старые»? Абсурдность такого утверждения не нуждается в доказательствах, ибо все дело в том, ради чего

используется та или иная информация и как она оценивается.

Нельзя забывать и о таком интересном и удивительном феномене, как «обновляемость» факта, или, так сказать, «новое явление» известного события. Факты истории не только постоянно напоминают о себе, но и вместе с тем обнаруживают новые стороны, ранее не замеченные или недооцененные. Свет современности как бы выхватывает из темных глубин давно минувшего многие факты, помогая человеческой мысли по-новому оценить и понять их, содействуя раскрытию той исторической преемственности, без которой нет поступательного движения и нельзя представить закономерности общественного прогресса. Ясно, что в новом освещении явлений хорошо известных фактов прошлого сказываются и сила и «технология» человеческого познания, рассматриваемого как процесс истории. Этот закон человеческой мысли постоянно действует и в ораторском искусстве.

В этой связи стоит обратиться к героической по характеру и многообразной, всегда оперативной и действенной пропаганде периода Великой Отечественной войны. Конечно, она непрерывно оперировала новыми фактами, как драматическими и трагическими, так и радостными, одухотворяющими и победоносными. Такая информация в подробной характеристике и специальной интерпретации не нуждалась: она сама говорила за себя. Громадную пропагандистскую роль играли регулярные, порою по несколько раз в день передававшиеся Сообщения Советского информбюро. Исключительно важными были радиопередачи под рубрикой «В последний час». Эти сообщения в хорошо знакомом отличном чтении Юрия Левитана, с волнением ожидаемые миллионами советских людей, были обращены к сражающимся воинам на любом участке любого фронта, равно как и к каждому трудившемуся в тылу.

Однако кроме такой оперативной, насущной информации наши агитаторы и пропагандисты широко пользовались фактами истории, и прежде всего — истории нашей великой многонациональной родины. Хорошо известные чуть ли не со школьной скамьи исторические события прошлого воспринимались и осознавались советским человеком как бы в новом значении. Образы

выдающихся исторических личностей — полководцев и народных героев, таких как Иван Сусанин, стали удивительно близкими и дорогими. Уроки истории, будь то битва на Чудском озере или на Куликовом поле, разгром наполеоновской армии в России или же война молодой социалистической республики против иностранной интервенции, воспринимались всем советским народом с особенной остротой и поддерживали уверенность в победе. Такая правдивая и поучительная информация о минувшем представляла не простую совокупность фактов, но и отражала исторический опыт или выверенные самой историей обобщения опыта поколений. То политическое и идеологическое превосходство, которое отличало нашу пропаганду от гитлеровской, в годы войны еще усиливалось благодаря опоре на факты реальной истории.

История как бы вторгалась в современность, приобретая новый глубокий смысл. Все народы нашей страны почувствовали и осознали себя истинными наследниками и продолжателями всего ценного и высокочеловеческого, созданного их предками. Некоторые художественные произведения исторического жанра стали удивительно современными, привлекая широкое общественное внимание. Назовем хотя бы роман Льва Толстого «Война и мир», издававшийся широкими тиражами, рассчитанными на массового читателя. Гениально отраженная в нем народная судьба и героическая народная война воспринимались и переживались читателями как совершенное произведение. И естественно, что этот роман с его героическими образами стал спутником советского агитатора и пропагандиста на фронте и в тылу.

Советское искусство в целом стало воюющим. Музы не замолкли при грохоте пушек и взрывах авиабомб. Отражая все наиболее существенные эпизоды и свершения Отечественной войны советского народа, художественно рисуя летопись патриотизма и героизма советского народа, социалистическое искусство вместе с тем обращалось к истории. Новые произведения исторического жанра были созданы в годы войны. Для примера назовем известную ораторию Юрия Шапорина «На поле Куликовом», талантливые фильмы «Адмирал Нахимов» и «Богдан Хмельницкий». Эти и другие произведения, посвященные истории нашей

страны, воспроизводили события отечественной истории, разъясняя главные уроки прошлого для усиления патриотической пропаганды.

Широкое обращение к фактам истории, как и к произведениям искусства, воспроизводившим их, обогащало нашу пропаганду, расширяло ее возможности. В органической связи с фактами истории информация текущая и высокооперативная определяла информативность советского ораторского искусства тех лет в целом. Тем самым полнее и нагляднее выявлялась историческая преемственность в таком важном деле, как советский патриотизм. И, конечно, из этой преемственности невозможно исключить информацию о будущем.

Нельзя думать, что информативность ораторского искусства отражает лишь то, что уже было и что есть в настоящее время. Информативность красноречия во всем многообразии его видов отражает и те свершения, которые могут или должны быть. Ведь всякий прогноз, любой перспективный план — экономического, социального, культурного и иного развития — фактически есть прежде всего информация о чем-то возможном и необходимом. Предвидение всегда опирается и не может не опираться на определенную информацию. Мы говорим не о буржуазной крикливой футурологии, меньше всего опирающейся на реальность. Лишь научное прогнозирование опирается на хорошо продуманную информацию о будущем, — она не оторвана от информации, отражающей современность и историческое прошлое. Больше того, только опираясь на такую информацию и ее верное толкование, вырастает новая информация о возможном будущем. Движение истории в трех временах — прошлом, настоящем и будущем — и дает большую сумму жизненно важных сведений, становящихся объектом ораторского искусства.

Новый богатейший материал такого трехвременного характера дал XXV съезд КПСС. Он подвел итоги пути пройденного после XXIV съезда, охарактеризовал современное внутреннее и международное положение Советского Союза. XXV съезд КПСС определил главные задачи социалистического строительства на десятое пятилетие. Богатейший фактический материал, в частности цифровые данные, приведенные в документах съезда, — это разнообразная информация о движении Советской социалистической страны к коммунизму. Бла-

годаря этой информации советское ораторское искусство обогатилось ценнейшим и тщательно выверенным фактическим материалом. Этот фактический материал является тем фундаментом, на котором сделаны серьезные обобщения теоретического характера (в первую очередь в Отчетном докладе XXV съезду) и даны установки о деятельности партии и всего советского народа на будущее.

Из приведенных примеров ясно, что понятие «новизны» в информации весьма емкое. Хорошо известные факты истории или газетные сообщения в талантливой и продуманной речи могут восприниматься свежо, в новом аспекте, выступая как «новые». В таких метаморфозах, хорошо знакомых любому лектору и обозревателю, сказывается роль субъективного фактора информативности, проявляется личность оратора, о чем мы будем говорить позже особо.

А теперь обратимся к тому уровню информативности в ораторском искусстве, на котором возможно развертывание содержания устно-публичного выступления. Мы имеем в виду вторичную информативность, неразрывную с первичной, являющуюся ее продолжением, но в новом качестве. Это качество определяет ту роль, которую играет информативность в ораторском искусстве, в частности в лекционной практике.

2. ВТОРИЧНАЯ ИНФОРМАТИВНОСТЬ И ЕЕ МЕСТО В ИСКУССТВЕ СЛОВА

Уже говорилось о содержательности первичной информации и о функции, выполняемой ею в ораторском искусстве вообще, в отдельной публичной речи (лекции, докладе) в частности. Без такой информации невозможно никакое устное выступление, но она еще не составляет действительного содержания, хотя лежит в основе и определяет его направленность.

Однако содержание каждой ораторской речи начинает формироваться, складываться и вместе с тем раскрываться лишь по мере того, как используемая в ней

информация становится вторичной. Это уже не констатируемая информация, а решение задачи — помочь слушателям публичной речи понимать ее суть и логику — всецело зависит от самого оратора. Не так просто разобраться в «океане» фактов, а тем более в стремительных потоках непрерывных радиотелевизионных и печатных новостей, определить, которые из них для данного выступления необходимы и нуждаются в специальной интерпретации, а какие можно считать второстепенными, могущими быть лишь иллюстрацией ораторской мысли. При этом приходится учитывать документальность и событийность информации, значение которой в XX столетии все более возрастает. Это всецело зависит от самого оратора. Современный слушатель хорошо осведомлен о событиях и свершениях, планах и решениях, видных деятелях и даже о многих рядовых тружениках, не говоря уже об ученых и людях художественного труда. Причем благодаря телевидению, хроникальной и очерковой кинематографии, массовому искусству красочного плаката и другим наглядным средствам небывало возросло значение системы зрительных форм информации — иконики, то есть информации, воспроизводимой и трансформируемой образами или по крайней мере в чем-то наглядном.

Умелый отбор информации — одна из первостепенных проблем современного ораторского искусства.

К информации в любой сфере общественной практики должен быть деловой и строго научный подход. Оратору нужно знать откуда, какую информацию надо выбрать для своей темы. Информация, призванная стать «строительным материалом» публичной речи, должна отвечать следующим требованиям:

быть достаточно добротной и показательной (характерной, типологической) для раскрытия данной темы и отвечать возможным интересам предполагаемой аудитории;

быть упорядоченной, систематизированной;

быть предметной и «работающей» именно на данную тему, стать основой и своеобразной фабулой убеждающего ораторского выступления.

Отметим еще четыре важных принципа обращения с информацией. Таковы: выборочность и строгая классификация; верность ее освещения и выделение в ней того, что является главным в группе фактов; правильность

их оценки и толкования; верная адресованность информации к данной аудитории.

Разумеется, во всех случаях как сообщаемые факты, так и форма их использования — простое перечисление или упоминание, живое описание или иллюстрация — должны соответствовать теме и характеру публичного выступления, равно как и составу данной аудитории. Сознание ответственности перед обществом и чувство меры должны стимулировать необходимую добротность и ценность используемой информации, ее объективное исследование и освещение. Именно такое отношение к используемому фактическому материалу помогает оратору как бы раздвигать, расширять круг видимых явлений, ярче сопоставлять разнообразные данные, раскрывая через них закономерное и общее. Умелое использование информации помогает оратору избежать общих слов, «топтания на месте».

Лектор, пропагандист или докладчик систематизирует нужную информацию с заранее продуманной целью. Обязанность оратора не только донести до чувств и сознания своей аудитории необходимые сведения, фактические данные, но и быть уверенным в том, что они правильно восприняты и поняты.

Конечно, информация в разных видах красноречия бывает далеко не одинаковой как по объему, так и по характеру, обладает той или иной силой типичности и убедительности. Одно дело, скажем, лекция по логике, в которой порой можно обойтись без большого фактического материала и быть предельно отвлеченным от конкретных явлений, а другое — лекция по эстетике на тему: «Художественный образ». Здесь нужен фактический материал, интересными будут личные наблюдения и даже сообщение (рассказ) о пережитом оратором эстетическом явлении: суждение о прослушанной симфонии или прочитанной поэме. Обильным фактическим материалом будут отличаться также доклады о результатах конкретно-социологических исследований по темам культуры, экономики, свободного времени, общественного мнения и т. д.

Во всех случаях информация помогает оратору придерживаться существа избранной темы, увлекать слушателей. Все дело в том чувстве меры, которое в красноречии не менее необходимо, чем в художественном творчестве. При этом оратор должен помнить, что его

слушатели во многих вещах, в частности по теме предстоящего публичного выступления, могут быть достаточно информированы.

В какой же мере в советской устной пропаганде и ораторской практике выполняются требования, предъявляемые их информативности?

Успехи бесспорны: прочная опора на солидный фактический материал прежде всего современности и высокая информативность составляют достоинства подавляющего большинства публичных выступлений в нашей стране. Более чем очевидна неразрывная слитность искусства живого слова с действительностью, с революционным преобразованием мира, с грандиозными успехами социализма. Но вместе с тем ораторская практика все еще не освободилась от иллюстративности и простой описательности; иной пропагандист не проявляет тщательности в отборе нужного материала и его «распределении» в данном конкретном выступлении.

При всем том субъективизм особенно противоречит марксистско-ленинской методологии. Его суть — в игнорировании объективной природы информации и особенно в произвольном толковании используемого фактического материала. А такой «метод» приводит к выводам и обобщениям, никак не вытекающим из сути информации, используемой в данном выступлении.

Приведем пример неправильно скомпонованной лекции на тему: «Научно-технический прогресс в условиях капитализма и социализма». Фактический материал занимал в ней неоправданно большое место и поэтому снижал теоретический уровень лекции, придавая ей скорее информативный, а не познавательный характер. Но даже иллюстративность была односторонней, так как представляла только тяжелые последствия научно-технического прогресса для трудящихся капиталистических стран. Научно-технический прогресс в капиталистических странах приносит также выгоды крупным монополиям, содействует развитию техники, перевооружает промышленность и поднимает ее производительность, стимулирует развитие естествознания и других областей науки. Умалчивать эти факты было нельзя, тем более что они еще резче демонстрируют углубление противоречий в капиталистической системе.

Односторонне была подобрана информация и для второй половины лекции, посвященной научно-техниче-

скому прогрессу в Советской стране. Она иллюстрировала несомненные успехи этого процесса в разных областях нашей экономики, хорошо показывала преимущества научно-технического прогресса в социалистическом обществе. Но лектор начисто обошел трудности, которыми сопровождается сложное и многогранное движение в действительности. И поэтому у неискушенного слушателя лекции, несомненно, должно было сложиться впечатление о том, что научно-техническая революция в нашей стране совершается без преодоления таких явлений, как, например, консерватизм и малооперативность в среде определенной части хозяйственников, отставание внедрения в производство уже сделанных и получивших одобрение научно-технических открытий.

Короче говоря, информация в лекции, будучи односторонней — в первой половине лекции только отрицательной, а во второй — лишь положительной, — не могла явиться основой серьезной лекции теоретического характера. Конечно, лектор имел основание и должен был ясно противопоставить методы и результаты научно-технического прогресса в условиях социализма, характеру того же процесса в капиталистическом обществе. Но это нужно было сделать не упрощенным способом, по принципу «черно-белого», а на основе научной объективности и серьезной аргументации.

Возвращаясь к сути вторичности информации в публичной речи, следует особо подчеркнуть значение очень строгого, ясно мотивированного и систематизируемого ряда фактов, безусловно, необходимых для темы не только именно данного выступления, но и для совершенно определенного состава слушателей. Как тема, так и предполагаемая аудитория — такие объективные обстоятельства, которые не могут не влиять на составление нужной информации. Далее, подразумевается описание информации, считающееся в научном методе познавательным моментом или познавательной процедурой. В ней описание является также актом характеристики приводимых фактов. Но такое познание можно считать приблизительным, или первоначальным.

Действительное познание достигается переходом от *описания* к научному *объяснению*. А оно достигается анализом приводимой информации, осмыслением, толкованием и оценкой ее сути, основывающимися на соответствующих научных категориях, на материалистиче-

ской диалектике. В противовес «чистому описанию» марксистско-ленинский метод раскрывает, объясняет и толкует то, что она отражает. Отражаемое информацией оценивается по своей значимости, и в связи с этим делаются необходимые выводы и обобщения. Тем самым выявляется и познается логика характеризуемых событий, исследуемого исторического процесса, оцениваемых свершений.

Иначе говоря, вторичность информации в ораторском искусстве, как и в любом способе познания, — это сложный аналитико-гносеологический процесс, ведущий от явления к сущности предмета. Конечно, в развернутом виде этот процесс осуществляется в больших исследованиях, тогда как в отдельной лекции или даже докладе на симпозиуме он предельно ограничен. Но в принципе *описание — объяснение и обобщение* применимо (и фактически осуществляется) в советской ораторской практике.

Таким образом первичная информация, становится вторичной, то есть объясняемой и толкуемой. В публичной лекции (любой формы речи) информативность перерастает в новое качество: содержательность, отражающая движение и развитие ораторской мысли, ведет к познанию определенных истин и закономерностей, обогащает слушателей новыми знаниями. В таком случае оратор не только дает знания, но и заинтересовывает слушателей новыми поисками, увлекает оригинальными идеями. В этой связи говорящего и слушателей обнаруживается важнейшее свойство красноречия как интеллектуально-творческого процесса.

Мы не можем упускать из виду эмоциональную, чувственную содержательность. Как нацеленность на разум, мысленные способности, так и направленность на чувственное восприятие, на психологию и даже конкретный эмоциональный настрой данной группы слушателей составляют неразрывное единство в содержании ораторского искусства. В этом единстве логика мысли проявляется не сама по себе, так сказать, в «чистом виде», но, как правило, воздействует на психику людей. Органическая связь психологической направленности с логикой ораторской мысли обеспечивает единство рационально-эмоционального, лежащего в основе содержания любой ораторской речи, проникнутой глубокой, мы бы сказали, ищущей мыслью.

Содержательное ораторское выступление всегда отличается свежестью и смелостью мысли так же, как талантливое поэтическое или художественное произведение. Здесь уместно привести несколько строк из стихотворения Леонида Мартынова:

О, если бы писали мы
О том лишь, что подлинно известно, —
Подумайте, о трезвые умы,
Как было бы читать неинтересно!
Не думал бы Колумб, что Индии достиг,
И Данте не изобразил бы ада.
И множества других докладов, песен, книг
Была бы недоступна нам услада.

И прав критик Ал. Михайлов, который, пишет, что Мартынов нередко «обнажает перед читателем свои поиски, раздумья, недоумения, приглашая вместе с ним поразмышлять, порадоваться или огорчиться. С этого начинается взаимное доверие и понимание» [22, 68].

А разве не этими же свойствами и качествами должно отличаться и талантливое красноречие, в особенности такие его виды, как лекция, научный доклад, политическая речь? Если гладкопись и верхоглядство противопоказаны поэзии, искусству вообще, равно как и науке, то в такой же степени невыносимы и просто убийственны для ораторского искусства банальность, начетничество, узость мышления. Оратор должен нести знания, соответствующие требованиям нашего времени. Ораторское искусство помогает слушателям овладевать изучаемым предметом (явлением, законом и т. д.).

Публичное слово должно обеспечивать познание существенных явлений. Важно уяснить связь познания и знания, так как верное понимание ее дает основание сказать о развертывающемся содержании красноречия.

Следует иметь в виду, что истина — это ядро, квинтэссенция содержания действительного красноречия. Истина должна быть как можно более убедительной для слушателей. Убедительность зависит прежде всего от ясной ораторской позиции, научной обоснованности и доказательности мысли, творческого решения освещаемых вопросов, строгой логичности раскрываемой идеи.

Именно такому пониманию общественного значения красноречия следовал Ленин-оратор. Содержание ле-

нинских устно-публичных выступлений, как правило, воспроизводит богатейший жизненный материал, специально отобранный, глубоко осмысленный в его исторической значимости и логической сути, освещенный светом гениального ума.

Главная идея, которую сформулировал В. И. Ленин в известной лекции «О государстве», — это идея о том, что Советы, рожденные в огне первой русской революции, являются основой нового государства, призванного ознаменовать эру высшего типа управления обществом — коммунистического народовластия. Эта идея — открытие Ленина, сделанное им еще в 1917 г. в работе «Государство и революция». Эта основная идея лекции, прочитанной в мае 1919 г., определила социальный пафос, утверждаясь в новом свете, на базе уже накопленного опыта советского, социалистического по характеру и целям строительства.

Новизной и жизненностью идей, имевших огромное значение для правильного понимания стратегии и тактики Коммунистической партии, отличались все ленинские выступления: речи о заключении Брестского мира; доклады Ленина на I и II конгрессах Коммунистического Интернационала, о новой экономической политике (нэп), речь «Задачи союзов молодежи» и многие другие.

Теми же особенностями отличаются многие речи соратников Ленина. Перечитывая публиковавшиеся речи видных деятелей Коммунистической партии и Советского государства, мы обнаруживаем принципиально новое, глубоко содержательное и важное с точки зрения государственных интересов. М. В. Фрунзе в известном «Докладе и заключительном слове на совещании командного и комиссарского состава войск Украины и Крыма и флота Черного и Азовского морей» 1—7 марта 1922 г. дал основные положения и идеи, которые легли в основу создания Вооруженных Сил Советского Союза (см. М. В. Фрунзе. Избранные произведения. М., Партиздат, 1934).

Сколько новых программных положений формулировал и активно утверждал А. В. Луначарский в своих речах, докладах и лекциях по вопросам искусства! Его суждения о классическом наследии, о социалистическом реализме и художественном образе героя советской эпохи и теперь не потеряли своего новаторского и прин-

ципиального значения. Зоркостью наблюдений, меткостью характеристик, свежестью развиваемых мыслей и смелостью обобщений, своеобразной романтической приподнятостью отличались речи С. М. Кирова. Одна из лучших из них — выступление на XVII партийном съезде, где он утверждал идею верности генеральной линии партии, обеспечивающей победоносное движение социализма в Советском Союзе, вдохновляющей многомиллионные массы на самоотверженный труд, каждодневные подвиги и героические свершения.

М. И. Калинин даже в самом обыденном явлении, в кажущейся мелочи, приводимой в речи, умел видеть нечто существенное и раскрыть перед слушателями его значение. Особый интерес представляет доклад «О коммунистическом воспитании», с которым М. И. Калинин выступил на собрании партактива Москвы 2 октября 1941 г. Обращаясь к собственно коммунистическому воспитанию, он толковал его как «определенное, целеустремленное и систематическое воздействие на психологию воспитуемого, чтобы привить ему качества, желательные воспитателю». Им в нашей стране является сама социалистическая действительность, являются партия и Советское государство, а воспитуемыми — миллионы людей. И затем, перейдя к раскрытию сути этого основного положения, М. И. Калинин стал говорить о требованиях, предъявляемых коммунистическим воспитанием, главнейшим из которых он назвал добросовестный и высокопроизводительный труд на благо социалистического общества. Доказательству истинности этих положений была посвящена вся последующая часть доклада, в ходе изложения которого оратор формулировал конкретные задачи, делая предельно ясным и актуальным понимание сути коммунистического воспитания. И теперь, перечитывая текст этого выступления, можно сказать, что ее главные идеи и основные положения остаются в силе, обогащаясь накапливаемым опытом социалистического созидания и массового коммунистического воспитания.

Для верного понимания организующей и воспитывающей силы идеи и идейной направленности в красноречии много ценного материала содержат доклады и речи Л. И. Брежнева. Кратко остановимся на докладе «О пятидесятилетии Союза Советских Социалистических Республик», с которым Генеральный секретарь ЦК

КПСС выступил 21 декабря 1972 г. на совместном торжественном заседании Центрального Комитета КПСС, Верховного Совета СССР и Верховного Совета РСФСР в Кремлевском Дворце съездов. Главная идея этого выступления была сформулирована так: «Образование СССР — триумф ленинской национальной политики». Глубокий смысл, содержание и историческое значение этой идеи постепенно раскрывается на основе богатейшего фактического материала, его характеристики, объяснения и оценки. При этом указывается, что образование нового типа государства — Советского Союза, как доказал В. И. Ленин, было железной необходимостью [9, 5, 42].

Не останавливаясь на других примерах, можно сказать, что основная идея в любой ораторской речи есть обобщенное содержание. Общая или главенствующая идея определяет логику ораторской мысли, в свою очередь, отражающую логику определенных событий и явлений. Вырастающая из анализа жизненных явлений — информации вообще, — такая идея как бы цементирует материал, яснее выявляя конкретный смысл выступления. И, очевидно, не будет ошибкой, если скажем: новая, а тем более по смыслу глубокая идея ораторской речи (лекции, доклада, обозрения) всегда воспринимается не только мысленно, рассудочно, но и эмоционально, а нередко и переживается слушателями.

Спрашивается: всякая ли ораторская речь, в частности любая ли лекция, должна обязательно открывать нечто новое? Очевидно, что не всякая. Не в любом выступлении можно открывать новые истины. Но нужно ли, чтобы любая, даже самая «фундаментальная», лекция непременно выдвинула новые идеи? Ведь не менее важно бывает повторить и снова разъяснить известные истины. К тому же есть такой вид лекции, как популярная лекция, ставшая в нашей стране особенно распространенным видом и выдвинувшая немало проблем не только методического характера [1].

---

[1] Проблемы теории, методики и практики популярной лекции обстоятельно рассматривались на Всесоюзной конференции «Научно-техническая революция и проблемы популяризации естественно-научных и научно-технических знаний», состоявшейся в октябре 1975 г. Материалы этой конференции даны в кн.: Просто о сложном. М., 1977.

Пропагандист, выступающий с популярной лекцией, действует как посредник между наукой и массой, и его первейшая обязанность — разъяснить существо и значение того, что уже многим известно из печати и практики, из информации о науке и технике. Такой лектор ничего нового не открывает, однако делает доступным и понятным то, что уже открыто и имеет общественное значение. Лектор помогает людям узкой специальности расширить свой профессиональный, общепознавательный кругозор, приобщиться к знаниям из других областей. Лектор-популяризатор обобщает достижения разных наук, различных областей практики, удовлетворяя общественный интерес к знаниям. Разумеется, что требования хорошего знания аудитории, предъявляемые к любому оратору и даже информатору, значительно возрастают при подготовке и чтении популярной лекции. Не только доступность, но и живость, особая увлекательность и непринужденность изложения, яркая образность речи, чувствуемое всеми общение и реальность «обратных связей», идущих к говорящему, — таковы некоторые критерии оценки качества популярной лекции, очень эффективного вида ораторского искусства в нашей стране.'

Содержание любой науки — ее достижения, проблематика и прогнозы — становятся предметом и содержанием большинства видов советского красноречия. Это положение подтверждается прежде всего опытом и практикой академического типа лекции, о котором достаточно говорилось в третьей главе данной работы. Несколько конкретизируя уже выдвинутые там положения, можно сказать следующее. Преподаватель высшей школы в нашей стране — профессиональный лектор, он — пропагандист достижений науки и техники, творений искусства и литературы, практического опыта в своей области знания. Пропаганда научных знаний и успехов социальной практики — постоянное и первостепенное призвание основных видов ораторского искусства. Но, разумеется, красноречие не может ограничиваться пропагандой уже добытых знаний, установленных истин или вполне ясно определившихся социальных, в частности философских, этических, эстетических и атеистических, идей. Оратор даже в агитаторской речи не может выступать лишь в роли популяризатора, пусть даже вдохновенного и эффективного. Красноречие, как

это видно из его многовековой истории, в лучших своих образцах само есть поиск, своеобразное следопытство, постоянное исследование и жажда открытий, сложное и радостное творчество.

Идеалом красноречия должен быть своеобразный сплав, синтез знаний, полученных оратором в результате личных поисков, переработки достижений науки и техники, общественной практики, коммунистического созидания. Умное и мастерское публичное слово, тем более в академическом красноречии, всегда проникает в суть рассматриваемых явлений. Но и в социально-политическом ораторском искусстве публичная речь — продукт напряженной мысли и глубоких чувств.

Какие же вопросы неизменно встают перед лектором или докладчиком, обозревателем или политинформатором, когда он начинает готовиться к своему новому выступлению?

Во многих методических работах, посвященных массовой пропаганде, утверждается, что оратору важно уметь облечь свои мысли в надлежащую форму, то есть не только знать, что он должен сказать, но и то как он должен говорить. Само собой понятно, что любому выступающему с публичной речью, прежде чем говорить, например, в развернувшейся дискуссии или просто в прениях, нужно подумать о том, «что» и «как» он собирается сказать тем, кто его будет слушать. Опытный пропагандист, собираясь даже повторить уже однажды, а тем более несколько раз прочитанную лекцию, снова обязательно вернется к тем же «что» и «как» хотя бы потому, что всякое новое выступление по одной и той же теме происходит в разных аудиториях, перед различным составом слушателей. Следовательно, одно это обстоятельство заставит оратора вновь подумать над встающими перед ним вопросами о существе и форме предстоящего публичного слова. Кроме того, всякое повторное выступление не должно быть механическим копированием уже однажды сказанного. Лектор (докладчик, обозреватель), в одних и тех же словах повторяющий то, что уже было им сказано, обнаруживает некритическое отношение к собственной работе. Между тем выступление на одну и ту же тему всякий раз должно быть в чем-то новым или во всяком случае свободным от недостатков и упущений, которые обнаружил самокритично настроенный оратор после соб-

ственного разбора своего первого выступления по данной теме.

Но какое бы важное методологическое и методическое значение ни имела успешная реализация оратором требований «что» и «как», одно это решение не обеспечит успеха. Ведь кроме этих вопросов перед любым оратором всегда возникают и такие вопросы: «кому?» (перед кем предстоит держать речь) и «какова цель?» (ближайшая и дальняя очередного публичного выступления). Правильные, вполне обдуманные самоответы на эти вопросы, как показывает практика, — непременное условие успеха подготавливаемой монологической речи.

Как же добиться желаемой и для лектора (оратора), и для предполагаемых слушателей удачи? Иначе говоря, как обеспечить содержательность публичного выступления, воплощенного в соответствующей ему форме?

До сих пор акцентировали внимание на ведущей роли содержания. Но попутно, без особой акцентировки говорилось также о структуре ораторского выступления, вне которой трудно представить его форму. На этом и следует теперь остановиться специально.

Несомненно, что содержание любого публичного устного выступления определяется его темой, конкретным материалом, видовыми особенностями, а также непосредственной целью. В этих элементах формы можно усмотреть то объективное начало в существе публичного слова, которое не может игнорировать лектор или докладчик.

Далее. Видовые особенности и характер красноречия, в свою очередь, обусловливают его структуру. Наиболее распространенной структурой, особенно развернутого устного выступления, можно считать структуру из трех частей, лежащую в основе формы публичного искусства слова. Она сложилась еще в античной риторике в виде неравнозначных элементов или звеньев: вступления, срединной, или главной, части и заключения. Это — триединство, которое можно было бы назвать классическим, так как оно верно отражает накопленный опыт красноречия (риторики) и фактически имеет силу закона. Благодаря такому триединству публичная речь на любую тему становилась стройной и максимально доступной. Триединство организовывало красноречие, определяло его логическую направленность и последова-

тельность, главную и второстепенные части. Оно же облегчало восприятие публичного выступления.

По принципу такого триединства построены и произнесены чуть ли не все речи Демосфена и Цицерона. Разумеется, применение этого принципа варьировалось в соответствии с характером темы выступления и составом слушателей. В творческом претворении триединства сказывались ораторские талант и мастерство.

Со временем в России была обоснована структура публичной речи из четырех частей: вступление, истолкование, утверждение и заключение. Такой порядок развертывания содержания речи был назван «приличным». Вступление характеризовалось как приготовление — «часть слова», то есть речи, которой ритор (оратор) предваряет своих слушателей к восприятию и пониманию слова. Следующее за вступлением истолкование должно быть логически последовательным, ясным, не примешивающим к предмету данного выступления «посторонние материи». Утверждение — это уже доказательство, достигаемое разными способами, в том числе опровержениями, укоризной, показом ошибочности суждений противника. Утверждению не служат «вопрошение, отвращение, восклицание и пр.». И, наконец, последняя, заключительная часть слова может содержать также советы и указания.

Автор этой структуры ораторской речи из четырех частей — М. В. Ломоносов. Именно он первый в России своим уже упоминавшимся трудом «Краткое руководство к красноречию» (1748 г.) не без сопротивления со стороны академических кругов положил начало русскому оратороведению. Этот труд и теперь имеет познавательное значение, может быть полезен любому преподавателю и пропагандисту. Ломоносовская схема помогает более детально разобраться в единстве содержания и формы публичной речи. Однако она не отменила античного «триединства» структуры — формы публичной речи: оно продолжает действовать и в наше время.

Думается, что это не случайно: трехчастная форма никем не выдумана и не навязана. Она сложилась исторически, в самой практике, отражала самое главное в построении речи, позднее была осознана и уже утверждалась во многих трудах по риторике как определенное правило. То, что М. В. Ломоносов считал

«истолкованием, утверждением», не является двумя самостоятельными частями, а составляет неразрывную срединную, или вторую, всегда главную, самую существенную часть публичной речи. В этой части сосредоточено все, что относится к суждению и толкованию, аргументации и доказательством, умозаключениям и утверждениям, анализу и обобщениям и т. д.

Но, разумеется, эта средняя часть структуры публичной, особенно развернутой, речи, какой является, например, лекция, доклад, политическое обозрение, не ограничивается этими чисто логическими категориями. Отметим прежде всего, что сами эти категории в любом случае не только вполне содержательны, но и конкретны. Далее следует отметить, что названные категории раскрываются и оказываются плодотворными не сами по себе, а, во-первых, во взаимосвязи и, во-вторых, в живом изложении темы публичного слова. Значит, само это изложение — его широта и глубина, его характер и обстоятельность — выступает как определенная форма. Гегель точно установил эту своеобразную метаморфозу в умственном труде, говоря: «...форма обнаружения некоего содержания в области мысли несомненно представляет собою наиистиннейшую реальность» [23, 9]. Однако форма мысли обнаруживает не «некое», а вполне определенное содержание, иначе сама форма, как можно думать, не была бы нужна. Да и может ли быть действительная форма, выявляющая или выражающая неопределенное («некое») содержание? Ведь процесс формообразования мысли, равно как и формирования определенного ее содержания, развертывается, как уже отмечалось, на основе информативности — описания и объяснения, — на основе характеристики, анализа и оценки жизненного материала, причем типологизированного именно для данного, а не другого случая, скажем ораторского выступления.

А наличие такого фактического материала в ораторской речи требует не только анализа — чисто логической операции, но также, как говорилось, описания, а нередко повествования, порой подкрепляемого поговорками, пословицами и даже стихами. Уместны бывают цитаты не только из теоретических трудов, но и художественных произведений, газетные иллюстрации и сообщения о личных наблюдениях. Следовательно, описание и повествование также входят в структуру и ком-

позицию ораторского выступления, составляют важные элементы его формы. Но, разумеется, они подчиняются общей логике публичного слова — *логике диалектической,* постижению истины, верному пониманию существенных явлений реальной действительности и подчиненной ей — формальной логике — совокупности средств выражения мысли посредством словесного языка. В этой связи мы можем сказать, что форма в талантливом публичном выступлении всегда строго логична, и такая стройность отражает культуру ораторского мышления.

Логика ораторского выступления подчиняется определенному методу мышления: дедуктивному или индуктивному, а нередко тому и другому в разных частях речи. Вовсе не обязательно, чтобы в любой лекции применялись все логические категории и формы. Необязательно, чтобы оратор применял метод аргументаций, суждений и доказательств в развернутом виде. Бывает так, что в одних случаях определенное положение аргументируется обстоятельно, а в других — бегло или умозаключение формулируется со всею полнотой и в завершенной дефиниции, а в другой раз оно только намечается с расчетом на активность мышления и сотворчества слушателей.

Однако логике, а значит, структуре (форме и композиции) публичной речи противопоказаны разрозненность и несистематизированность используемого в ней фактического материала, хаотичность построения, фрагментарность изложения, несоблюдение намеченного времени. Совершенно противопоказаны также импровизация, увлечение описаниями, а тем более воспоминаниями, которые могут увести говорящего от главной линии — «сквозного действия» (К. С. Станиславский), определяющей целевую направленность выступления.

Элементы структуры основных видов красноречия можно назвать совокупностью тех сторон и, так сказать, «внутренних пружин», которые определяются самой сущностью ораторского искусства, то есть объективно. К объективным факторам, «формирующим» искусство публичного слова, можно отнести: состав аудитории, ее общую и специальную подготовленность, а также конкретную настроенность именно к данному выступлению.

Следовательно, мастер публичного слова, готовящий свое предстоящее выступление, во-первых, исходит из намеченной темы и предстоящего публичного изложения (конкретного содержания) и, во-вторых, учитывает состав, идейно-политический уровень и общую культуру аудитории. И тогда в продумывании самой формы публичного выступления сказывается уже субъективное начало — роль самого оратора.

Мы далеко не исчерпали рассмотрения структуры и формы красноречия, их видовых особенностей. Другие компоненты формы красноречия мы рассмотрим в следующих главах, а здесь нам хотелось установить то главное, без чего невозможна форма ораторского искусства. Но даже из краткой характеристики видно, что форма в красноречии — явление сложное и многоструктурное. Любой опытный оратор хорошо знает, как нелегко воплощать форму искусства публичного слова звучащей речью, способной увлечь аудиторию, сделать реальное содержание речи доступным и понятным для каждого слушателя.

Однако понятие содержательности и содержания в ораторском искусстве не исчерпывается сказанным. Любая публичная речь предполагает наличие проблемной ситуации, которая нуждается в серьезном разборе. Такая ситуация нередко вырастает из самой же, используемой в данном выступлении «первичной» информации или же на ее основе.

3. ПРОБЛЕМНАЯ СИТУАЦИЯ

Существуют разные мнения о проблемности в пропаганде, в ораторском искусстве. «Есть ситуация — будет проблема», — говорят одни; «Выдвигай острые вопросы — и возникнет проблема», — утверждают другие; «Выявляй несоответствие между устаревшими и новыми знаниями — и получится проблема» и т. д.

Конечно, такие суждения основываются на практике нашей устной пропаганды и поэтому в известной мере верны. Но понятие проблемной ситуации объяснять только такими рассуждениями значило бы упростить искусство красноречия.

Проблемность так же, как и информативность, объективна по своей природе. Ситуация порождается ус-

ловиями самой действительности. Даже субъективное намерение лектора, обозревателя или докладчика создать проблемную ситуацию опять-таки порождается факторами объективного характера, хотя бы составом слушателей. Осмысливая определенные явления жизни, лектор невольно оказывается перед необходимостью разобраться в их сути и определить свое отношение к ним. Это и есть один из вариантов проблемной ситуации. Если же такая ситуация создается, точнее, выдумывается для «приманки» слушателей, то вряд ли она будет иметь познавательное значение. Однако ситуация, диктуемая характером и ближайшей целью разработки темы публичного выступления, несомненно, привлечет внимание, одновременно сделав само ораторское слово интересным, особо содержательным по предметности и острым по форме. Бывает и так, что возникновение проблемной ситуации, тем более заранее предвиденной или же ясно представлявшейся, отражает поисковое или новаторское отношение к разрабатываемой в данной лекции теме. Это обстоятельство, по-видимому, явится дополнительным стимулом желательных контактов — растущего общения — между лектором и его аудиторией.

Начнем с простых и хорошо известных фактов. Во всяком публичном выступлении, освещающем какие-либо жизненные факты и отвечающем на общественно интересные запросы, уже есть определенная проблема, простая или сложная. Следовательно, освещение и разработка ее перед слушателями породит соответствующую ситуацию. Она неизбежна, потому что для каждого нового выступления даже по уже читавшейся теме возникает новая, никогда не повторяющаяся морально-психологическая атмосфера. Здесь речь идет о проблемности в плане познавательном, гносеологическом.

«Проблемное изложение новых знаний существенно отличается от объяснительно-иллюстративного изложения. Главной функцией последнего является передача и пассивное восприятие информации» [46, 92]. Иной уровень представляет метод проблемного изучения, активизирующий мыслительную деятельность аудитории, пишет далее автор. Поисковый и исследовательский метод — вот что особенно характерно для проблемного изложения темы публичной речи. Имея в виду вузовскую лекцию и студенческую аудиторию, автор приведенной цитаты продолжает: «Высшей степенью проблем-

ности, творческой активности и познавательной самостоятельности обучаемых в процессе изучения общественных наук характеризуется исследовательский метод обучения» [46, 102].

Разумеется, что такой метод обязателен в любой проблемной ситуации ораторского искусства и во всякой аудитории. Приведенные положения не вызывают каких-либо принципиальных возражений. Но требуется одно уточнение. Из первой цитаты фактически следует, что проблемный метод становится необходимым лишь при изложении «новых знаний». Но практика свидетельствует о том, что проблемная ситуация возникает и при разработке трудной в познавательном отношении, хотя и хорошо знакомой темы, и при новом подходе к старой теме, и при критике каких-либо теоретических положений, и во многих других случаях.

Иначе говоря, понятие проблемности изложения, или проблемного метода, или же проблемной ситуации, что фактически одно и то же, в любом виде ораторского искусства намного сложнее. Это понятие, занимающее все более заметное место, неразрывно с марксистско-ленинским методом. Больше того, именно этот метод ведет к проблемным толкованиям многих явлений. Так, например, оперирование методом единства исторического и логического непременно породит проблемную ситуацию в любой теме исторического характера. Ситуация возникнет и тогда, когда лектор применит принцип восхождения от абстрактного к конкретному и наоборот. Или раскрытие диалектики общего, особенного и отдельного опять-таки поставит лектора перед сложными проблемами познавательного характера, требуя от него конкретного разбора, характеристики этого триединства.

Этот перечень можно было бы продолжить, и вряд ли есть надобность останавливаться на каждом из названных примеров в плане методологическом или же иллюстрировать их. Скажем только: всякая публичная речь, в которой очевиден теоретический подход или в которой поднимаются вопросы, требующие глубокого осмысления и толкования, всегда порождают проблемную ситуацию.

Почему? Хотя бы потому, что лектор, выступающий именно с таким намерением, не может не выявить прежде всего сути рассматриваемых явлений в их динамике и противоречиях, во взаимосвязи с другими яв-

лениями и во всеобщем движении, чтобы правильно решить вставшие вопросы, найти истину. А ее нахождение — всегда проблема.

Но дело не только в этом. Любой принцип марксистско-ленинского метода применяется диалектически, при строгом учете не только сути данного явления, но и его особенностей, определяемых конкретными условиями их проявления. Например, выяснение того же единства общего и особенного в разработке темы: «Общество — человек — природа в условиях социализма и капитализма» или в лекции: «Диалектика интернационального и национального в советской культуре» будет обеспечиваться предельно всесторонним и конкретным подходом к ним, следовательно, неизбежно возникшая проблемная ситуация будет и неповторимой.

Все эти и подобные ситуации хорошо ведомы нашим пропагандистам. Но было бы ошибкой сводить проблемность в лекционной практике (в нашей устной пропаганде вообще) к вопросам методологии. При всей важности именно научно верного подхода к сложным темам лекционной пропаганды не менее существен характер рассматриваемых явлений, ставших предметом лекции или научного доклада.

Подойдем к понятию проблемной ситуации более конкретно.

Во втором номере «Политического самообразования» за 1974 г. был помещен текст лекции Ю. М. Лебедева из г. Калинина на тему: «Создание материально-технической базы коммунизма и научно-техническая революция». Лекция вызвала отклики пропагандистов, опубликованные в апрельском и майском номерах журнала. Отметив актуальность темы и в общем положительно оценив работу калининского пропагандиста, участники ее обсуждения спрашивали: почему же она была прослушана «спокойно»?

Общее мнение сводилось к одному главному положению: в лекции не было проблемного подхода к избранной теме, или, говоря иначе, Ю. М. Лебедев, выступая с лекцией на большую и весьма важную тему, не почувствовал или не осознал проблемной ситуации. А может, она и не возникла? Может, основные аспекты темы лекции были настолько ясными и всем ее слушателям понятными, что и не было надобности в проблемном подходе к ним?

В том-то и дело, что такая надобность была. Конечно, права И. Жиромская (г. Москва) в том, что лектор должен был поставить острые вопросы «для того, чтобы вызвать интерес у слушателей». Существенно, однако, в методологическом плане то, что сама тема лекции объективно содержала в себе серьезную проблематику, которую нельзя было оставить без должного внимания. Например, как совместить жесткие требования (стандарты) научно-технической революции с усилиями социалистического общества, прилагаемыми для развития гармонической личности? Нет ли противоречий между этими двумя процессами? Какова роль производственного коллектива, с его творческой активностью, находчивостью и изобретательностью, в развертывающейся научно-технической революции на отдельном предприятии? — так примерно формулировал свою мысль другой участник дискуссии — Б. Любимов из Ленинграда. Почему Лебедев не «увязал», спрашивал Ю. Жиромский из Саратова, проблемы создания материально-технической базы коммунизма с научно-технической революцией? Следовало также, справедливо писал другой московский пропагандист Р. Мартанус, «часть времени посвятить раскрытию вопросов идеологической борьбы, развертывающейся вокруг самого понятия и сущности научно-технической революции» («Политическое самообразование», 1974, № 5, с. 104—112).

Как видим, в мнениях по поводу прочитанной лекции обнаружилась действительная проблемная ситуация, в которой фактически оказался Ю. М. Лебедев, но которую он, по-видимому, не почувствовал или, того хуже, заранее не предусмотрел. Вот почему лекция, как отмечалось, была выслушана «спокойно», а намечавшееся собеседование в одной из школ основ марксизма-ленинизма г. Калинина фактически не состоялось.

Проблемная ситуация в лекционной практике неизбежно порождается или новизной предмета, или новой, или не совсем привычно сформулированной постановкой вопроса. И здесь интересным примером является тема (понятие): «Советский образ жизни». Казалось бы, что никто из нас не сомневался в том, что по мере развития социализма в Советском Союзе сформировался и развивается новый образ жизни. Он не только принципиально отличается от «американского» и всякого другого

буржуазного образа (типа) жизни, но и противопоставляется ему. Каждый из нас чувствовал и понимал этот очевидный факт и, вживаясь в новый образ жизни, активно участвуя в его формировании и совершенствовании, теперь не представляет свое бытие без него. Но бесспорно и то, что после XXV съезда КПСС категория «образ жизни», в особенности «советский образ жизни», все глубже и разностороннее осознается пропагандистами, занимая все большее место в лекционной практике.

На XXV съезде КПСС была поставлена задача: всемерно пропагандировать советский образ жизни, активно противопоставлять его буржуазному. Перед массой наших пропагандистов и вообще идеологических работников встала фактически новая проблематика. Ее суть состоит в том, чтобы прежде всего выяснить природу советского образа жизни и его место в коммунистическом строительстве. Ясно, что при подготовке лекции на эту тему необходимо дать определение структуры этого образа жизни: базисного и надстроечного элементов в нем; установление общего, особенного и отдельного, материального и духовного, объективного и субъективного, этического и эстетического, а также форм проявления образа жизни. Очевидно, можно назвать и другие аспекты разработки данной темы. Но наверняка и перечисленных элементов (или аспектов) вполне достаточно, чтобы сказать, в какой реальной проблемной ситуации оказывается любой из нас, обратившись к теме «Советский образ жизни».

Известно, что глубокая разработка темы социалистического или советского образа жизни стала настолько важной, что XXV съезд КПСС обсуждал проблемы, связанные с дальнейшим развитием и совершенствованием нового образа жизни, занимающего первостепенное место в социалистическом строе, в системе его общественных отношений. Важность этой темы настолько очевидна, что в документе партийного съезда «Основные направления развития народного хозяйства СССР на 1976—1980 годы», в разделе VII. «Развитие науки», в числе фундаментальных тем науки названа тема «развития социалистического образа жизни». Характер и объем этой темы таковы, что ее разработка и пропаганда будут продолжаться и за пределами десятой пятилетки, обнаруживая все новые аспекты и детали.

Из сказанного ясно, что сравнительная новизна темы «Социалистический образ жизни», особенно ее сложность и многогранность, и большой общественный интерес к ней выдвигают немало проблем для человека, выступающего с лекцией на эту тему. Разумеется, не обязательно, чтобы любое публичное слово о нем носило проблемный характер, могут быть лекции и беседы популярного характера или просто живо рассказывающие о его особенностях, о типичных чертах и признаках. Но на современной стадии разработки большой темы, как нам представляется, именно проблемное изложение темы: «Социалистический образ жизни» в целом выдвигается на первый план. На серьезном проблемно-исследовательском уровне могут читаться дифференцированные лекции, например, о философских аспектах образа жизни, о его историческом становлении, о социологической сущности образа жизни, об этико-эстетических аспектах социалистического образа жизни. Понятие «образ жизни» в целом и дифференцированный подход к его различным сторонам дают обильный материал советскому ораторскому искусству, коммунистической пропаганде.

Это обстоятельство, как и вся практика пропаганды, дает основание говорить о том, что любая проблемная ситуация неповторима и специфична в каждой новой аудитории, скажем, со смешанным, следовательно сложным, или же одинаковым, сравнительно легким составом слушателей, для молодых слушателей или группы людей, обогащенных жизненным опытом. Своеобразие ситуации определится и тем, в какой именно национальной среде будет слушаться лекция на названную тему. Но во всех случаях будет очевидно, что человек, выступивший с такой, весьма интересной и вместе с тем достаточно сложной темой, никак не может ограничиться одним, пусть даже и очень увлекательным, материалом отказавшись от теоретической разработки темы. И естественно, что проблемность необходима в такой лекции, так как это углубит само содержание лекции. Проблемный подход к теме «Советский образ жизни» поможет слушателям освободиться от некоторых традиционных представлений о нем, сводя образ (тип) жизни всецело к быту; подняться над уровнем обыденного сознания. Хорошая лекция заставит всерьез задуматься над собственным образом

жизни и поднимет культуру в духе общих принципов и норм социалистического образа жизни.

Проблемная ситуация в лекционной практике возникает и при новом подходе к старым темам, идеям или же общеизвестным предметам и явлениям. Например, тема «Общество и природа» стара так же, как цивилизация. Но какой глобальной стала она в наше время! В каких новых аспектах предстала миру взаимосвязь человека и окружающей среды, общества и экологии и сколько новых проблем встало перед многими науками!

Охрана природы и принципиально нового природопользования взамен многовекового «потребительского» отношения к природе; чистота атмосферы, в частности, безотходного производства, чистота биосферы и других естественных сфер; природосозидание и управление природой; эстетическое отношение к природе и многие другие проблемы встали перед современным обществом. Причем все эти проблемы приобретают дополнительное значение, когда освещается тема «Социализм и природа». Каждая из перечисленных проблем вообще, применительно к социалистическому строю в особенности, — тема не только отдельного публичного выступления, но и цикла лекций. При этом приходится учитывать, что «социоприродническая» тематика постоянно раскрывается в новых аспектах и приобретает дополнительное значение. В этом мы убеждаемся на практике. В 1975 г. Верховным Советом СССР принят документ «Основы законодательства Союза ССР и союзных республик о недрах», отражающий социалистическое, именно социалистическое, отношение к природе.

Сколько же новых тем по проблематике «Социализм и природа» может и должно быть сформулировано для нашей пропаганды на основе одного только этого законодательного акта!

А ведь XXV партийный съезд вновь поставил первостепенные вопросы, связанные с социалистическим природопользованием. В докладах Л. И. Брежнева и А. Н. Косыгина, речах многих делегатов на этом форуме, а также в постановлении «Об основных направлениях развития народного хозяйства СССР на 1976—1980 годы» указаны задачи теоретического и практического характера, требующие не только охраны природы нашей родины, но и систематического улучшения и со-

вершенствования сложной системы охраны. Партия добивается того, чтобы природа постоянно обновлялась и воспроизводилась во многих своих ресурсах, чтобы она сохраняла свою красоту. В этой связи перед нашим ораторским искусством встала новая задача: пропаганда эстетического отношения к природе, формирование восприятия и понимания красоты природы.

Из сказанного ясно, что любая тема по серии «Общество и природа» не может быть разработана в лекционной практике только на уровне даже вторичной информативности. Неизбежная, причем остропроблемная, ситуация заставит лектора или докладчика брать избранную частную тему природы, например по ландшафтной архитектуре, об охране природной среды, о безотходном производстве и т. д., на должном историко-теоретическом уровне. Такой метод определит проблемную сущность лекции и степень ее содержательности.

Проблемная ситуация, как правило, возникает в тех случаях, когда лектор или докладчик обращается к реальным трудностям социалистической действительности. Можно, конечно, делать вид, что их у нас вообще нет. Есть такие лекторы, которые неохотно вспоминают о негативных явлениях. В лучшем случае такой лектор лишь скороговоркой или намеками скажет «об отдельных недостатках», да и не особенно вразумительно ответит на вопросы, заданные слушателями.

Нечего говорить, что подобные лекторы не соответствуют духу и принципам советского ораторского искусства. Ясно также, что при опасении обращаться к «острым ситуациям» нечего будет даже думать о том, чтобы проблемная ситуация была учтена и должным образом обеспечена. Не касаясь других возможных сторон проблемной ситуации или проблемного метода в ораторском искусстве, подчеркнем только: такая проблемность существует в любом общественном явлении, если его рассматривать в динамике и диалектически.

Конечно, бывают речи, сообщения и даже лекции пропагандистского характера, не выходящие за пределы информации или фактической ориентировки в тех или иных явлениях. Мы уже не говорим о том, что научная гипотеза сама по себе уже есть проблемная ситуация. Наконец, априорность как некое исходное положение для принятия правильных решений порождает проблемную ситуацию. Всегда конкретный, диалектиче-

ский подход к проблемной ситуации — первейшее методологическое требование ее верного понимания и преодоления.

Вместе с тем судебное красноречие всегда реализуется в проблемной ситуации, порой очень трудной, если не сказать запутанной. Прокурорская речь и речь общественного обвинителя, адвокатская защита и речь общественного защитника всегда проблемные, а порой сложно-проблемные по своему содержанию. Разобраться в запутанном клубке объективных данных и различных, чаще всего противоречивых, показаниях, раскрыть психологию обвиняемого, тем более явного преступника-рецидивиста, выявить всю сеть хитросплетений дельцов-взяточников и охарактеризовать их «моральные принципы» или же верно разобраться в том, почему хорошая во всем семья «вдруг» распалась и предложить — в каждом отдельном случае вынести верное решение — это всегда острая проблемная ситуация.

Обобщим сказанное. Проблемная ситуация — интересный момент в лекционной практике и вообще в ораторском искусстве. Ценность такой ситуации определяется тем, что она дополнительно стимулирует поисковую, творческую мысль, а ее преодоление или проблемный подход к теме публичного выступления расширяет его диапазон, углубляет содержание. Проблемность речи актуализирует ее тему, активизирует внимание слушателей и помогает живому общению между трибуной и аудиторией, без которого нельзя рассчитывать на успех. Понятия проблемности и проблемной ситуации — важные категории ораторского искусства. Стоит особо рассмотреть диалектику содержания и формы в красноречии, вновь обращаясь к классическому триединству.

4. ЕДИНСТВО СОДЕРЖАНИЯ И ФОРМЫ КРАСНОРЕЧИЯ

Остановимся на первой части публичной речи — вступлении. И в связи с этим вернемся к цицероновской практике. Вот, например, начало одной речи Цицерона, произнесенной в 63 г. в римском сенате и направленной против Луция Сергия Катилины.

«Доколе же ты, Катилина, будешь злоупотреблять нашим терпением? Как долго ты в своем бешенстве будешь издеваться над нами? До каких пределов ты будешь кичиться своей дерзостью, не знающей узды? Неужели тебя не встревожили ни ночные караулы на Палатине, ни стража, обходящая город, ни страх, охвативший народ, ни присутствие всех честных людей, ни выбор этого столь надежно защищенного места для заседания сената, ни лица и взоры всех присутствующих? Неужели ты не понимаешь, что твои намерения открыты? Не видишь, что твой заговор уже известен всем присутствующим и раскрыт? Кто из нас, по твоему мнению, не знает, что делал ты последней, что предыдущей ночью, где ты был, кого сзывал, какое решение принял? О, времена! О, нравы!» [44, 292].

Свою речь Цицерон начал, как говорится, «с места в карьер». Размахнувшись, сразу же, как будто без предварительного обдумывания своего выступления, оратор определил и бурный темп речи, ее «атакующую» интонацию, и пафос, исполненный патетики. Подтекст уже первых слов ясен вполне: уверенность Цицерона в том, что если не все почтенные сенаторы, то во всяком случае большинство из них на его стороне или же благосклонно настроены к его речи.

Нетрудно понять и почувствовать: ораторские вопросы, «хлеставшие» по лицу привлеченного к суду «высокого сената», сразу же должны были произвести сильное психологическое впечатление не только на Катилину-заговорщика, но и на собравшихся. Такое вступление к речи, впрочем, не лишенное чисто актерских позы и жеста, мастером которых являлся Цицерон, заострило значение рассматриваемого дела, наверняка наэлектризовало и без того напряженную атмосферу в сенате и, очевидно, задало общий тон обсуждению поведения Катилины.

Нет сомнения, что такое начало публичной, и притом весьма ответственной, политической по характеру речи было хорошо продумано, выверено в каждом слове, в любой интонации и даже в каждом ораторском вдохе и выдохе. И такой тон, такую внутреннюю напряженность и эмоциональность Цицерон выдержал на протяжении довольно большой речи, одной из лучших в его ораторской практике.

А вот совершенно противоположное не только по со-

держанию, но и по форме и стилю вступление к вводным лекциям Гегеля по эстетике. Правда, оно, как и вся «Эстетика» великого мыслителя, воспроизведено на основе конспектов слушателей его лекций. Но, зная гегелевский стиль изложения мысли, можно вполне доверять приводимым текстам.

Свои лекции Гегель начал вполне официально: «Мм. Гг. Наши чтения посвящаются изложению эстетики: ее предметом является обширное царство прекрасного; строго говоря, предметом эстетики является область искусства и притом не всякого, а именно изящного искусства» [23, 10].

Перед нами — строгий стиль и предельный рационализм философа. Уже по первым фразам чувствуется внушительная дистанция, если хотите, высокий барьер между профессором на кафедре, известным мужем науки, и его слушателями. Словно видишь массивную кафедру, на которой возвышается одетый в мантию ученый с орлиным взором и суровым выражением лица. Это впечатление от первых страниц текста вводной лекции впоследствии не ослабевает, а, напротив, усиливается.

Гегелевские лекции от первых и до последних фраз — это строго академическое или традиционно-университетское красноречие, адресованное к тем, кого неудержимо влекло к любомудрию, к наукам, кто умеет глубоко и напряженно мыслить.

Разумеется, и Цицерон и Гегель могли бы начать свои речи другими словами и соображениями, в другой форме и интонации. Вступление к публичному слову — категория гибкая, многовариантная. Даже уже прочитанная лекция, но повторяемая в другой аудитории, может и, очевидно, должна быть начата иначе. И всякий раз — именно по-другому, неизменно по-новому, — с учетом момента повторения и состава аудитории. Но каким бы начало ни было, в каждом отдельном случае оно должно быть особенным, единственным в своем роде, то есть наиболее правильным вступительным словом к лекции или докладу, речи или обзору именно для данной аудитории. Оно всегда должно точно определять тему и характер публичного выступления, его главные идеи (так было во вступлении к лекциям Гегеля) или дать почувствовать ораторское намерение, а может, и душевное состояние (так было в речи Цицерона).

М. И. Калинин давал пропагандистам и агитаторам такой совет: «Речь надо начинать прямо с существа дела или с чего-либо интересного, что привлечет внимание. Разве вы не замечали, что если начать трафаретно, то внимание слушателей не концентрируется, а если начать с чего-либо необыкновенного, то внимание сразу приковывается? Надо отучаться от этого трафаретного начала» [7, 156].

М. И. Калинин сам являл пример пропагандиста и агитатора, умевшего с первых же слов заинтересовать своих слушателей. Вот, например, как Михаил Иванович начал выступление на учительском совещании:

«Что значит, когда говорят: охватить марксизм-ленинизм полностью? Как это понимать? Понимать ли это как текстуальное заучивание всей премудрости марксизма-ленинизма в виде готовых уже выводов и формул? Или понимать это как овладение существом марксизма-ленинизма и как умение применять эту теорию в качестве руководства к действию в жизни, в своей общественно-политической и личной жизни?» [7, 156].

Такое вступление хорошо тем, что сразу заостряет внимание слушателей на главном вопросе начинаемой речи, приглашает к активному размышлению, направляет мысль аудитории в нужном направлении. Оно вместе с тем дает возможность слушателям как бы представить основную мысль оратора.

Не преувеличивая, можно сказать, что уже по первым фразам оратора можно более или менее верно предугадать, какой будет его речь и даже каков он как лектор или обозреватель, пропагандист или докладчик. Спору нет, бывает, когда хорошо, интересно и даже интригующе начав лекцию, говорящий затем разочаровывает аудиторию бледностью выступления, его малосодержательностью. Бывает и противоположное, когда оратор, начав не броско, маловыразительно, затем раскрывается, радуя слушателей глубиной содержания речи, свежестью мысли и яркостью ее воплощения. Но чаще всего неудачное начало предваряет неинтересное публичное слово и, наоборот, за содержательным и заинтересовывающим вступлением к речи следует глубокое раскрытие темы.

В этой связи стоит привести отрицательный и положительный примеры.

Лекция на серьезную и интересную тему: «Ленинская программа по национальному вопросу» началась так: «Рассматривая тему «Партия большевиков в годы нового революционного подъема (1910—1914 гг.)», мы должны остановиться на одном из важнейших вопросов марксистско-ленинской теории, имевшем и имеющем огромное значение для практики революционного движения, — на ленинской программе по национальному вопросу».

Неудачное начало! Почему? Во-первых, потому, что оно целиком состоит из одной длинной и структурно-сложной фразы. Сразу понять смысл фразы посредством слухового восприятия не так просто. Во-вторых, в этом коротеньком вступлении слова: «революционный», «вопрос» и «ленинский» повторяются по два раза. Да и рядом стоящие «имевшем» и «имеющем» не особенно удачны. Лектор начинает свое слово фразой: «Рассматривая тему...». Такое начало неправильное хотя бы потому, что приведенные слова не на месте. Ими можно лишь продолжить разговор, когда что-то уже разобрано, изложено и объяснено и остается сказать: «...рассматривая...». Все вступление — суховатое, если не сказать канцелярское. Ясно, что оно никак не может заинтересовать слушателей.

Эта лекция, грамотная в целом (судим по ее полному тексту) и не вызывающая принципиальных возражений, не была, однако, интересной по своему конкретному содержанию и форме, которые соответствовали духу и стилю вступительной части.

А вот противоположный пример: еще одна доцентская лекция, предназначенная для вузовской аудитории (также судим по тексту). Она сформулирована так: «О марксистском и религиозном понимании смысла жизни». Ее лектор начал словами: «Вопрос о смысле жизни, о том, для чего живет человек, что является самым важным в его жизни, занимает выдающееся место в истории человеческой мысли. Философы, ученые всех времен много думали над этой проблемой. Правильное понимание смысла жизни придает человеку уверенность в себе, делает его поведение более определенным, ясным, целенаправленным, поднимает его оптимизм».

Это удачный «зачин» публичного разговора на серьезную тему! В нем есть самая необходимая, предвари-

тельная информация о том, что будет сказано. Отмечено значение темы лекции. Есть оценка. Разговор начат четким и ясным языком. Интонация оратора настраивает на слушание публичного слова. И хорошо, что сразу завоеванное доверие аудитории не было обмануто. Лекция, насыщенная информацией, хорошо скомпонованная и целеустремленная, отличается содержательностью, ясной концептуальностью и культурой философского мышления.

Конечно, не так-то просто найти нужные слова для вступления. Вступление в искусстве публичного слова всегда трудно. Оно — своеобразный камертон, настраивающий аудиторию на слушание того, что затем последует в речи. Оно — программа, нередко предвещающая нечто интересное и весьма важное. Оно — и своеобразная самохарактеристика говорящего, которая затем выявится в ходе публичной речи. Короче говоря, хорошо, если вступление сразу вызывает слушательское доверие, а тем более благожелательность к взошедшему на трибуну человеку. Такое начало оправдано. А оно, это доверие, обеспечивается тем, что в античности называли средней, или главной, частью, а в упоминавшемся труде М. В. Ломоносова — как истолкование и утверждение.

Да, именно истолкование и утверждение! Любое публичное слово, а тем более такое многообещающее, как политическая речь, лекция или доклад, стоит чего-либо прежде всего потому, что в нем истолковывается смысл и значение каких-то общественно существенных явлений, утверждаются определенные идеи или формулируются важные задачи. Тем самым слушатели подводятся к некоторым выводам. Они и становятся тем «заключением», или обобщением, которое занимает третье место в классическом триединстве.

В этой связи вернемся к тем же лекциям, которыми Гегель начал чтение курса «Эстетика». Попытаемся на этом произведении академического красноречия уяснить прежде всего то, что можно назвать истолкованием и утверждением.

Представим сперва эти вводные лекции к «Эстетике» (XII, XIII и XIV тома Сочинений Гегеля в первом советском издании) в их схеме. Перед нами вступление в полстранички текста из трех разделов. В них в порядке «предварительных замечаний» рассматриваются такие

вопросы, как понятие прекрасного — предмета эстетики, как он представлялся Гегелю; понятие «научного рассмотрения искусства» — воплощение прекрасного и философия прекрасного. Каждый из этих разделов Введения, в свою очередь, делится на отдельные подтемы. Гегель, хотя и говорит, что он ограничивается «предварительными замечаниями», тем не менее довольно обстоятельно излагает то, что можно было бы назвать обоснованием разработанного им курса эстетики и определением его предмета, его основной проблематики.

Анализируя сложную структуру Введения, мы убеждаемся в том, что оно содержит большую и разнообразную информацию. Правда, словесно она в лекциях занимает сравнительно небольшое место. Гегель очень скуп на информацию в этих лекциях. Самые интересные сведения или факты он сообщает в нескольких словах. Например, с первых же вступительных слов он говорит, что «эстетика, понимаемая в последнем смысле, зародилась в вольфовской школе в качестве новой науки», не поясняя, а кто же был Вольф, что за школу он создал или возглавлял, и стоит ли всерьез относиться к ней. Далее, утверждая, что лишь определенный круг явлений и истины может найти свое воплощение в форме художественного произведения, Гегель как бы между прочим сообщает, что «такого рода истиной были, например, греческие боги» [23, 15], не останавливаясь на хотя бы беглой характеристике или оценке этого явления. Лектор и в данном случае не считает нужным даже приблизительно пояснить свою мысль, приведя историческую информацию. А в другой связи Гегель лишь напоминает о «Поэтике» Аристотеля и некоторых других теоретических трудах античных авторов и позднейших сочинениях, посвященных вопросам эстетики или искусства. Такая первичная, можно сказать даже нерасшифрованная, информация, рассчитанная, разумеется, на сведущую аудиторию, явно превалирует во всех вводных лекциях Гегеля в его «Эстетике». Причем некоторые его обобщения носят частный характер, например сведение о том, что сочинения Батте или Рамлера читались очень усердно. Такие факты, приводимые в лекции и не содержащие значительной общественно интересной информации, могли быть или не быть в публичном выступлении на сугубо теоретическую тему.

Но вот лектор по ходу изложения темы заявляет: «Прошли прекрасные дни греческого искусства, равно как и золотое время более позднего периода» [23, 19]. Эта информация уже не частного или единичного характера, так как отражает большой период истории. И так как Гегель судит об эволюции искусства, без краткой хотя бы характеристики этого периода не обойтись. Таково же значение информации о древнеиндийском искусстве или о том, как понятие прекрасного рассматривалось в прошлые времена. Но Гегель и в таких случаях ограничивается собственно информацией, предполагая, что ее содержание в общем известно слушателям.

В гегелевских лекциях есть и другого рода информация: имена мыслителей, теоретиков и художников, поэтов и иных лиц. Да, конечно, каждое из этих имен, скажем Гомера или Аристотеля, также несет определенную информацию или во всяком случае дает известное представление о чем-то. В разных местах своих вводных лекций немецкий мыслитель называет имена Вольфа, Аристотеля, Горация, Лонгина, Гои, Батте, Рамлера, Мейера, Гирта, Гёте, Менге, Винкельмана, Платона, Шиллера, Гомера, М. Мендельсона, Джемса Брюса, Зевксиса, Резель, Канта, Александра Македонского, Шеллинга, бр. Шлегель, Фихте, Катона, Зольгера и Людвига Така. Одних из них Гегель только называет — таких большинство, других лишь предельно кратко, чуть ли не намеком характеризует или оценивает, однако на других именах останавливается более или менее подробно. Значительное место в лекциях отведено, например, Канту и его взглядам на красоту — эти страницы Введения читаются с особым интересом. Гегель задерживается на личностях Шиллера, Фихте и других мыслителей и не раз называет Гёте, Шиллера, Шеллинга. В таких случаях информация не только как бы персонифицируется или олицетворяется, но и становится предметом специального истолкования или служит исходным для того, чтобы развивать какие-то мысли, попутно высказывая критические замечания.

Разнообразная и далеко не равнозначная в своих фактических данных информация — это не только определенная опора для лектора, но и как бы дыхание самой жизни, ее пульсация и одновременно — ценности, без которых невозможно достижение истины. К источникам

истины и обращался Гегель, хотя не всегда ее находил, а найденное не во всех случаях верно истолковывал. Но это уже другой вопрос, которого мы не касаемся.

История и современность, различные точки зрения и целые концепции по одному и тому же вопросу, художественные произведения и научные трактаты в лекциях Гегеля приведены не просто как информация, пусть даже важная, облегчавшая такой ораторский труд, как словесно-устное научное истолкование и утверждение. Истолкование и есть тот компонент в лекциях, то чисто логическое средство, которое придает жизненному материалу определенный смысл, делает его значимым. Оно связывает, сливает воедино разнообразные факты, наблюдения, превращая их в стержень интеллектуального творчества. Наконец, истолкование, в котором индукция и дедукция непрерывно меняются местами или же выступают в единстве, являются теми механизмами, которые как бы двигают авторскую мысль.

Гегелевские лекции — непрерывное истолкование и вместе с тем — утверждение.

Вот, например, как судит Гегель-лектор о взаимосвязи прекрасного и искусства. Он говорит: «...прекрасное и искусство подобно некоему дружественному нам гению проникают во все жизненные дела и, ярко расцвечивая все окружающее нас, украшают материальную, равно как и духовную нашу среду» [23, 3]. Ясно, что здесь толкование и утверждение неразрывны. Во всяком случае трудно сказать, что в приведенных словах есть только истолкование, а что — лишь утверждение. Эту нерасчлененность, эту гармонию двух логических операций мы видим и в других частях лекций Гегеля. Так, он говорит, что «истина не существовала бы, если бы она не становилась видимой и не являлась бы нам, не существовала бы для некоего, не существовала бы как для самой себя, так и для духа вообще» [23, 8]. В другом месте: «Наука об искусстве является поэтому в наше время еще более настоятельной потребностью» [23, 12].

Во всех подобных случаях перед нами то мыслительное творчество, в котором истолкование определенного явления и его утверждение едины, неразрывны. Этим плодотворным способом и пользовался Гегель в своих лекциях. Но он не гнушался и «голым», а местами «декларативным» утверждением, декларативным в том

смысле, что не считал нужным мотивировать, обосновывать его необходимость.

Так, например, «философский метод не допускает голых предпосылок», — утверждал Гегель, не поясняя, почему же этот метод не допускает голых предпосылок. Или он говорил: «...лишь философия есть познание вселенной», разумеется, имея в виду свой метод [23, 24 и 25]. Это также есть утверждение, достойное того, чтобы вникать в его смысл и значение. Затем идет тройное утверждение того, что художественное произведение — человеческое творение; что оно создается «для человека»; рожденное в человеческой среде, это творение обращается к человеческим чувствам и что произведение искусства «обладает в себе некоей целью» [23, 27]. Но на этот раз лектор не ограничивается только утверждением, а пункт за пунктом раскрывает конкретное содержание и реальный смысл каждого своего тезиса, аргументируя и доказывая его при помощи соответствующих логических средств.

Анализируя содержание разбираемых лекций Гегеля, способ раскрытия этого содержания и его соответствующего воплощения, мы убеждаемся в том, что чуть ли не добрая половина фактического материала (информации) и многие декларативные утверждения рассчитаны на сообразительность слушателей, на их определенные знания и, конечно, на способность включиться в сотворчество с лектором. К этому вопросу мы еще вернемся, но здесь необходимо специально отметить, что содержание ораторской речи, особенно большой и на значительную тему, никогда полностью не воплощается и не раскрывается в ней. Что-то в ней лишь намечается, что-то предполагается в подтексте, а что-то подразумевается как само собою разумеющееся и т. д. Лишь активным и глубоким слушательским восприятием «расшифровывается» и правильно понимается этот ряд моментов или частей ораторской речи, они излагаются и воспринимаются в единстве содержания и формы, которое и обеспечивает удачу большого публичного выступления.

Так мы и попытались подойти к гегелевским лекциям, составляющим обширное Введение его эстетического Монблана. Правда, оно как будто не завершено традиционным заключением. Свое слово Гегель как бы обрывает упоминанием «Ромео и Джульетты». Но он до

того уже сказал все, чтобы предварять своих «Мм. Гг.»— милостивых государынь и государей (или господ) к длительному слушанию «Эстетики». Поэтому он, по-видимому, не счел нужным прибегнуть к «заключению», в данном случае, очевидно, ненужному, но которое будет завершать обширный курс эстетики.

В какой же мере сказанное о лекциях облегчает понимание единства содержания и формы в ораторском искусстве? Думается, что даже самая гениальная симфония не даст полного представления о музыке вообще, талантливая кинокартина — о могучем искусстве экрана или скульптурная композиция — о ваянии. Точно так же и самая талантливая лекция не даст полной картины, скажем, академического красноречия. Но в то же время они помогут приблизиться к пониманию специфики, а тем более возможностей музыки, кинематографии, скульптуры и ораторского искусства.

Это же можно сказать о вводных лекциях Гегеля в связи не только с академическим красноречием, но применительно к ораторскому искусству в целом. Анализируя тексты этих лекций, мы убеждаемся в том, что они помогут понять, каким может быть содержание словесно-публичного выступления, особенно теоретического характера, и какими способами (в какой форме) может быть доведено оно до сознания слушателей. Нет спору, указанные лекции — сложный вид публичной речи. Исключительная усложненность, многогранность темы, высокая степень научности, сила аргументаций, внутренняя и внешняя формы этих лекций дают возможность судить об ораторском искусстве «по большому счету», говорить о непоколебимом единстве содержания и формы.

Исследователь убеждается в таком выводе, обращаясь к другим конкретным примерам ораторского искусства.

А теперь рассмотрим не менее показательный пример — «Эльберфельдская речь» Ф. Энгельса, произнесенная 8 февраля 1845 г.[2].

---

[2] «Эльберфельдские речи» явились частью развертывавшейся пропагандистской и агитационной работы, возглавлявшейся К. Марксом и Ф. Энгельсом. Для этой цели в г. Эльберфельде устраивались специальные вечера, на которых и выступал молодой Энгельс с речами. Об интересе к этим вечерам может свидетельствовать хотя бы то, что на первом присутствовало 40 человек, на втором — 130 и на третьем — 200. По характеристике самого Эн-

Что же представляют речи Энгельса по своему жанру? Их можно было бы назвать лекциями, ибо они отличаются глубокой научностью, скрупулезностью исследования, множеством идей, развиваемых в них, развернутостью суждений, аргументаций и умозаключений. Но перед нами не просто научные по характеру публичные выступления. Посвященные животрепещущим проблемам времени, исполненные известного полемического задора, эти выступления могут восприниматься и как публично читанные рефераты, и даже как развернутые речи политико-экономического характера.

Теоретический и практический интерес представляет структура каждой речи, далеко не простая, как может показаться в первом чтении текстов. На самом же деле, как убеждаемся в ходе их исследования, структура — отражение большого мастерства в красноречии, мастерства, в котором ясная идеологическая стратегия претворяется хорошо продуманными тактическими, по существу своему психологическими приемами. Прост и, можно сказать, предельно ясен зачин каждой речи — ее вступительная часть. «Господа! Как вы только что слышали, — впрочем я позволю себе считать это и без того общеизвестным, — мы живем в мире свободной конкуренции. Рассмотрим же несколько подробнее эту свободную конкуренцию и созданный ею общественный порядок» [2, 2, 532].

Точное определение конкретной цели выступления и сам тон первых же слов оратора не могли не настроить присутствовавших в зале на внимательное, более того, заинтересованное слушание речи, столь уверенно начатой молодым человеком, взошедшим на трибуну. Оратор заговорил о «свободной конкуренции», хорошо знакомой собравшимся. Характерный феномен растущего капитализма — конкуренция — повседневно чувствовалась и переживалась каждым из слушателей речи. Одних, а именно «денежную аристократию», конкуренция вполне устраивала, составляя источник ее благополучия, и была чуть ли не смыслом ее бытия, хотя и нередко причиняла хлопоты и даже нагоняла на нее ужасающие страхи. Других же, а именно лавочников, «свободная

гельса, вечера посещали различные люди, «от денежной аристократии до лавочников, за исключением пролетариата». Тем не менее «вечера» назывались «коммунистическими», так как были проникнуты идеями научного коммунизма.

конкуренция», напротив, стесняла, преследовала каждодневно, а порой и прижимала, не давая переводить дыхание. Ясно, что, заговорив о конкуренции, молодой оратор заинтересовал, если не сказать заинтриговал, каждого своего слушателя, привлекая его к раздумьям, вовлекая в жизненно важный разговор. Но конкуренция, это уродливое детище буржуазного общества, для Энгельса явилась лишь трамплином для разговора о большем — о сущности буржуазного строя и правопорядка в целом, об их пороках, а также о средствах, призванных покончить с далеко не гуманным по природе социальным устройством.

Структура первой большой речи Энгельса представляется в таком виде: а) констатация определенных фактов и их характеристика; б) формулировка вопросов и ответы на них; в) суждения и краткие умозаключения; г) выдвижение определенных идей, подкрепляемых прогнозами или предположениями относительно будущего. Но это лишь схема структуры, и было бы бесплодно попробовать исследовать ее в таком упрощенном виде. Воплощавшаяся живым словом, эта структура развертывалась в речи, произносившейся на основе тщательного разбора богатого фактического материала, оживлявшегося наблюдениями и впечатлениями самого оратора.

Вот лишь один пример. Энгельс хотел сообщить о том, как кипа хлопка, произведенная в Северной Америке, затем отправляется в Германию. Но как он это сделал? «Кипа переходит из рук плантатора в руки комиссионера на какой-нибудь пристани на Миссисипи; — рассказывал оратор, — она направляется вниз по реке до Нового Орлеана. Здесь она продается, — во второй раз, так как комиссионер уже купил её у плантатора, — продается, допустим, спекулянту, который снова продаст ее экспортеру. Затем кипа отправляется, например, в Ливерпуль, где новый спекулянт жадно тянет к ней руки и хватает ее, чтобы затем снова продать ее комиссионеру, который ее покупает по поручению, скажем, какого-нибудь немецкого торгового дома. Таким образом кипа отправляется в Роттердам, затем вверх по Рейну, проходя еще через руки десятка экспедиторов, причем ее еще раз десять грузят и выгружают, — и только тогда она попадает в руки, но не потребителя, а фабриканта, который сперва приво-

дит хлопок в годное для использования состояние, затем передает готовую пряжу ткачу, тот передает ткань печатнику, и лишь затем она переходит к оптовику, от него к розничному торговцу, который, наконец, доставляет товар потребителю» [2, 2, 536].

Перед нами живая, чуть ли не сюжетная картина, а не просто информация, — картина, потому что дает наглядное, очень впечатляющее представление о том, что оратор считал ненормальным и нелепым. Но это не просто картина, а целое откровение по крайней мере для лавочников — обнажение важной механики капиталистического производства и связанной с ними купли-продажи. Ясно, что такой структурный элемент в речи должен был оставлять сильное впечатление на слушателей.

Приведенная картина не единственная, которая, придавая речи черты художественности, вместе с тем являлась важным средством аргументации определенных выводов. Черты художественности в данной речи приумножались и впечатлялись использованием разнообразных способов изложения мысли, среди которых вопросно-ответный способ занимал едва ли не первостепенное место. Двенадцать раз в своей первой речи Энгельс ставил вопросы, причем в трех случаях — сразу по два и одновременно отвечал на них.

Например, после живописания долгого и запутанного пути кипы хлопка оратор спрашивал: разве нет более простого и более дешевого пути? Разве это не расхищение рабочей силы? И следовал ответ: «При разумной организации общества не может быть и речи о таком сложном способе доставки» [2, 2, 536]. Но ответ в данном случае, как, впрочем, и в некоторых других, — это и серьезный вывод, который давал пищу для размышлений и аналитического подхода к знакомым явлениям. Чуждый сплошь повествовательной, скучной в ораторской речи манере, Энгельс охотно пользовался полудиалогическим способом изложения.

Оратор охотно констатировал множество разнообразных явлений, непременно тут же оценивая их. В конкуренции, или «войне всех против всех, в этом всеобщем беспорядке и всеобщей эксплуатации, — говорил Энгельс, — и заключается сущность современного буржуазного общества» [2, 2, 532]. Это не простая фиксация определенного явления, но и его оценка, используемая

и как способ суждения. Речь Энгельса изобилует такими оценками и попутно дававшимися характеристиками.

Строго говоря, вся его речь — цепь, если не определенная система хорошо аргументированных суждений. Пользуясь ими, Энгельс говорил доказательно. «Но промышленность, которая не расширяется, не может также и совершенствоваться», — говорил он, и, как можно думать, вряд ли кто-либо из его слушателей сумел бы возражать против этого. Это суждение, завершающееся четким умозаключением, должно было заставить сидевших в зале задуматься над сказанным!

Суждение и умозаключение, обычно динамизирующие публичную речь, являющиеся двигателями ораторской мысли, выявляют активное, творческое отношение говорящего к анализируемым им явлениям. Но Энгельс-оратор не довольствовался этим и всячески активизировал внимание самих собравшихся. «Подумайте», «загляните в дом, во внутреннее святилище богача», «вспомните, какие чудеса совершал энтузиазм революционных армий», «вы можете судить», «итак, вы видите», — такими и другими прямыми обращениями к своим слушателям оратор держал их внимание на нужном уровне. Для этой же цели и большей ясности речи Энгельс повторял некоторые свои мысли, пользовался формой градации, всячески избегая словесных ухищрений и внешних красивостей. Даже в тех случаях, когда оратор формулировал свежую идею и прогнозировал возможные в будущем свершения, как бы указывая светлые пути движения, Энгельс был сдержан в выражениях и говорил деловито. Одним только резюмирующим словом «итак» он как бы акцентировал внимание слушателей на значении сказанного. «Итак, мы видим, что при коммунистической организации отпадают главные пороки современного социального строя» [2, 2, 535].

Такой вывод, который вместе с тем воспринимался как формулировка главной идеи данной речи, Энгельс сделал после обстоятельного разбора и оценки пороков буржуазного общества. И можно предположить, что слово «итак» Энгельс произносил после еле заметной паузы и в твердом тоне. Повторяемое в трех местах речи, это слово, логически и психологически как бы расчленяя ее на тематические куски, обнажало необходимые паузы в ее течении. Но эти «итак» вместе с тем как бы уточняли направление ораторской мысли, выде-

ляя в ней наиболее существенные умозаключения говорившего и возводя их в некие теоретические положения.

Такова одна из лучших речей молодого Энгельса в единстве ее содержания и формы, — единстве, как бы цементирующемся идеей необходимости коммунистического переустройства буржуазного общества.

Думается, что нет надобности останавливаться на других примерах ораторского искусства, ибо и то, что было изложено в данной главе, дает основание сказать, что выявленные особенности рассмотренных речей весьма типичны для искусства публичного слова вообще. Такое утверждение может показаться сомнительным или просто бездоказательным. В самом деле, можно ли представить в одном ряду как явления тождественные строго академические лекции Гегеля об эстетике и только что разобранную речь Энгельса актуализированного социально-экономического характера? Можно ли привести к некоему общему знаменателю упоминавшийся доклад М. В. Фрунзе о советской военной доктрине и речь против Катилины, которую произнес Цицерон в римском сенате?

Есть все основания рассматривать эти публичные выступления по разным темам и поводам в одном ряду как разные виды ораторского искусства. Редко, очень редко бывает, чтобы публичное устное выступление не отражало определенных явлений действительности, не содержало хотя бы одного факта, если не сказать о большей информации, чтобы в нем не толковалась и не оценивалась эта информация, чтобы выступающий ничего не утверждал или не отвергал, чтобы он не преследовал определенной цели и, наконец, чтобы такое выступление как бы мысленно не продолжалось (не дополнялось) самими слушателями. Ведь и способы раскрытия и развертывания содержания и формы в любом виде красноречия, за исключением церковно-богословского, примерно одни и те же. Таковы, скажем, группировка и типологизация фактов, сравнения, аналогии, суждения и доказательства, умозаключения и обобщения, отрицания и утверждения, а также множество других приемов познания. При этом считается само собой разумеющимся правильное, научно обоснованное оперирование понятиями и категориями той науки, орудием которой становится ораторское искусство в каждом отдельном случае.

Нет спору, всякий способ познания является фактором внешним по отношению к содержанию того или иного вида красноречия. Способы постижения искомой истины в длительном своем развитии как будто сложились прочно и навсегда. В своей совокупности они составляют метод познания. Но, разбираясь глубже в их сути, мы приходим к выводу, что они всякий раз определяют содержательность конкретного (данного) красноречия, являются важными элементами его формы. Да, формы, так как именно посредством типологизации сходных фактов, благодаря суждению и доказательству, умозаключению, утверждению и т. д. ораторская мысль становится определенной, раскрывается в своей сути и значимости, становится воспринимаемой. Разбираясь дальше в этих способах воплощения мысли, мы приходим к выводу, что все они в каждом конкретном случае содержательны, настолько содержательны, что порою трудно бывает сказать, например, что в умозаключении и утверждении является формой или элементом формы ораторской речи, а что содержанием.

Короче говоря, очевидна диалектика единства содержания и формы в красноречии. Однако это не значит, что мы, идя чисто логическим путем, не можем «вычленить» из этого единства содержание, да еще подчеркнуть его ведущую, определяющую роль. Это мы и попытались сделать в данной главе. Но, разумеется, единство содержания и формы красноречия сказанным не исчерпывается. Оно будет раскрываться полнее в дальнейшем, по мере исследования других элементов и аспектов ораторского искусства.

Глава пятая

Психология в ораторском искусстве

1. ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Психология в красноречии проявляется в двух аспектах: а) в ораторском творчестве и б) слушательском восприятии публичной речи. Имея различные объекты и будучи относительно самостоятельным, эти моменты проявляются одновременно — в живом общении говорящего с аудиторией. Вне такого единства психология ораторского искусства не существует. По такой схеме мы и рассмотрим проблематику данной главы.

Главная задача психологии ораторского труда — пробуждать и поддерживать интерес слушателей к произносимому публичному слову. Пробуждение, формирование, поддержание (или развитие) внимания аудитории к речи, а также удовлетворение интереса к теме — едва ли не самое трудное дело в ораторском искусстве. Думается, что прав доцент Е. Андреев, введя в обиход термин «кризис внимания». Он отмечает, что через определенные промежутки времени наступают кризисы внимания. Первый обычно бывает на 15—20-й, а второй — на 30—35-й минуте. Ситуация ослабления или торможения внимания

возникает в любой аудитории, что хорошо известно каждому опытному лектору и пропагандисту. Слушательский интерес, заинтересованность именно в данном публичном выступлении обеспечиваются множеством компонентов, воплощающих содержание лекции, доклада или какого-либо другого жанра красноречия.

Вообще говоря, не так просто и легко в наше время всеобщего роста культуры и общественной сознательности быть «интересным» в глубоком смысле этого слова лектором, а тем более оратором. По данным одного опроса: «Какими качествами должен обладать лектор?» — выяснилось, что таких качеств, по представлениям опрошенных, 185! Вот результаты другого анкетирования. В анкетах, проведенных в Алма-Ате, Львовской и Смоленской областях, был такой вопрос: «Чем понравилась вам прослушанная лекция?» Каждый опрашиваемый мог дать по нескольку ответов. «Около 43% опрошенных отметили актуальность тематики; 39% — искренность, правдивость лектора, его умение не обходить «острые» вопросы, не скрывать трудностей; 32% — глубину анализа поднятых в лекциях вопросов; около 32% — деловитость, конкретность подхода к рассматриваемым вопросам; 31,5% — обоснованность, доказательность и убедительность лекций; около 31% — выразительность речи, остроумие лекторов; 19% — логическую стройность изложения материала» («Слово лектора», 1970, № 10, с. 59).

Эти данные свидетельствуют, во-первых, о том, насколько выросли общая сознательность и культурность массовой аудитории в нашей стране, понимание функций и качеств публичного слова, во-вторых, как повысились требования, предъявляемые аудиторией к лектору. Слушатели ждут от лектора или пропагандиста не только содержательного слова, но и настоящего красноречия, доставляющего удовольствие в том числе и эстетическому чувству, при этом выразительность или остроумие не может заменить научности и убедительности, а актуальность темы должна дополняться деловитостью и конкретностью публичного слова. Именно совокупность названных требований может дать положительный результат. Чтобы соответствовать указанным требованиям, необходимо хорошо знать специфику ораторского творчества, его психологию, ясно представлять, из каких элементов она состоит. Правомерно го-

ворить о «психологическом механизме», которым надо овладеть и уметь оперировать при наличии «состояния предельной психической активности» («Вопросы философии», 1975, № 1, с. 100).

2. ОСНОВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПСИХОЛОГИИ ОРАТОРСКОГО ТРУДА

Первая особенность психологии ораторского труда определяется двумя постоянными объектами. Это прежде всего действительность, явления которой приходится исследовать и истолковывать в публичном слове. К этой действительности надо отнести и ту науку, которую представляет лектор, пропагандист или преподаватель. Поэтому хорошие знания своей науки — первейшая обязанность человека, выступающего с публичным словом. Он не только должен хорошо ориентироваться в ее достижениях и актуальных проблемах, но и быть активным ее деятелем.

В ораторском искусстве не может быть «потребительского подхода» к науке. Не должно быть и созерцательного отношения к действительности. Такая психология противопоказана труду оратора, стоящего на позициях марксизма-ленинизма. Оратор не может не быть активным, деятельным в своем отношении к действительности. Сама сущность красноречия как способа утверждения тех или иных идей, как формы распространения знаний и сплочения людей на этой основе требует постоянной активности в работе. Оратор своим трудом проявляет общественную активность. Но она будет плодотворной лишь в том случае, если своевременна и определенна, если она возбуждает и формирует интерес слушателей публичной речи к определенной теме. А интерес — это мотив, который побуждает человека направлять свое внимание на тот или иной существенный объект и вызывать соответствующие побуждения.

Другой объект труда оратора — это его слушатели, составляющие определенную социально-психологическую микрообщность, о природе которой будет сказано ниже. Аудитория является объектом воздействия ораторского слова, его адресатом и непосредственной

целью реализации намерений, предусмотренных данным выступлением. Аудитория, представляющая собой определенную микросреду, в известной мере должна являться субъектом сотворчества, активной поддержкой усилий оратора. От того, как отнесется аудитория к речи, и будет зависеть ее успех или неудача. Эти функции микрообщности — среды (аудитории), функции объекта, цели и функции субъекта, сотворчества всегда действуют одновременно и неразрывно. Однако эффективность проявления их в значительной степени зависит от самого оратора, о чем также будет сказано в дальнейшем.

Вторая особенность ораторского труда, сказывающаяся на его психологии, — это его индивидуальная форма. В этом смысле труд оратора наиболее схож с актерским трудом.

Конечно, любой оратор пользуется различными источниками информации. Вузовский преподаватель, член кафедрального коллектива имеет возможность советоваться со своими товарищами, выслушивать замечания и пожелания о подготовленной лекции или ее плане. Партийный пропагандист также действует не в одиночестве. Агитатор постоянно испытывает поддержку своего агитколлектива. Научно-методические советы общества «Знание» в центре и на местах также являются своеобразными лабораториями ораторской мысли и опыта. Однако успех публичного индивидуального слова в любом его жанре зависит в конечном счете от его автора и исполнителя. Первостепенной особенностью психологии в красноречии является постоянное чувство индивидуальной ответственности оратора за свое творчество перед обществом.

Как уже отмечалось, ораторское искусство не может быть безадресным. Оно — целенаправленное творчество. Его цель — воздействие на людей, к которым оно обращено. Кроме того, опытный лектор или пропагандист обязательно учитывает возможность вовлечения своих слушателей в сотворчество. Следовательно, оратор, готовясь к публичному выступлению, должен как бы соотнести себя со своими слушателями и оценить со стороны свое выступление. В этом важном моменте ораторского творчества помогут интуиция и воображение, если они подкреплены накопленным опытом публичных выступлений.

Таким образом, оратор фактически, по крайней мере в своих чувствах и мыслях, никогда не остается наедине. В этом смысле можно говорить об известной внутренней противоречивости ораторского труда. С одной стороны, он сугубо индивидуален, субъективен, как бы «закрыт», а с другой — «открыт», так как адресуется к определенной общности и через нее реализуется, в какой-то мере объективируется и становится даже коллективным творчеством. Эта диалектика субъективного-объективного, индивидуального-коллективного, «закрытого-открытого» и есть тот психологический феномен, знание и умелое использование которого составляет один из важных элементов ораторского мастерства.

Третья особенность красноречия также проявляется в психологии ораторского труда, — это его ситуационность. Под нею мы подразумеваем то, что всякое новое публичное выступление происходит в конкретной обстановке, которая никогда не повторяется и все особенности которой лектор или докладчик, обозреватель или информатор заранее в точности предусмотреть не может.

Новая ситуация нередко возникает при повторном выступлении с уже читанной лекцией. Оратор критически проанализировал свое последнее выступление и понял, что некоторые его аспекты требуют более глубокого рассмотрения, более четкой характеристики. К тому же имеется новая информация, требующая оценки и объяснения, появились новые идеи или соображения, которые следует использовать.

Другой пример. Хорошо отработанную и уже прочитанную лекцию предстоит изложить в незнакомой аудитории. Выступление в новой аудитории таит в себе различные неожиданности, возникает коренная проблема психологии — проблема взаимного понимания — говорящего и слушателя.

Характеризуя ситуационность, возникающую при публичном выступлении, можно сказать, что в ней проявляется диалектика определенного и неопределенного в ораторском творчестве. Определенное — это знание специфики красноречия и его возможностей, субъективный опыт оратора, тема конкретного выступления, объем и характер ее разработки и освещения. Что же касается неопределенного, то под ним подразумевается именно та ситуационность, о которой только что было

сказано. Иначе эту мысль можно выразить так: в искусстве каждого конкретного публичного выступления неопределенное, выражаясь образно, всегда многолико. Лектору (оратору) не всегда известно, как его встретит новая аудитория, как будет воспринято его выступление. Трудно заранее определить, какие потребуются импровизации, новые «ходы» для успеха ораторской речи.

В этом своеобразии красноречия — сочетании определенного и неопределенного — обнаруживается еще одна особенность ораторского творчества, в которой также проявляется его внутренняя противоречивость. В самом деле, если определенность такого труда всегда придает уверенность, то неопределенность, напротив, является причиной сомнений или по крайней мере раздумий. Надо уметь не поддаваться им, сделать все, чтобы именно определенность стала превалирующей в ораторском труде. Есть только одно постоянно действующее средство и условие для пребывания оратора в состоянии определенности, а значит уверенности. Таким средством и условием является культура труда.

3. КУЛЬТУРА ОРАТОРСКОГО ТРУДА

Очевидно, нет надобности повторять общеизвестное: ораторское искусство требует от его творца постоянно обновляемых, обогащаемых знаний и высокой культуры. «Знать как можно больше» — такая формула не будет преувеличением. Знания лектора, пропагандиста и необходимая культура труда — не только их сугубо личное дело. Обращаясь с лекцией или обозрением, оратор должен заинтересовать аудиторию. А для слушателей важно, чтобы оратор был человеком хорошо эрудированным, обладал высокой культурой, был личностью, идущей «с веком наравне».

Обратимся к некоторым сторонам ораторского творчества, являющимся важным условием плодотворного труда.

Первым таким условием является регулярность и систематичность работы над подготовкой материала выступления. Дело в том, что в профессии, например, ву-

зовского преподавателя, а тем более общественника-пропагандиста, есть обстоятельство, способное незаметно настраивать их на самоуспокоенность. Такое состояние может наступить после успешного публичного выступления. Израсходовав значительную энергию, как бы освободившись от мыслей и чувств, переполнявших его, почувствовав душевную разрядку, человек успокаивается. До очередного выступления есть еще время, кажется, что можно выйти из рабочей формы. Между тем в ораторском труде жизненно необходима работа без «толчков» и «рывков», работа каждодневная и планомерная, упорная и целенаправленная. Необходимо постоянное чувство собственной профессии и неизменное сознание ответственности своей миссии.

Одна из особенностей ораторского творчества состоит в том, что оно не регламентировано никем, и его временные рамки довольно условны. Алексей Толстой отмечал, что писатель всегда в труде. А разве не в постоянной работе те, кто посвятил свою жизнь увлекательному искусству живого слова? Равномерность и систематичность в труде — важные условия любого творческого труда, который направляется волей и ясной целью. Волевое начало — это умение всякий раз настраиваться на работу, на сохранение темпа и ритма.

Нам представляется, что успех ораторского искусства в значительной мере обусловливается постоянной «заготовочной» работой. Пусть никого не смущает такое прозаическое слово. В данном случае мы подразумеваем материал, который накапливается, подготавливается и продумывается. Для этого следует иметь тематические папки, куда регулярно собираются газетные вырезки, журнальные статьи или выписки из них, новые цифры, цитаты, собственные заметки, записи, наброски всевозможных конспектов. Конечно, не все эти материалы пригодятся при подготовке к очередному выступлению, зато все или почти все необходимое по теме, над которой работает лектор или пропагандист, будет под рукой.

Под «заготовочной» работой можно подразумевать также составление тематической картотеки, систематически пополняемой и используемой в труде. Ведение такой картотеки, носящей справочный, библиографический, информационный или ориентировочный характер, в особенности для начинающих преподавателей, при-

учает к точности, скрупулезности, постоянству и систематичности, вырабатывает навыки сосредоточенной умственной работы, поддерживает в человеке дух неустанных поисков и находок.

Под «заготовочной» работой можно подразумевать и тематические тетради (высшим образцом которых являются «Философские тетради» В. И. Ленина), которые годами ведут иные преподаватели и лекторы. В таких тетрадях могут конспектироваться читаемые книги, журнальные и газетные статьи теоретического характера. Ведение таких записей в несравненно большей мере, чем картотека, содействует эффективности умственного труда и помогает вырабатывать культуру мышления, а значит, собственный «почерк» — литературный стиль, необходимый оратору. Регулярная литературная работа есть школа активной жизни и творчества, поэтому без нее трудно представить высокую культуру ораторского труда. На практике часто случается, что именно из лекции затем вырастает нужная статья, а из курса лекций — целая книга. А бывает и наоборот: какое-либо научное сообщение, сделанное на конференции, или даже полемическая речь, произнесенная на дискуссии, затем для их же автора становится поводом или основой для разработки и чтения публичной лекции. Вот почему нужно всемерно поощрять такую двуединую деятельность, культивировать и совершенствовать ее как жизненно необходимую систему непрерывного роста оратора.

Богатейший опыт красноречия свидетельствует, что оно всегда было, выражаясь образно, родной сестрой публицистики. Высшими образцами такой родственности двух видов умственно-духовного труда, как уже отмечалось, являются устно-пропагандистское мастерство и публицистика Маркса, Энгельса и Ленина. Сколько речей Владимира Ильича затем «трансформировалось» в статьи, брошюры, книги!

Постоянная обязанность оратора — быть широко осведомленным в явлениях современности. В данном случае имеются в виду не только научная ориентация и профессионализм в знаниях, осведомленность в узловых проблемах всенародного созидания и его успехах, но и в фактах международной жизни. Культура лектора и пропагандиста — это и эстетическая культура, развиваемый индивидуальный художественный вкус. В пе-

риод всеобщего роста культуры и массовой тяги к не какую бы область знания ни представлял оратор, он н может не владеть культурой слова. Плохая речь нед пустима хотя бы потому, что в любой аудитории инт рес к художественному творчеству, к сфере прекрасно и эстетического всегда повышенный. Кроме того, ка показывает современная практика красноречия, эстет чески культурному оратору, свободно оперирующем соответствующими категориями и примерами художес венной культуры, всегда легче добиться в своих пуб личных выступлениях впечатляющей силы.

Оратору необходима домашняя библиотека. В не обязательно должны быть: а) собрания сочинений клас сиков марксизма-ленинизма; б) книги по науке (спе циальности), различные справочники, словари, сборник народных поговорок и пословиц и др. Не преувеличивая можно утверждать, что постоянное чувство (именно чув ство!) книги, потребность в систематическом и серьез ном чтении — одни из тех признаков культурности без которых никак не представишь современного масте ра красноречия.

Культура труда, о которой говорится здесь, — эт всегда культура «на выход», на открытость или откро венность, ибо ораторские знания рано или поздно пере даются тем, к кому обращается публичное слово. Но сам такой предусматриваемый «выход» требует особого способа и навыков напряженной, постоянно одухотво ренной (с «полной отдачей») умственной работы. Та ковы тщательная, не спешная («на скорую руку») под готовка и затем должное исполнение новой лекции, вы ступления — не «очередного», а именно нового, в своем роде единственного.

Ораторский труд схематически можно представить в трех стадиях.

Первая стадия — время обдумывания темы, пробле матики и главной идеи, а также стиля изложения, струк туры и формы нового публичного выступления. Эта скрытая от посторонних глаз стадия — особенно необ ходимый, обязательный период труда «на выход», на видимую и общественно ценную результативность. И чем скрупулезнее, вернее и направленнее будет необхо димая мыслительная работа, чем глубже будет ее ана литическая и логическая структура, чем яснее выраже на ее основная идея, тем лучше. Успех подготовки к

публичному выступлению будет определяться главным образом тем, в какой мере готовящемуся «на выход» удалось опираться на уже отмечавшуюся, постоянно действующую диалектику красноречия. В частности, задача лектора и состоит в том, чтобы его публичное выступление стало таким творческим актом, в котором объективно данные и утверждаемые идеи воспринимались аудиторией как целостное явление, как познаваемая и осваиваемая действительность.

Всякая лекция всегда в той или иной мере есть отрицание чего-то, публичное слово, в котором переубеждение, убеждение и утверждение составляют единство. Вовсе не обязательно, чтобы лекция посвящалась прямой критике реакционных течений в современной философии: антикоммунизму или мальтузианству, экзистенциализму, так называемому «демократическому социализму», теориям конвергенции социализма и капитализма и т. д. Редко бывает, чтобы в лекции, а порой в научном докладе, не говоря уже о вступительной речи в большой дискуссии, что-то не пересматривалось, не оспаривалось, не критиковалось и не отвергалось. Но если не бывает нужды в таких операциях, лектор во всех случаях должен помнить, что в зале могут быть слушатели, пришедшие со своими сомнениями или ошибочными мнениями по предмету данной лекции. Следовательно, задача переубеждения постоянна в любой лекции. Но первейшая ее задача — утверждение, позитивное начало. Диалектика такого отрицания и утверждения и составляет важнейший творческий элемент лекции.

Стремление к наибольшей полноте содержания лекции естественно. Но оно ограничено временем, следовательно, правомерно и другое стремление автора — к самоограничению, к выражению максимума возможного в минимуме времени. Отсюда необходимость выделить главное в теме лекции: важно изложить тему так, чтобы аудитория почувствовала и поняла сознательное самоограничение оратора, его способность и готовность читать не одну лекцию на ту же тему, не повторяясь, а давая новые знания.

Наконец, в подготовке любого публичного выступления не может не учитываться необходимость единства рационального и эмоционального. Более подробный разговор об этом пойдет позднее (в главе о методе и стиле),

но необходимо отметить следующее. Оратор допускает психологическую и методологическую ошибку, рассчитывая только на понятливость и рассудительность своих будущих слушателей и игнорируя их эмоциональность, способность воображать, переживать и разделять чувства оратора. И наоборот, аналогичную ошибку совершит лектор, игнорируя понятийно-аналитическую, логическую линию в лекции, настраиваясь и нацеливаясь чуть ли не всецело на слушательские эмоции.

Вторая стадия — это конкретная разработка содержания публичного выступления и его формы. Такая работа многогранна, и о ней было рассказано в главе, посвященной предмету, информативности, содержательности и форме ораторского искусства. Добавим к сказанному, что такая работа есть не простое «оформление лекции», как нередко пишется в методических пособиях, а напряженное, предысполнительское творчество. Его суть в своих главных элементах воспроизводится в плане или конспекте, который затем оратор раскрывает перед аудиторией. Однако необходимо, чтобы лекция была вполне готова как мысленно и эмоционально, так и в соответствующих записях или заметках за два-три дня до ее чтения. Такое время необходимо для того, чтобы несколько «поостыть», как бы «отстраниться», отвлечься от предстоящего выступления.

Третью стадию можно назвать временем непосредственного ораторского творчества — исполнительством. Пусть это редко употребляемое в практике красноречия слово никого не смущает. Оно верно воспроизводит суть наиболее ответственного момента в искусстве публичного слова. Живая речь, произносимая с трибуны, речь целенаправленная, требующая определенных действий со стороны оратора, по своему существу и есть исполнительство.

4. ОРАТОРСКОЕ ИСКУССТВО КАК ОБЩЕНИЕ

Группа слушателей публичной речи (лекции, обозрения, научного сообщения и т. д.) составляет определенную социально-психологическую общность. Такова, например, студенческая аудитория. Кратковременная общность возникает на объявленной публичной лекции, обо-

зрении, сообщении. Любая аудитория представляет собой определенную общность в том смысле, что объединяет людей, разных по возрасту и жизненному опыту, знаниям и профессиональным интересам, разных во многих человеческих качествах. Даже такая малая общность, как аудитория, существующая лишь короткое время, всего на два-три часа, может образовать любую совокупность индивидуальностей. Такая общность возникает на основе единого, но добровольно проявляемого интереса к предмету объявленной темы лекции, научного сообщения, доклада и т. д.

В психологическом плане знание такой общности облегчает ораторский труд. Говорящий с трибуны, зная, что объединяет его слушателей, понимает общее в их помыслах и чувствах в данный момент. Такая ориентировка является важным психологическим фактором в общении посредством живого слова, которое должно установиться между говорящим и его слушателями.

Но общность, особенно кратковременная, не должна пониматься прямолинейно. Одна из психологических трудностей красноречия в том и состоит, что говорящий с трибуны обращается к целой аудитории, но на самом деле говорит каждому в зале, стараясь приобщить его к своим мыслям и чувствам. Обезличенность ораторского слова всегда обрекает его на неуспех. Такая речь обращена в «никуда». Вот почему точный учет состава слушателей и в особенности того, с какими настроениями и желаниями они сегодня собрались, — одно из непременных условий успеха ораторского мастерства, нужного воздействия на формирование необходимых индивидуальных и коллективных мыслей и чувств, ибо в этом и состоит та ближайшая цель, которой должен достичь оратор в данной аудитории. Она составляет предпосылку и основу общения (растущих контактов) между оратором и его аудиторией, без которого нельзя рассчитывать на результативность данного публичного выступления. Чем сильнее в социально-психологическом, информативно-познавательном плане такое общение, тем эффективнее окажется необходимое, притом нарастающее, взаимопонимание. И тогда общность действует и как определенный субъективный фактор ораторского искусства. В самом деле, то, как слушатели относятся к говорящему, как воспринимают его слово, — соглашаются с ним или нет, доверяют или не совсем верят ему,

не во всем согласны с ним, или хорошо понимают его, становясь постепенно его единомышленниками или, напротив, его оппонентами, — в значительной мере определяет успех или неудачу публичного выступления. Опытный оратор (пропагандист, лектор) всегда воспринимает свою аудиторию как коллективного соавтора его же слова и соответственно этому пониманию ведет себя на трибуне.

Как уже отмечалось в советской социально-психологической литературе [1], общение есть сложный процесс в социальной структуре и отношениях между людьми. Думается, что общение и в ораторском искусстве также отличается определенной сложностью, которую, однако, не всегда учитывают, особенно молодые пропагандисты. Без преувеличения можно сказать: ораторское творчество есть живое, то есть самое непосредственное, лицом к лицу, общение. Лектор может быть эрудитом, всегда добросовестно готовящимся к каждому своему очередному выступлению, и тем не менее не пользоваться необходимым успехом. Он может казаться малодоступным, официальным, «барственным», «книжным».

Каковы же способы, обеспечивающие необходимое общение в публичном выступлении, перерастающее во взаимопонимание между трибуной и аудиторией?

Ценные мысли мы находим в речах М. И. Калинина, во многих его советах, данных преподавателям, пропагандистам и агитаторам. Вот, например: «С массой можно говорить только тогда, когда говоришь открыто, прямо, подразумевая, что это одинаково с вами здравомыслящие люди, могущие так же умно решать вопрос, как сам докладчик и автор» [7, 33]. Или: «Вам многое могут простить, но зазнайства никогда не простят, а главное — умным считать не будут» [8, 169].

Нет сомнения, что в этих высказываниях М. И. Калинина, как и во многих других, посвященных специфике ораторского труда, обобщен опыт трибунов Коммунистической партии, ее многолетней и разнообразной идеологической, идейно-воспитательной и организатор-

---

[1] См.: Л. С. Выготский. Мышление и речь. В кн.: Избранные психологические исследования. М., 1956; С. Л. Рубинштейн. Принципы и пути развития психологии. М., 1959; А. Н. Леонтьев. Проблемы развития психики. М., 1965; Б. Д. Парыгин. Основы социально-психической теории. М., 1971.

ской деятельности. В приведенных словах хорошо выражена суть общения между оратором и аудиторией, хотя этого термина в них нет. В толковании М. И. Калинина общение — это глубокая взаимосвязь говорящего с его слушателями.

Живым воплощением идеального оратора был сам М. И. Калинин. Те, кто имел возможность видеть его на трибуне и слушать его речи, отмечают прежде всего его демократизм и благородную простоту, дружеский тон в обращении с собравшимися. Он был откровенен в суждениях и оценках, видел в каждом слушателе человека, способного понять самые сложные вопросы современности, относился к слушателям как к единомышленникам, с которыми вместе предстоит решать очередные задачи социалистического строительства, совместно преодолевать возникающие трудности.

Михаил Иванович не пользовался готовыми текстами (мы говорим о речах, на которых нам посчастливилось присутствовать), он излагал свои мысли, лишь изредка перебирая перед собой какие-то листочки или мельком заглядывая в записную книжечку. Живое общение располагало любую аудиторию к Калинину-оратору, обеспечивая очень доверительное, истинно душевное отношение, которое всегда является огромным, ничем не заменимым моральным стимулом в искусстве публичного слова. Конечно, в этой доверительности сказывались популярность всесоюзного старосты, высочайшее уважение и горячая любовь к нему. Но ведь это признание пришло не само собой и не предопределялось занимаемым им высоким положением в Советском государстве. Должность, даже ответственная, автоматически не создает популярности человеку, занимающему ее! Единство, которое обычно возникало между Калининым на трибуне и его аудиторией, являлось следствием его мастерского умения установить контакты, находиться в неослабевающем общении со слушателями.

Когда же начинаются интеллектуально-духовные контакты между оратором и его слушателями?

Лектор, обозреватель или докладчик входит в ораторскую роль, или в «должность» публично говорящего, еще до того, как он вошел в зал, начал представляться собравшимся. В каком же настроении он явился к людям? Весьма существенно для успеха, чтобы все

не относящееся к предмету его сегодняшнего выступления — мысли, заботы, чувства — он оставил за порогом аудитории. Необходимо психологически и морально переключиться на нужное настроение. Одинаково недопустимы озабоченность, а тем более — показная веселость, бодрячество. Деловитость, рабочее настроение и приветливость — вот то состояние, в котором оратор должен выйти на трибуну. Собранность и сосредоточенность оратора настраивают внимание сидящих в зале.

Большое значение имеет внешность оратора. В пяти-десятиминутном выступлении на собрании, в прениях вид оратора не всегда успевает приковать к себе взоры собравшихся. Но в лекции или докладе, продолжающихся час и более, внешность говорящего — на глазах у всех, поэтому ни одна деталь в ней не остается вне внимания. Не станем описывать желательный вид человека на трибуне. Но с уверенностью можно сказать: ничто, решительно ничто в нем не должно отвлекать внимание собравшихся от произносимого слова и вызывать излишнее любопытство, иронию, удивление и тем более укор.

Психологически существенны те минуты, когда лектор или докладчик, поднявшись на трибуну, окидывает аудиторию взором и пытается почувствовать настроение собравшихся, особенно если эта встреча первая. Каков психологический, всегда индивидуальный настрой аудитории? В этом настрое сказывается личная установка слушателей на данную лекцию, доклад или научное сообщение, которая предваряет и определяет отношение к взошедшему на трибуну и к его выступлению. В этой установке в известной мере отражается личность слушателя: его знания и опыт, воля и конкретная цель, имеющая немаловажное значение для восприятия и понимания ораторской речи теперь, в этот час, а не в другое время, когда возникнут новый настрой и новая установка. Вряд ли можно предположить, что к трибуне обратили свои взоры лишь жаждущие «знаний» или «новостей», «любопытных фактов» или «открытий». Взошедшего на трибуну или кафедру с любопытством будут мысленно проверять и хорошо знающие, осведомленные в теме объявленной лекции люди, сами не раз публично выступавшие по серьезным темам. Среди присутствующих в зале наверняка будут и такие,

которые захотели просто приобщиться к живому слову, а может быть, «послушать еще одного лектора», благо была на улице красочная афиша с интересным названием темы и перечислением ученой степени, звания и должности лектора.

В какой же степени собравшиеся известны человеку, взошедшему на трибуну, который вот-вот обратится к ним со своими мыслями и, по-видимому, некоторыми чувствами? Наконец, какие мысли будут занимать лектора (оратора) в эти мгновения?

Трудно сказать, но об одной опасности ни один, даже очень эрудированный, высокоталантливый и опытный лектор не может забыть. Никто из тех, кто сейчас обратится к собравшимся с обстоятельной монологической речью, не может тешить себя мыслью, что лишь он разбирается в предмете предстоящего разговора. Хорошо известно, что только в редчайших случаях сам оратор подбирает желательный состав аудитории. Но во всех или почти во всех случаях аудитория — тот объект, чье качество не зависит от лектора, докладчика или обозревателя. Должно пройти много времени, например, в вузовском обучении, чтобы личность оратора с ее знаниями, культурой, талантом и мастерством в какой-то мере сказалась в объекте краеноречия — слушательском составе, то есть чтобы объективное и субъективное в этом искусстве слились воедино, что, конечно, определенным образом влияет опять-таки на психологию ораторского труда. Такое слияние, несомненно, облегчает труд лектора, делает его привлекательным, радостным, ибо приумножаются силы, возрастает и крепнет уверенность лектора в себе.

Достижение этого желательного состояния требует отличной ориентировки уже с первых минут слова. Известно, что уже в начальных фразах выступления возникает психологический барьер между трибуной и аудиторией. Он появляется потому, что, приступая к публичной речи, человек волнуется, думая о том, как будет принято его слово, рассчитанное на час-полтора? Думает и о том, в какой мере он оправдает ожидание собравшихся. Психологический барьер возникает из-за выжидательной позиции аудитории, а может быть, и сомнений определенной ее части в том, в какой мере только что заговоривший с трибуны — именно тот человек, кого надо послушать по данной теме.

Может возникнуть также информативный барьер в том случае, если оратор подает информацию в малодоступной форме или явно перегружает ею речь. Может возникнуть и барьер терминологического или понятийного характера: оратор, пользуясь малоизвестными терминами и категориями, не считает нужным разъяснить их смысл или конкретное содержание. Наконец, может появиться барьер и чисто познавательного порядка: оратор говорит сложно, не заботясь о доступности своего выступления.

Если психологический барьер возникает объективно, то препятствия, отмеченные выше, — всецело в личной воле оратора, и его прямая обязанность не допустить их, как можно быстрее избавившись от собственных сомнений и заинтересовав аудиторию темой своего выступления, по возможности не прибегая к «шуточкам» и «прибауточкам», не применяя «игрового» или «простецкого» тона. Этими и подобными формами или, вернее сказать, дурным актерством не преодолеть никаких барьеров между трибуной и аудиторией! Желаемое и нарастающее в ходе речи общение между говорящим и слушателями достигается прежде всего деловитостью и серьезностью человека на трибуне, его уважительным отношением к собравшимся.

Начав речь спокойно и выразительно, опытный лектор знает, что он обязан соблюдать жесткие рамки регламента, что отпущенные минуты он должен использовать так, чтобы сказать слушателям все необходимое по данной теме. Заранее продуманная речь с ее паузами, логическими и психологическими акцентами, фактическим материалом должна уложиться в это время. И, разумеется, нужно хорошо рассчитать свои голосовые возможности, чтобы не засипеть, не охрипнуть, чтобы голос звучал удовлетворительно, без видимого утомления. Опытный оратор через 10—15 минут уловит настроение слушателей и сделает все, чтобы завоеванное внимание не ослабевало, не угасало, а держалось бы на должном уровне, чтобы аудитория была вовлечена в коллективные размышления, в сотворчество.

Немаловажной особенностью ораторского искусства является то, что труд и реализация его результатов — единый процесс. Конечно, вынашивание идеи, темы и конкретного содержания, повторим еще раз, — труд конкретный и определенный. Но даже подробный конспект

лекции еще не есть живое ораторское творчество точно так же, как и музыкальные ноты — не звучащая музыка. Публичное слово — не простое продолжение той невидимой напряженной работы, о которой уже говорилось, а сама суть ораторского творчества, действительное производство идей, знаний, духовных ценностей. Слушателям, собравшимся в зале, нет дела до того, как лектор или обозреватель готовился к выступлению. Им нужно звучащее слово — содержательное, интересное своей хотя бы частичной новизной и увлекательное по форме. Аудитория заинтересована в том, чтобы информативно насыщенная, хорошо аргументированная и ясная ораторская речь развертывалась непринужденно.

Существует ряд признаков возникновения морально-психологической атмосферы в аудитории. Такова тишина, можно сказать, заинтересованная тишина, которую опытный оратор почувствует сразу и настроится соответственно. Таковы растущее слушательское внимание и сосредоточенность все большего числа присутствующих, так же чувствуемые оратором, который с удовлетворением замечает, что многие не только хорошо слушают его речь, но и записывают. Наглядный показатель внимания к речи и ее переживания — это выражение глаз и лиц людей, их меняющаяся мимика. А что сказать об активной реакции на определенные места речи — о летящих к трибуне записках, то и дело прокатывающемся по залу гудении, или взорвавшемся дружном смехе, или же — бывает в середине речи и такое — о дружных аплодисментах!

Конечно, эти признаки — ярчайшее отражение живого общения говорящего и его слушателей. В нем первостепенна роль такой особенности красноречия, как сиюминутность, текучесть и непосредственность (на виду у всех, с глазу на глаз) творчества — живого воплощения мысли и чувства. Сиюминутность означает, что в развертывающейся речи оратор, чувствуя настроение аудитории, кое-что меняет в своем слове, сильнее акцентирует некоторые положения, существенность которых только теперь он осознал или почувствовал. Сиюминутность требует также импровизации в тех случаях, когда они могут полнее и ярче выразить ораторские мысли. Эта важная особенность красноречия требует не только широких знаний, опыта и мастерства, отличного владения языком, но и тонкого знания слушатель-

ской психологии, в частности механизма восприятия живого слова.

Главное — всегда быть естественным, самим собой, избегать искусственности, не допускать поучительного тона. Качества оратора нередко раскрываются наиболее наглядно именно в ответах, так как они всегда бывают импровизацией, сиюминутным творчеством в полном смысле этого слова. Ответы на вопросы аудитории требуют не только дополнительной вдумчивости и собранности, но, что особенно существенно, большого такта, особенно по отношению к вопросам, которые расцениваются как «каверзные». Бывают ведь и колкие реплики с мест от невидимого слушателя, могущие «вывести из себя» иного нервного или просто самолюбивого оратора. Как быть в таких случаях?

На одном собрании докладчику, выступавшему по весьма актуальным вопросам идеологии, были заданы вопросы, требовавшие особенно спокойных, хорошо аргументированных и подробных разъяснений. Но ответы оказались скороговорочными, поэтому последовали дополнительные, притом настоятельные вопросы и даже реплики. И тогда докладчик, фактически потеряв самоконтроль, сойдя с трибуны, раздраженно бросил: читайте мои книги — там все сказано. Аудитория, естественно, возроптала, тогда оратору пришлось вновь подняться на трибуну, извиниться и уже в спокойном тоне обстоятельно ответить.

Конечно, бывают такие вопросы, на которые лектор или докладчик не может ответить, дать исчерпывающие разъяснения. В таком случае нет ничего зазорного, когда он говорит: «Я не готов сейчас сказать что-нибудь определенное по этому вопросу, извините», или: «Я пока затрудняюсь ответить на ваш вопрос. Автора записки прошу дать мне свой адрес — постараюсь ответить ему письменно».

Каждый опытный оратор по-своему обеспечивает взаимопонимание со своими слушателями, и способов для достижения таких контактов, очевидно, столько же, сколько ораторов. Например, есть тип оратора, который заинтересовывает своих слушателей уже первыми вступительными словами к начинаемой лекции или докладу. Он очень точно формулирует тему выступления и с особой силой подчеркивает значение ее правильного толкования. Затем приглашает «вместе подумать» или

«сообща поразмышлять» над этой темой. Он не забывает подчеркнуть тесную связь темы доклада (лекции, сообщения) с актуальными проблемами современности. Вступление к большому разговору такой оратор делает негромким голосом, раздумчиво, вглядываясь прямо в аудиторию, как бы ища в ней единомышленников. Заинтересовав, а порой заинтриговав таким образом слушателей, оратор затем начинает раскрывать свою тему, исследовать ее по возможности глубже и обстоятельнее, не меняя раздумчивости тона, местами подкрепляемого очень скупым жестом, лишь иногда становящимся размашистым, как бы рассекающим воздух. На виду аудитории меняется выражение глаз оратора, лицо отражает внутреннее напряженное состояние. Оно то озаряется улыбкой, то суровеет, и тогда произносимая фраза как будто взлетает вверх. Слова: «товарищи», «друзья», «коллеги», произносимые искренне и с интервалами, как бы поддерживают контакт между говорящим и его слушателями. И так как оратор достаточно откровенен в своих рассуждениях, освещает не всем известные или понятные явления (факты, события), то и интерес аудитории к тому, что и как говорится с трибуны, не ослабевает, возникшее общение между трибуной и собравшимися в зале действует плодотворно.

Но в искусстве общения между трибуной и аудиторией с еще большей силой выступает единство психологии творчества и психологии его восприятия. Суть общения понимается как процесс, порождаемый красноречием и являющийся условием его плодотворности. В настоящем общении как целенаправленном процессе большое значение приобретает наглядность (визуальность) как эффективное средство успеха любой публичной речи.

5. НАГЛЯДНОСТЬ В КРАСНОРЕЧИИ

В декабре 1920 г. в Москве, в Большом театре собрался VIII Всероссийский съезд Советов, представленный делегатами (более двух тысяч) со всех губерний, областей и фронтов новой России. Высокому собранию предстояло принять небывалый в истории единый план коренного переустройства страны — великий

план социалистической электрификации. Об этом 22 декабря с чувством радости горячо говорил В. И. Ленин, инициатор и вдохновитель грандиозного начинания. В результате коллективного творчества крупных специалистов, увлеченных величием ленинского замысла, был выпущен толстый том, который Владимир Ильич, как потом писал Б. Галин, «называл второй Программой партии...». Об этом труде должен был докладывать съезду Г. М. Кржижановский, до того не многим известный инженер.

Он, как признавался сам много лет спустя, волновался. И это понятно. Кржижановский сознавал меру ответственности перед историческим свершением пролетарской революции. Он был обуреваем сомнениями и потому, что не совсем ясно представлял, как сумеет доступно изложить содержание сложнейшего технико-экономического, сугубо специального, если не сказать академического, труда. Но ободренный Владимиром Ильичем, Кржижановский на выступлении 23 декабря быстро овладел собой, преодолел неизбежный в таких случаях психологический барьер и уверенно говорил о проектируемой электрификации всей России. В деловом стиле, внешне сухо, следуя строго научной аргументации, сопровождаемой технико-экономическими выкладками, докладчик рассказал о плане ГОЭЛРО и о реальности электрификации экономически отсталой страны.

«С колосников свешивалась громадная карта России, усеянная разноцветными лампочками. Едва Кржижановский касался указкой кружочка на карте, как тотчас же вспыхивала одна из лампочек. Электрификационная карта поразила воображение, с нее не сводили глаз. Впервые после трех тяжких лет гражданской войны глазам делегатов предстала карта России — не та, с которой до сих пор имели дело, — фронтовая, расчерченная цветными карандашами, утыканная флажками, показывающими поле битвы, а совсем иная карта... Карта России «оживала», загораясь по команде докладчика световыми сигналами» (Б. Галин. Огни на карте. «Правда», 1966, 21 декабря).

Так великий план с обилием цифр и сложных технических расчетов стал наглядным, и две с половиной тысяч слушателей, из которых высшее образование имели лишь 261, а среднее — 681 человек, увидели, именно

увидели небывалый План. Он был не только визуален, но и красочен в своем богатырском размахе и созидательной мощи. Делегаты VIII съезда Советов фактически узрели яркий образ, образ ленинской мечты, ленинского смелого дерзания. И теперь, перечитывая воспоминания о ярком выступлении Г. М. Кржижановского, вскоре прозванного «ленинским инженером» и затем долгие годы возглавлявшего Госплан СССР, думаешь, какое огромное впечатление должно было оставить его выступление, какие чувства и мысли породить! Этот доклад, сопровождавшийся демонстрацией лампочками расцвечиваемой громадной карты России, оказал большое психологическое воздействие на делегатов, радуя их и рождая большие надежды.

Хочется назвать синтетическим зрелищем то, что предстало перед делегатами и гостями Всероссийского революционного форума. В этой зрелищности отражалась не только пропагандистская находчивость, истинно художественное воображение, в не меньшей степени сказался первостепенный принцип революционной пропаганды — принцип демократичности, нужная эффективность ораторского выступления, обеспеченная его содержательностью, революционным пафосом, а также наглядностью: на цветной географической карте в процессе рассказа вспыхивали синие, оранжево-красные огни лампочек, показывая места строительства будущих электростанций.

Перед нами один из ярчайших образцов наглядности и использования технических средств в большом выступлении на общегосударственном съезде. «Иллюстрировавшийся» доклад — начало той визуальности в нашей устной пропаганде и вузовском преподавании, которая в наши дни стала настоятельным требованием самой жизни.

Впрочем, чтобы быть исторически точным, следует сказать: чуть ли не с первых дней советского строя наглядность стала важным компонентом коммунистической агитации и пропаганды. Напомним, что самое молодое и вместе с тем оперативное синтетическое искусство — кинематография — уже в ту пору стало боевым оружием коммунистической пропаганды и агитации. Стоит напомнить, что «за 16 месяцев — с 1 апреля 1918 г. по июль 1919 г. — было показано 2005 кинокартин, сопровождавшихся лекциями, на которых при-

сутствовало 867 050 человек. Кроме того, для детей было проведено 783 киносеанса с лекциями. Посетило их 321 829 человек». Небезынтересно отметить, что лекции, сопровождаемые кинокартинами, читали А. В. Луначарский и другие известные деятели нашей страны [46].

«Лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать», — гласит старинное изречение, нередко цитируемое в лекциях и статьях методического характера. Все дело в том, однако, что и как не только видеть, но увидеть, чтобы не просто слышать, но и услышать. Народная мудрость свидетельствует о том, как сильно бывает зрительное восприятие и какое место оно должно занимать в нашей ораторской практике. Опытом массовой пропаганды доказано, что устные выступления, сопровождающиеся наглядными пособиями, всегда бывают не только более информативны, но и легче воспринимаются и понимаются. Цифровой материал, обычно затрудняющий устную, быстро текучую речь и тем не менее используемый в лекции, докладе, сообщении, лучше усваивается, когда воспроизведен в диаграммах или диапозитивах. Но, конечно, и здесь требуется чувство меры, следует руководствоваться принципом целесообразности, необходимости.

Наглядность увеличивает впечатляющую силу красноречия, усиливает его доходчивость и воздействие на слушателей. Наглядность — немаловажное средство необходимого внушения ораторской мысли слушателям и ее убедительности.

Визуальность в ораторской работе имеет определенную историю — особенно в вузовской практике. Трудно представить, например, профессора физики или химии, который говорил бы со своими студентами без демонстрации соответствующих случаю опытов. Ботаник обязательно покажет студентам образцы растений, обратится к различным схемам и таблицам. Географические, политические и всякие иные карты, а также диаграммы и фоторепродукция давно используются в вузовском преподавании. Мы уже не говорим о таких простейших средствах для создания наглядности, как мел и доска.

Преподаватели эстетики постоянно применяют в своих лекциях демонстрации репродукций и диапозитивов произведений искусства. Музыковед-преподава-

тель нередко сам садится за рояль, чтобы исполнением какого-либо опуса сделать свое слово и убедительным и прочувствованным. В архитектурном институте лекции по истории и теории зодчества сопровождаются показом фотографий памятников архитектуры, чертежей проектов и макетов будущих архитектурных сооружений. Необходимо, чтобы такие испытанные средства совершенствовались и дальше, все смелее применялись не только в вузовской практике, но и в массовой пропаганде.

В последнее время в преподавательскую и пропагандистскую практику кроме широко применяемого диапозитива, плаката, фоторепродукции, красочной диаграммы, а также всевозможных карт властно вторглась современная техника, особенно кино, радио, телевидение, диапроектор и магнитофон. Техника становится неотъемлемым элементом не только вузовского преподавания, но и устной пропаганды. Лектор уже не может полагаться только на слово, пусть даже очень выразительное и емкое по смыслу. Говорящий с трибуны стремится к синтезу смыслового и зрительного восприятия слушателями произносимой речи. Он заинтересован в том, чтобы слуховое восприятие речи, сочетаясь со зрительным, порождало живые ассоциации, усиливающие эмоциональный строй ораторского слова и делало его более впечатляющим.

Кинофильмы все чаще становятся компонентами вузовской лекции. Интересный опыт накопила кафедра философии Всесоюзного института кинематографии. В лекциях, посвященных категориям материалистической диалектики, кафедра использовала выпущенную в 1964 г. Ленинградской студией научно-популярных фильмов картину «Читая книгу природы», в которой показывается взаимосвязь различных явлений природы. Созданная Московской студией научно-популярных фильмов картина «Секреты живой природы» используется в лекции о материи и сознании. Учебный фильм «Сознание, его происхождение и сущность» («Научфильм», 1972) встречен вузовской общественностью с интересом. Фильм свидетельствует о возможности использовать средства кино для раскрытия многих тем философии и доказывает несостоятельность того скептицизма, который проявляют иные философы, выступая против наглядности в лекциях.

В Институте повышения квалификации преподавателей общественных наук при Московском университете преподаватели Н. Я. Парсаданов и Е. М. Вейцман (ВГИК), делясь опытом, справедливо говорили, что в вузовском преподавании не следует ограничиваться специальными кинофильмами. Конечно, прежде всего научно-популярные фильмы и очерковые кинокартины должны помогать преподавателю высшей школы и пропагандисту. Именно такие кинофильмы, подобранные к теме лекции или собеседования, семинару или научной конференции, могут усилить ораторское слово, сделать его «видимым» и, конечно, эмоционально более содержательным. Но названные товарищи из Института кинематографии с полным основанием отмечали, что не следует ограничиваться научно-популярными фильмами. Полнометражные и художественные кинокартины также могут и должны использоваться. В одних случаях они могут демонстрироваться без лекции или беседы, предваряемые коротким словом, а в других — в ходе живого слова отрывками.

Ценный опыт накопила кафедра марксизма-ленинизма одного из советских мореходных училищ. Ее руководитель, В. Ситников, в том же Институте повышения квалификации рассказывал об этом. Граммофонные пластинки, магнитофон, диафильмы, фоторепродукции, кинофильмы — вот те средства, которые взяты в этом училище на вооружение преподавателями обществоведения. Училище располагает двумя кинофицированными аудиториями. Поэтому для лектора не составляет трудности по ходу изложения темы показывать нужные кинокадры или диафильмы.

Но такая лекция, как рассказывал В. Ситников, требует специального конспекта-сценария, в котором заранее намечены все перерывы в речи и включения техники, обозначены нужные кинокадры или иные иллюстрации. При чтении лекции «Материя и сознание» в училище были показаны фрагменты из таких фильмов, как «Далекие миры — галактика», «Мир звезд», «Из чего состоит мир». На лекциях по истории философии демонстрировались изображения Гераклита, Демокрита, Платона, Вольтера, Дидро, Гегеля. Это вносило в речь лектора определенные элементы наглядности. В лекциях по марксистско-ленинской эстетике в этом училище использовались кинофильмы, фильмы-оперы.

В Петрозаводском государственном университете кинофильмы использовались в преподавании курса научного атеизма. В специально оборудованной аудитории в течение часа лектор излагал тему очередного выступления, а во второй час демонстрировал подобранную к теме короткометражную картину. В одних случаях она иллюстрировала лекцию или некоторые ее положения, а в других — дополняла ее. Так, были показаны кинофильмы: «Правда о святых», «Не бог, а человек», «Под сенью креста», «Украденное детство», «Прозрение», «От тьмы к свету» и другие. Не все эти картины были удачными, некоторые оказались примитивными, не отвечавшими требованиям современного зрителя. В Петрозаводском же университете удачно использовался эпидиаскоп, особенно в лекциях по эстетике. «Ведь нередко, усердствуя в критике модернизма, — говорила М. А. Славина, — мы лишь разжигаем у студентов любопытство. Когда же мы тут же на лекции показываем, например, «шедевры» абстрактной живописи, критика наша становится доказательной. Здесь принцип «Лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать» работает хорошо».

Положительный опыт сочетания технических средств и живого слова накоплен также в Алма-Атинской ВПШ и в Политехническом институте Казахстана, в Киевском инженерно-строительном институте и в других вузах. Интересные соображения высказал доцент А. Г. Шевелев (Киевский инженерно-строительный институт). Делясь опытом, он говорил, что одни кинофильмы могут только иллюстрировать читаемую лекцию, другие — усилить аргументы преподавателя, третьи — подтвердить верность наиболее важных положений, развиваемых в лекции, четвертые — закрепить в слушательской памяти некоторые интересные сведения и т. д. Все дело в том, чтобы в распоряжении вузовского преподавателя были интересные фильмы. А их не так уж много.

А. Г. Шевелев, между прочим, обращал внимание на то, что пятиминутные перерывы в лекции — для показа кинофильма — это и небольшой отдых студентам, и своеобразная разрядка для того, чтобы затем вновь «подогреть» интерес слушателей к тому, что будет говорить лектор, возобновляя прерванное слово. Он рассказывал также, что в их институте были проверены занятия двух групп студентов. В одной из них лекции не

сопровождались демонстрацией кинокартин или какими-либо другими вспомогательными средствами, а в другой не обходились без них. Проверка показала, что во второй группе эффективность преподавания, например, истории КПСС выше, чем в первой группе. М. А. Славина также подтверждала, что студенты смотрят кинофильмы, демонстрируемые в ходе изложения очередной темы курса.

Итак, «язык» современной техники усиливает выразительность ораторского слова, повышает эмоционально-психологическое воздействие на слушателей. Ораторская речь в ряде случаев становится синтетической. Звучащее слово, кинокадры, музыка, карты, диаграммы, фоторепродукции и диафильмы воспринимаются аудиторией, если, разумеется, все в данной лекции продумано и исполнено как единое целое, в совершенной форме, отвечающей глубине и содержательности лекции. В таких случаях красноречие приобретает новое качество, в котором ораторское искусство выступает в форме выразительно-изобразительного творчества. И тогда значительно усиливается психологическое воздействие публичной речи, активизируя живое общение между говорящим и его слушателями.

Глава шестая

Метод и стиль в ораторском искусстве

1. МЕТОД

Обладает ли ораторское искусство собственным методом? Правомерно ли говорить об особом методе в красноречии? Прежде чем ответить на эти вопросы, очевидно, целесообразно напомнить о том, как толкует марксистско-ленинская философия понятие метода.

Метод — определенный тип научно-познавательного и художественного отношения к действительности, совокупность основных принципов, правил и норм, на основе которых реализуется это отношение к миру. Само это отношение, как установил еще К. Маркс, определяется объективно: каков предмет — таков и метод его познания. Однако познание — акт, точнее процесс, субъективный по существу. Метод исторически сформировался и осознается как единство теории и практики.

П. В. Копнин писал: «Познанные закономерности составляют объективную сторону метода, а возникшие на их основе правила, приемы исследования и преобразования явлений — субъективная сторона метода. Сами по себе объективные закономерности не составляют метода, необходимо выработать на их основе прие-

мы для дальнейшего познания и преобразования действительности. Метод непосредственно фиксирует не то, что есть в объективном мире, а то, как человек должен поступать в процессе познания и практического действия» [39, 302 и 305].

Такое понимание метода целиком распространяется и на ораторское искусство, которое, как уже ранее говорилось, является орудием общественной мысли и обращается ко всем сферам познания, ко всем областям теории и практики. Но, как ни странно, существует мнение, что поскольку ораторское искусство имеет прикладное значение и обслуживает все формы общественного сознания, постольку вряд ли правомерно говорить о каком-то особом методе красноречия.

Спору нет, ораторское искусство — социальная практика, обслуживающая все сферы духовной жизни общества. Любая тематика (проблематика) красноречия возникает, осознается, разрабатывается и доводится до общественного сознания в пределах (и на основе) той или иной науки или же содружества наук, а также в порядке осмысления практической деятельности людей.

Несомненно, что лекция или беседа на общественную тему обязательно будет развертываться на основе исторического материализма, следовательно, будет пользоваться его методом, его категориями и понятиями. Лектор-биолог будет опираться на диалектический метод, одновременно пользуясь методикой самой биологии и оперируя ее научным аппаратом. Адвокатская речь будет руководствоваться основными положениями юриспруденции, равно как и соответствующими законами.

Диалектико-материалистический метод, помогающий познавать общие закономерности истории и открывать истины, лежит в основе ораторского искусства в целом, как и каждого его рода и вида. Для красноречия также обязательны диалектический подход и историзм в освещении любого явления, единство теории и практики, понимание познания как определенного процесса, единство объективного и субъективного, точное применение категорий и т. д. Любой оратор, выступающий в области определенной науки, пользуется ее методом и приемами. Таковы, например, как уже отмечалось, выборочность (отбор) фактического материала, его типологизация и систематизация, анализ и обобщение, характе-

ристика и оценка, разумеется, в свете определенной идеологии и в связи с конкретными задачами.

В советской философской литературе стало общепризнанным, что предмет и метод его исследования неразрывны. Разумеется, в пределах общей методологии философский подход к явлениям позволяет заранее, еще до изучения данного конкретного предмета определить способ его исследования. Правомерно общефилософское или частнотеоретическое решение интересующего вопроса.

Марксизм-ленинизм отвергает позитивистское положение о том, что философия не играет самостоятельной роли в познании, что действительное познание достигается лишь конкретными (специальными) науками. Не признавая самостоятельного значения философии, современный позитивизм тем самым стремится «освободить» процесс познания от его идеологических аспектов.

Исторически выработка того или иного метода, как правило, предваряла само исследование и познание определенных явлений действительности, разумеется, уточняясь и совершенствуясь в самом таком исследовании. Но выработка способа познания предмета становится плодотворной лишь при условии, когда этот способ становится средством выявления внутренней сущности предмета, раскрытия и познания его законов.

Так обстоит дело и в ораторском искусстве. Вся совокупность принципов и приемов логического мышления и его словесного выражения действительна в красноречии. Следовательно, способ суждений, доказательств, умозаключений и т. д. в любом публичном выступлении определяется категориями той области знания, к которой обращена ораторская речь. В этой связи мы вполне солидарны с членом-корреспондентом АН СССР А. Г. Спиркиным в том, что «научное мировоззрение пропагандируется только научными методами» [62, 32]. Но только ли научное мировоззрение? Ясно, что ораторское искусство, основывающееся на марксистско-ленинском мировоззрении, освещает ли положительное или отрицательное в социальной практике, пропагандирует ли знания, обращается ли к широкой сфере культуры или же утверждает определенные идеи, действует как орудие точного знания, следовательно, в своей основе имеет научный метод.

Говоря о методе, А. Г. Спиркин выделяет такие элементы научности, как системность даваемых оратором знаний, раскрытие и объяснение сути освещаемых явлений, доказательность суждений, в которых логика действует во всеоружии. Об этих моментах в красноречии мы уже говорили в четвертой главе данной работы, а теперь лишь повторяем их, чтобы яснее стало толкование метода в публичном слове. Но вместе с тем к сказанному хочется добавить, что к понятию метода ораторского творчества вполне применимы такие категории, как реализм и правдивость. В самом деле, если мы признаем, что красноречие, будучи могучим орудием познания и пропаганды научных знаний, вместе с тем есть определенное искусство, отражающее действительность, то, видимо, должны прийти к мысли, что оно должно быть реалистическим.

Это особенно важно подчеркнуть хотя бы потому, что поэт и драматург, живописец и композитор, как и любой художник, могут не только прибегать к сказочным мотивам и сюжетам, но и творить в форме сказки, аллегории, символа, тогда как ни один лектор или пропагандист, обозреватель и тем более докладчик этого позволить себе не могут. Всецело находясь на почве реальности, оратор и в формах своего труда действует, пользуясь терминологией эстетики, «формами самой жизни».

Итак, нет принципиального различия между методом науки и ораторского искусства. Все то, что можно отнести к элементам и признакам метода, а именно: совокупность исторически обусловленных принципов отбора, систематизации, обобщения, характеристики и оценки жизненных явлений, фактически вырабатывалось научным и художественным познанием и освоением мира. Их достижениями и пользуется ораторское искусство. Но оно обладает своим методом, опирающимся на марксистско-ленинскую диалектическую методологию. Специфика ораторского метода определяется тем, что красноречие есть живое общение. Оно выражается во взаимодействии между оратором и аудиторией. И чем явственнее и сильнее синхронность выражения-переживания на трибуне и восприятия-переживания в аудитории, тем выше и полнее та эффективность, к которой стремится любой лектор, докладчик.

В таком методе есть способы и средства, идущие от

науки, научного познания, есть и элементы, схожие с приемами публицистики. Но есть еще и нечто, что сближает ораторский метод с методом актерского творчества, о чем уже говорилось. Не повторяя сказанного, добавим только, что как актерское исполнение, так и ораторское искусство, будучи живым общением, заразительно по своей природе, стремится сделать аудиторию сопричастной действию актера или речи оратора. Иначе говоря, то волнение, которое порождается в публичной речи благодаря творческим отношениям к ее теме, идеям и исполнению, не может не передаваться слушателям. Совершается некая трансформация индивидуального волнения в коллективное, которое по закону «обратной связи» передается говорящему, становясь важным компонентом необходимого общения. Ясно, что в ораторском искусстве этот момент занимает немаловажное место, и необходимость означенной трансформации должна учитываться в подготовке и исполнении очередного устно-публичного выступления.

Короче говоря, метод красноречия — явление сложное. В этой связи нужно говорить о методике красноречия, действующей на базе и в пределах самого метода. Методика, посредством которой претворяется в жизнь сам метод ораторского искусства, нами понимается как совокупность определенных приемов познания и достижения истины. В этой связи можно сказать об общей методике красноречия, отражающей особенности пропаганды и вообще распространения знаний посредством публичной речи, и о методике частной, обусловливаемой спецификой каждого вида и жанра ораторского искусства.

Очевидна взаимосвязь методики и педагогики особенно в системе вузовского преподавания — основного вида академического красноречия. Не останавливаясь на детализации нашей мысли о методиках, освещенных и разработанных во многих специальных работах [1], считаем необходимым остановиться на том, что выработано ораторской практикой. Мы имеем в виду ораторский стиль в его широком понимании.

---

[1] Для примера можно назвать следующие работы: Вопросы, методики преподавания марксистско-ленинской философии в вузах. М., 1963; Вопросы методики преподавания марксистско-ленинской философии в вузах. М., 1967; Основы методики преподавания общественных наук в высшей школе. М., 1975.

2. ОРАТОРСКИЙ СТИЛЬ

Стиль — понятие широкое, применительно же к ораторскому искусству можно сказать: в нем проявляется прежде всего индивидуальное своеобразие оратора, например индивидуальность его мышления и культуры речи, манера изложения мысли и поведения на трибуне, способы его общения с аудиторией. Стиль организует ораторскую речь в единстве ее содержания и формы, придает публичному выступлению силу и неповторимость. Он демонстрирует как остроту, глубину и направленность мысли, так и богатство, выразительность, гибкость и блеск красноречия. Стиль — орудие, которым оратор достигает большой впечатляющей силы.

Однако нет единого ораторского стиля. В пределах одного метода действуют разные стили. Стилевое многообразие красноречия определяется объективными факторами, а именно наличием родов и видов ораторского искусства. Правомерно говорить, например, о стиле академического (научного) доклада и лекции в студенческой аудитории, о стиле митинговой речи и выступлении адвоката на судебном процессе, о стиле юбилейной и поминальной речей и т. д. По мере развития того или иного вида красноречия вырабатывался и совершенствовался также тот или иной его стиль.

Стилевое многообразие красноречия определяется и субъективными факторами. В пределах одного и того же вида ораторского искусства легко устанавливается разнообразие стилей. Лекцию на одну и ту же тему два профессора будут читать по-разному; десять агитаторов, разъясняющих одно и то же газетное сообщение, также будут говорить неодинаково. Ораторский стиль — явление сугубо индивидуальное. Именно благодаря индивидуальности творческий стиль становится средством, обеспечивающим его привлекательность и успех.

В стиле с особой очевидностью сказывается оригинальность оратора. Однако, каким бы индивидуальным многообразием ни отличался стиль, его можно классифицировать (группировать) по определенным видам. Так в древности поступал Цицерон, а позже — Ломоносов, отличая высокий и низкий «штиль» красноречия. В наше время тоже принята классификация разных ора-

торских стилей. «Один лектор увлекает темпераментом, эмоциональностью. Другой, наоборот, строгостью, логичностью. И это неизбежно. Преподавание — творческий процесс. Манеры преподавания стричь под одну гребенку столь же вредно, как в искусстве стричь под одну гребенку манеры художника» [57].

Под «манерой» акад. Семенов подразумевает не что иное, как стиль, характеризуемый им в органической связи с творчеством, при этом он проводит параллель между преподавательским трудом и художественным творчеством. Стиль — это творчество, индивидуальное созидание. Он возникает, формируется и становится действенным именно в направленном труде, в творческом процессе на основе определенного метода.

Имея в виду опыт советского ораторского искусства, можно выделить три более или менее определившихся стиля красноречия.

Первый — строго рациональный, внешне спокойный. Сила и пафос его — в предельной аргументированности и доказательности основных положений, развиваемых в относительно ровной по темпу речи, активизирующей мысль самих слушателей. Иллюстративный материал в таком выступлении нередко сведен к минимуму, лишен особенной описательности. В такой речи превалируют анализ, строгость и последовательность суждений. Мысль предельно очищена от субъективности, ораторское личностное отношение к предмету выступления как бы скрыто от «постороннего» глаза. Приверженцы такого стиля, как правило, обращаются к рассудительности аудитории, к ее понятливости и способности.

Второй вид ораторского стиля можно классифицировать как эмоционально насыщенный, темпераментный, порой романтически окрашенный. В нем ораторская субъективность выявляется во всем, что можно отнести к компонентам красноречия. Понятийно-познавательную линию своего выступления он усиливает всеми средствами чувственно-эмоционального воздействия на слушателей. В такой речи всегда есть элементы изобразительности и даже занимательности, она возбуждает воображение аудитории, вызывает нужные ассоциации и даже лирические переживания. Яркая выразительность, метафоричность, доступность, темпераментность, выразительная мимика — характерные черты такого стиля.

Третий стиль мы назвали бы средним или синтетическим. В нем естественно сливаются характерные свойства, черты и признаки двух охарактеризованных стилей. Мастер красноречия одинаково силен как в анализе и строгой логичности, так и в живописании, в яркой выразительности и образности слова. В такой речи чувство соразмерности двух стилей, их гармонии, сочетание теоретического и художественного мышления особенно необходимы. В таком синтезе двух стилей, замечательные образцы которого давал В. И. Ленин, с особой очевидностью сказывается ораторский талант.

Конечно, грани между тремя стилями относительны, временами довольно трудноразличимы в своем публично-речевом воплощении. Очевидно, что первый стиль наиболее характерен или типичен для академического красноречия, а второй — для большинства видов социально-политического ораторского искусства.

Стиль, будучи своеобразным воплощением творческой натуры оратора, определяется прежде всего объективными факторами. Таковы, например, тема и характер публичного выступления, конкретная ситуация при его исполнении, состав аудитории: ее качество и те настроения, с которыми вошли слушатели в зал. Но при всем том именно ораторская субъективность формирует, а в конечном счете и делает действенным тот или иной стиль.

Прав Я. Сегель, когда, характеризуя творческую личность видного советского режиссера С. А. Герасимова, подчеркивает его партийную субъективность. «Что мне симпатично в творчестве Сергея Аполлинариевича?» — спрашивает заслуженный деятель искусств. И отвечает: «Субъективность, партийная субъективность. Это плохой оратор говорит: «Постараюсь быть объективным». Он забывает, что это невозможно. А в настоящем искусстве тем более. Только пропущенное через собственную индивидуальность, обогащенное ею, глубоко субъективное интересно нам, интересно зрителям» [59].

Ораторский стиль формируется и проявляется в совокупности тех словесных, психологических и внешних средств, которыми пользуется оратор, чтобы развиваемые им в речи мысли доходили до сознания и чувств слушателей. Стиль включает в себя все элементы формы публичной речи. И так как основным «строительным материалом» ораторского искусства является язык, про-

износимое слово, то очевидно, что стиль оратора — это и мастерское владение словом, умелое построение выразительной фразы. Стиль есть творчество, свежесть и живость речи, не засоренной штампами. Стиль — своеобразие авторской индивидуальности, выражение его талантливости. Ораторский стиль — это язык чувств, манера говорить, чуткость к сиюминутным настроениям аудитории и умение, при необходимости, перестроиться, пользуясь импровизациями. Стиль — это вместе с тем внутренняя ритмика красноречия, его темп — быстрый или замедленный, раздумчивый, сдержанно-страстный, темпераментный или, наоборот, бесстрастный. При этом нельзя забывать, что сдержанная и медленно текущая речь не всегда хороша, а темпераментная, внутренне динамичная и целеустремленная, напротив, чаще всего привлекательна и заразительна.

Известно изречение: «Стиль — это сам человек». В самом деле, трудно писать о стиле в красноречии, не касаясь личности оратора. Маркс и Энгельс, судя о качестве публичной речи, часто касались особенностей самой личности говорящего. В этой связи примечательна характеристика, данная Энгельсом ораторскому стилю Филиппа Маргенейке. Приведем отрывок:

«Плотная, крепкая фигура, серьезный решительный лик мыслителя, высокое чело, обрамленное волосами, поседевшими в тяжелой мыслительной работе; в манере изложения — благородная сдержанность, ни следа ученого педанта, уткнувшего нос в тетрадку, по которой читает, ни следа искусственно-театральной жестикуляции; юношески прямая осанка, взор, внимательно устремленный на аудиторию; само изложение спокойное, полное достоинства, медленное, но неизъяснимо плавное, безыскусственное, но неисчерпаемое, в глубоких мыслях, которые спешат одна за другой и все усиливаются. По убедительности Маргенейке импонирует на кафедре своей уверенностью, непоколебимой твердостью и достоинством, но в то же время и свободомыслием, которое светится из всего его существа» [4, 230].

Лаконичная, художественно яркая и точная характеристика одного из известных ораторов XIX в. Мы привели ее, чтобы подкрепить мысль о том, что стиль в красноречии и личность оратора должны быть гармоничными. Истинную гармонию всегда воплощал Калинин-пропагандист. М. И. Калинин — тип оратора, для кото-

рого не темпераментность, а спокойный, убедительный тон был характерен и постоянен в любом выступлении.

Темпераментным и страстным оратором был Серго Орджоникидзе. Те, кому довелось слушать его речи, хорошо помнят этого человека, прирожденного оратора. Орджоникидзе говорил горячо, пламенно, будто рвался в жаркий бой. Он всегда говорил как бы на одном дыхании, взволнованно и вдохновенно. Его выразительная мимика, темные горящие глаза, размашистые жесты, его пружинившая, удивительно динамичная фигура естественно гармонировали со страстностью речи, являя нечто цельное, подлинно артистическое. Вот почему эмоционально яркое, исполненное больших идей и чувств слово Орджоникидзе производило сильное впечатление на его слушателей. Внимая его словам, нельзя было оставаться равнодушным к тому, что он говорит. Страстный и откровенный в своих выступлениях, Орджоникидзе заражал своим настроением массу людей, увлекал и вдохновлял их на большие дела, на подвиг. Образ пламенного оратора запечатлевался в душах слушателей надолго как образ воплощенной человеческой красоты.

Что «стиль — это сама личность» — наглядно продемонстрировали в Коммунистической аудитории Московского университета выступления двух докторов наук. Свыше двухсот представителей общественных наук (слушатели Института повышения квалификации преподавателей) проявили большой интерес к работе Международного психологического конгресса в Москве, о которой и рассказывали ученые. Первый из них, поднявшись на трибуну, начал речь энергично, живо, мы сказали бы, даже весело, так, словно он хорошо знал каждого из сидевших в зале и рад был долгожданной встрече. Коротко очертив круг вопросов, с которыми он желал познакомить своих слушателей, доктор наук добавил: «Можете задавать вопросы, постараюсь ответить, а теперь...». И начал быстро развертываться живой рассказ о конгрессе: об истории его созыва, о его участниках и большой программе, об основных докладах и симпозиумах, о роли советских ученых на этом большом форуме, о дискуссиях и различных концепциях в области психологии и о ее актуальной проблематике.

Ученый говорил, не пользуясь записями, хотя вышел на трибуну с листами бумаги. Он вскоре обратился к классной доске и стал чертить схемы, объясняя их,

сопровождая собственные пояснения шутками и ироническими замечаниями, весьма уместными. Он поднимался на трибуну, временами выходил на авансцену, то и дело спрашивая: «Меня хорошо слышно?», «Я понятно говорю?», «Что для вас не ясно, спрашивайте — отвечу, время у нас будет». И снова чертил на доске, затем вновь — на трибуну, не сбавляя взятого в самом начале темпа речи, живой, содержательной и удивительно увлекательной.

Перед слушателями развертывался рассказ о психологическом конгрессе. Добавим, что такое повествование не было лишено определенной сюжетности и живых образов. Но живое ораторское слово вместе с тем было докладом о научном конгрессе, а в отдельных частях — и лекцией на серьезную и сложную тему современной науки. Яркость речи, воспроизводящей любопытные наблюдения активного участника международного конгресса, отражала впечатлительность ученого, его художественную натуру. В самом деле, только в синтезе строгой научности и художественности воспроизведения существенных фактов можно было дать ясное и запоминающееся представление о пути, пройденном психофизиологией. Эта речь была строго теоретической и научной по своему существу, и ее философская культура отнюдь не умалялась тем, что оратор пользовался также художественными образами или категориями. В этом выступлении философия и естествознание слились в органическом единстве и без каких-либо видимых усилий со стороны оратора. Да, перед большой и квалифицированной аудиторией выступал именно оратор — не просто высококвалифицированный и опытный докладчик, первоклассный ученый, пропагандист-мастер, а именно оратор, поэт истинного красноречия.

Надо ли удивляться, что его выступление, продолжавшееся час двадцать минут, было принято с огромным вниманием, с возраставшим интересом, вызывало живую реакцию всего зала. Время совместного напряженного труда прошло быстро, зал загрохотал аплодисментами. Затем ученый, сразу ставший всем хорошо знакомым, так же живо и остроумно отвечал на многочисленные записки, поддерживая в аудитории ту высокую заинтересованность в освещаемых им вопросах, которая была возбуждена и сформирована оратором, и вновь заслужил одобрительные аплодисменты.

После перерыва на трибуну взошел второй докладчик — участник того же конгресса. Как вполне определилось через несколько минут, перед нами выступал уже не оратор и не живой собеседник или интересный обозреватель, а именно докладчик. Он перечислил некоторые вопросы конгресса, коротко пояснил их значение, как будто тщательно стараясь не выражать каких-либо чувств, не показать собственного, субъективного отношения к тому, что происходило в спорах и дискуссиях на большом форуме. С самого начала приняв одну позу, облокотясь на трибуну, он не менял положения, не повышал и не понижал голоса, не ускорял и не замедлял темпа выступления: говорил медленно, бесстрастно, минута за минутой погашая в аудитории тот огонь, который был зажжен предыдущим оратором, — огонь активной мысли, освещавший некоторые «закоулки», научных поисков. Образ международного форума, воплощенный живым рассказом и глубоким анализом первого оратора, начал заметно тускнеть. Сотни людей, перед тем живо реагировавшие на течение ораторской мысли, разделявшие чувства и переживания человека на трибуне, заскучали.

Слушая двух людей, выступавших на одну и ту же тему в течение примерно трех часов, сотни слушателей могли убедиться в том, какую большую роль играет личность оратора и каким важным элементом в ораторском стиле является эмоциональность.

3. ЭМОЦИОНАЛЬНОЕ И ЧУВСТВЕННОЕ В КРАСНОРЕЧИИ

Думается, что эти свойства — в специфике ораторского искусства как сиюминутного творчества, живого и разнообразного общения оратора и слушателей. Спору нет, не всякий жизненный материал, отобранный специально и легший в основу ораторского выступления, дает возможность сделать речь эмоционально-содержательной и вызывать живую реакцию аудитории. Но опыт показывает, что ораторская убежденность в верности того, что он говорит, его увлеченность темой выступления, встреча с новой аудиторией обычно повышают ора-

торскую взволнованность. Во всяком случае оратор должен уметь каждый раз настроиться, помня, что сама эмоциональная окрашенность — важный элемент формы красноречия, о котором стоит позаботиться так же, как о любом другом компоненте красноречия.

Чем же определяется эмоциональность красноречия?

Очевидно, в первую очередь его идейностью, содержательностью, значимостью идей, которые развивает оратор. Конечно, эмоциональность искусства публичного слова определяется также той конкретной формой, в которую оно воплощается, в первую очередь языком, его выразительностью и общим строем, стилем живой речи.

Правомерно говорить о диалектике объективного и субъективного в эмоциональности красноречия. Представим вузовскую аудиторию, в которую вошел лектор, обязанный прочесть по официально положенному курсу очередную лекцию. Ему хорошо знакома каждая деталь в зале: портреты ученых на стенах, старинный плафон на потолке и орнаментальная лепка вокруг окон. Лектору давно стал привычным и наскучившим кусок городского пейзажа: два старинных дома с деревцами и угол улицы, что видны из окна, когда лектор стоит на трибуне. И, разумеется, он неплохо знает своих слушателей — студентов: в минувшем учебном году он читал им лекции, а с двумя группами вел семинары.

Ясно, что сама привычная ситуация и состав аудитории хорошо известных студентов объективно не только не стимулируют эмоциональность очередной лекции, но, быть может, именно своей привычностью способны помешать ей. Вдохновляться в такой обыденной обстановке, говорить увлеченно не каждому легко. Конечно, и в такой давно «освоенной» среде ораторская эмоциональность должна естественно порождаться самим содержанием речи, ее идейным пафосом. От лектора требуются дополнительные усилия, чтобы его очередное слово не прозвучало прозаически, бесстрастно. Старые вузовские преподаватели хорошо знают, что нести чувственный заряд в каждом своем выступлении в повседневную обстановку — труд, требующий дополнительной энергии и особенно находчивости. Вот почему, готовясь к новой лекции, опытный преподаватель или пропагандист особенно заботится не только о содержании и

форме своего выступления, но и об общем эмоциональном строе подготавливаемой речи.

А теперь вообразим другую, непривычную, волнующую ситуацию. Волнующей, праздничной ситуацией отличались митинги, организованные в ознаменование только что завершившего свою работу XXV съезда Коммунистической партии Советского Союза. Ясно, что сама конкретная ситуация в таких событиях объективно настраивает на высокий пафос не только ораторов, но и слушателей. Такая ситуация естественна для момента и нередко обусловливает сама темпераментность и страстность ораторских выступлений. Оратор должен учитывать конкретную ситуацию, психологическую настроенность собравшихся.

Конечно, душевные переживания, сказывающиеся на митинге протеста или на траурном собрании, и чувства, выражаемые на праздничном митинге или на торжественно-юбилейном заседании, разные по своему характеру, конкретному содержанию. Они различны по своей психологической сущности и во внешних проявлениях. Эмоциональность ораторской речи, повторяем, объективна, потому что порождается и предметом речи, и той конкретной ситуацией, в которой она произносится.

Но при этом личность оратора играет первостепенную роль, ибо даже при отсутствии нужной ситуации оратор может не только должным образом настроить слушателей, но и взволновать их, заставить искренне переживать, вызвать соответствующие настроения и желания. Так обычно бывает, когда мы слушаем речь интересного, а тем более популярного человека, будь то писатель, ученый, политический деятель, полководец.

Таковы были лекции академика И. П. Павлова. Сама личность известного ученого и беспокойного по натуре человека соответственно настраивала слушателей. Они не могли не волноваться потому, что знали: ученый непременно сообщит нечто новое о своих опытах. Да и сам академик не читал лекций в традиционном «академическом стиле». Всегда ищущий, прямой, непримиримый к компромиссам, темпераментный и порывистый, И. П. Павлов говорил горячо, страстно, неизменно заражая своим настроением слушателей. Рассказывают, что однажды в Лондоне он читал лекцию с переводчиком, но, увлекшись, забыл о нем, продолжая говорить страстно и, как обычно, сопровождая

свою речь характерными жестами. Говорил он минут 10—15 по-русски в английской аудитории. Но когда спохватился, вдруг зал разразился аплодисментами — все или почти все было понято и без переводчика!

История ораторского искусства знает факты, когда объективная, эмоционально заряженная ситуация и значительность личности оратора как бы сливались, отражая огромные события времени и открывая новую веху в общественной жизни.

В этой связи хочется вернуться к уже упоминавшейся ранее заключительной речи Георгия Димитрова на лейпцигском фашистском суде.

Чтобы по достоинству оценить это выступление, нужно напомнить, что выдающегося коммуниста судили в гитлеровской Германии. Судили, исходя из соображений идеологических, шовинистических, расовых. Судили по спровоцированному и грубо инсценированному делу. Пять месяцев держали узника в кандалах, и три месяца тянулись кошмарные дни грязного судилища, взбудоражившего многие страны, приковавшего к себе внимание миллионов.

Суд обрывал обвиняемого на каждом слове, лишал законного права задавать вопросы или отвечать так, как он считал нужным. Димитрова то и дело удаляли из зала суда, ему угрожали. Кульминационной сценой судилища стал поединок между премьер-министром, министром внутренних дел и председателем рейхстага Германом Герингом, вторым после Гитлера лицом в фашистской Германии, вызванным в качестве свидетеля обвинения, и подсудимым. Геринг изворачивался под градом вопросов Димитрова, грубил и хамил, угрожал, с трудом скрывая страх перед правдой великого революционера.

Пройдя многие испытания, выдержав физические и духовные страдания, изолированный от внешнего мира, Димитров предстал в своей заключительной речи бесстрашным и великим борцом. Начал он так: «На основании параграфа 258 процессуального кодекса я имею право говорить как защитник и как обвиняемый». На реплику председателя суда: «Вы имеете право на последнее слово» — Димитров, вновь ссылаясь на процессуальный кодекс, ответил: «Я имею право полемизировать с прокуратурой, а потом уже приступить к последнему слову» [29, 332].

Затем Димитров напомнил о тех процедурных нарушениях, которые совершили его следователи, судьи и прокуроры, чтобы затруднить ему собственную защиту. Он подверг критике подобную практику и на предупреждение председательствующего ответил:

«Я допускаю, что я говорю языком резким и суровым. Моя борьба и моя жизнь тоже были резкими и суровыми. Но мой язык — язык откровенный и искренний. Я имею обыкновение называть вещи своими именами. Я не адвокат, который по обязанности защищает здесь своего подзащитного.

Я защищаю себя самого как обвиняемый коммунист.

Я защищаю свою собственную коммунистическую революционную честь.

Я защищаю свои идеи, свои коммунистические убеждения.

Я защищаю смысл и содержание своей жизни.

Поэтому каждое произнесенное мною перед судом слово — это, так сказать, кровь от крови и плоть от плоти моей. Каждое слово — выражение моего глубочайшего возмущения против несправедливого обвинения, против того факта, что такое антикоммунистическое преступление приписывается коммунистам» [29, 334].

Димитров говорил о коммунистах вообще, о коммунистических партиях Болгарии, Германии, Советского Союза, о Коммунистическом Интернационале, о растущем мировом движении, о стратегии и тактике, об исторической миссии этого революционного движения. По мере развертывания речи она становилась одновременно характеристикой растущего революционного движения и его антипода — фашизма.

Речь Димитрова то и дело перебивал председатель суда. Он требовал, чтобы обвиняемый придерживался «рамок» судебного процесса, не занимался «коммунистической пропагандой», перебивал, мешал ему своими репликами, снова и снова угрожая ему запретами и административными, точнее, полицейскими карами. Но подсудимый, то парируя угрозы и нападки, то возражая суду или прокурору, а то и оставляя судейские замечания без внимания, продолжал защитительную речь, аргументируя каждое произносимое слово, насыщая свою речь все новыми фактами. Речь Димитрова стала поединком во вражеском стане, поединком двух идеоло-

гий, двух противоположных миров. В этом поединке одну идеологию представлял политический узник, мужественный человек, отстаивавший коммунистические убеждения и идеалы, а другую — Геринг и председатель фашистского суда, олицетворявшие реакционнейшее государство, самые темные силы человечества. Они хотели не только раздавить Димитрова, но и покончить с силами, от имени которых он выступал.

Великого коммуниста судили в Лейпциге, при закрытых дверях и при строжайшем режиме. Но весь мир переживал это судилище. Мировая пресса и радио изо дня в день на протяжении трех месяцев писала и говорила о процессе во всех его существенных подробностях. Ни одно произнесенное Димитровым слово не оставалось неуслышанным. Даже враги подсудимого были изумлены его бесстрашием, неотразимостью его доводов. Перечитывая защитительную речь Димитрова, исполненную гнева, едкого сарказма и высокого пафоса революционной борьбы, продемонстрировавшую бесстрашие коммуниста, чувствуешь и сознаешь предельный накал страстей, реально переживаешь напряженность ситуации, всколыхнувшей широчайшие слои общества в различных частях света. В этой речи нет лишних или украшательских фраз, в ней мысль глубока по своему историческому смыслу, драматична и заряжена огромной революционной энергией.

Правда, фашистский суд, охваченный страхом и предельной ненавистью к подсудимому, так и не дал ему закончить слово. В стенограмме судебного заседания запротоколирована сцена суда: полицейские хватают Димитрова и силой усаживают его на скамью подсудимых. Председатель и суд удаляются для совещания по вопросу, может ли Димитров продолжать речь, и объявляют, что он окончательно лишен слова. Но пламенный революционер уже сказал все необходимое, чтобы разоблачить фашистское судилище, нацистскую идеологию и отстоять великую правду марксизма-ленинизма. Эта речь Георгия Димитрова — образец революционного ораторского искусства перед лицом коварного врага, яркая страница современной истории красноречия. Она вновь показала, каким разящим идейным оружием и революционно-эмоциональным зарядом становится слово, одухотворенное идеями эпохи и воплощенное в блистательной форме устного выступления.

Конечно, речь Димитрова необычна, она, пожалуй, единственная в своем роде во всей многовековой истории ораторского искусства, в особенности судопроизводства. Но мы сочли необходимым остановиться на этом слове-поединке, чтобы показать проявление единства объективных условий и субъективных факторов в характере публичной речи, в особенности в ее эмоциональности. Она — очень убедительное свидетельство того огромного значения, которое приобретает ораторский стиль, а тем более такой его элемент, как эмоциональность.

Нелишне заметить, что именно яркая эмоциональность публичной речи нередко обнаруживает некоторые ее национальные особенности. Думается, например, что уже отмеченная эмоциональность, а порой страстность речей Долорес Ибаррури и Фиделя Кастро определяются не только их индивидуальными характерами, но и темпераментом, присущим их народам. В этом мы убеждаемся, обращаясь к ораторской практике другого выдающегося деятеля коммунистического движения — Пальмиро Тольятти, мастерски владевшего словом и одинаково свободно говорившего как на родном, итальянском, так и на русском языках. Видный теоретик марксизма, опытный практик-революционер, он умел говорить глубоко содержательно, всякий раз выдвигая новые идеи и аргументируя их. Эмоциональность речей Тольятти не только не мешала глубине ораторской мысли, а, напротив, делала ее доходчивой, впечатляющей.

Эмоциональность присуща не только ораторам публицистического склада, но и ораторам энциклопедического диапазона. Ярчайший пример — В. И. Ленин, чьи публичные выступления в сравнительно редких случаях бывали спокойными. Эмоциональность, а нередко и взволнованная интонация были характерны для многих речей Ленина. Увлеченность темой и ораторская страстность — неотъемлемые свойства ораторского искусства Владимира Ильича.

Не обращаясь к другим примерам, можно повторить уже высказанную мысль: красноречие диалектично по своему существу. И одна из особенностей его диалектики выражена в единстве рационального (разумного) и эмоционального. Но нередко, особенно в академической среде, гипертрофируя рациональное и сугубо логическое, недооценивают второй элемент диалектики ора-

торского искусства. Вот почему приходится вновь сказать: эмоциональность — в специфике самого красноречия как публично звучащего слова, обращенного непосредственно к людям. Именно поэтому игнорирование и даже недооценка этой важной особенности ораторского слова, как правило, сказывается отрицательно, ослабляя его слушательское восприятие. И, наоборот, умение добиваться единства рационального и эмоционального в красноречии, единства, воплощающего глубокое содержание в яркой форме, обеспечивает нужный ораторский успех. Сравнительно легко это дается людям, наделенным ораторским дарованием, талантом. Успех, очевидно, зависит от вдохновения, чувства и сознания ответственности перед обществом.

4. ТАЛАНТ И ВДОХНОВЕНИЕ

Дарование и талант! Эти понятия вспоминаются в редких, очень редких случаях, когда оценивают труд вузовского преподавателя, пропагандиста-общественника, адвокатскую или прокурорскую речь, научный доклад на симпозиуме и т. д. Обычно говорят об эрудиции ученого, о мастерстве агитатора или пропагандиста, об опытности доцента, иной раз — о хорошем языке. Но, как правило, замалчивается то, что можно и должно называть ораторским даром, талантом общественного трибуна.

Чем это объяснить? Может быть, такие понятия, как «дар красноречия» или «ораторский талант», не существуют? Или, быть может, эти категории неправомерны в преподавательской профессии, в агитаторско-пропагандистской практике?

Еще со времен Цицерона принято говорить: «Поэтами рождаются, а ораторами делаются». Это изречение великого ритора древности нередко повторяется и в наше время, утверждается устно и печатно. Смысл цицероновского изречения толкуется в том плане, что содержательно может говорить каждый образованный, овладевший культурой речи человек. Главное — уметь вслух формулировать собственные мысли, удачно сочетать «авторство» с исполнением — удачным построением речи. Именно это утверждает, например, А. И. Ефимов [32, 11].

Аналогичные мысли повторяют другие авторы. Так, например, в «Литературной газете» (№ 38 за 1967 г.) под заголовком «Ораторами становятся...» напечатана статья А. Толмачева, в которой утверждается, что красноречие под силу каждому, нужны лишь усилия, овладение основами ораторского искусства, повышение собственной культуры речи.

Действительно ли достаточно быть образованным человеком и знать основы красноречия, чтобы стать оратором? Можно было бы привести множество фактов, особенно из истории пролетарской пропаганды и агитации, дающих основание говорить, что пламенными ораторами становились даже далеко не блестяще образованные люди, не изучавшие принципы и нормы красноречия. Такие ораторы, истинные вожаки масс, хорошо знали народную жизнь, боролись за идеалы трудящихся и, наделенные даром простой речи, могли зажигать людей своими идеями, чувствами. Вместе с тем можно назвать высокообразованных людей, великолепно знающих историю и теорию риторики, однако всякий раз наводящих скуку на слушателей, как только они начинают говорить с трибуны. Иной ученый куда интереснее в своих печатных трудах, чем в устных выступлениях!

Конечно, и в красноречии, как и во всяком труде, есть профессионализация и даже специализация. Она, как и любое мастерство, безгранична и непрерывна. Вполне правомерно говорить о действительно профессиональных ораторах, вне связи с тем, являются ли они вузовскими преподавателями или штатными пропагандистами. Но есть ли основание утверждать, что все выступающие публично ничем не отличаются от оратора-мастера, а тем более от талантливого оратора? Можно ли, далее, говорить, что само совершенствование в красноречии не нуждается ни в каких природных задатках или способностях?

Дар собеседника, агитатора в М. И. Калинине обнаружился очень рано, еще в то время, когда он работал токарем на Путиловском заводе. Это особое, осознававшееся им дарование он развивал в революционной деятельности, в личном духовном росте и по мере накопления опыта — в устной агитации и пропаганде. Со временем М. И. Калинин стал одним из талантливых и видных пропагандистов Советской страны. Стоит

вспомнить также образ В. И. Чапаева-оратора, воплощенный Фурмановым в романе «Чапаев». Читая страницы, в которых рассказывается о зажигательных, увлекавших массы речах легендарного начдива, видишь выдающегося народного оратора.

О том, что С. М. Киров и А. В. Луначарский обладали ораторским талантом, говорят, во-первых, многочисленные воспоминания тех, кто их слушал; во-вторых, анализ текстов их речей. Ораторские способности, как и любые творческие данные, развиваются образованием и самовоспитанием, идейным и культурным ростом, упорным трудом, и прежде всего учебой на лучших образцах красноречия (риторики), изучением истории и теории красноречия.

О необходимости таланта в красноречии напоминает А. Н. Куницын, который в одном из своих «уроков» «Школы основ ораторского мастерства» пишет: «Пять качеств, по мнению Ломоносова, необходимы оратору: «Природные дарования, которые делятся на душевные и телесные». И дальше поясняется, какие это качества [58, 77]. Значит, такое качество, как особое дарование для оратора, все-таки признает и А. Н. Куницын, ранее утверждавший: «ораторами становятся». Ораторами или умеющими говорить публично? Ведь это не одно и то же. Публично поделиться своими мыслями, выступить с речью или даже сделать доклад в нашей стране умеют миллионы. Но можно ли сказать, что все они — ораторы?

В ораторском искусстве нужен талант, как во всяком другом творчестве. Вообще говоря, талант есть оригинальность и самобытность, он есть противоположность стандартности. Талант — яркая индивидуальность, проявляющаяся в образе мышления и определенной области творчества.

Можно ли сказать, что красноречие — это та сфера, в которой не проявляется самобытность и яркая индивидуальность? Вряд ли стоит сомневаться в том, что и в искусстве публичного слова бывают стандарты, непримечательные деятели и, наоборот, яркие индивидуальности с определенным призванием.

Автор содержательной брошюры «Проблемы эффективности устной пропаганды» Е. Н. Раховская с полным основанием утверждает: «Лектор, осуществляющий действенную пропаганду, обладает целым комплексом спо-

собностей, а в том случае, если перед нами выдающийся пропагандист — талантом. С одной стороны, это ученый, специалист, исследователь в определенной области знаний, с другой стороны, — оратор, педагог, психолог, никогда не замыкающийся в узких пределах границ «своего предмета» [55, 17]. Правда, Раховская не перечисляет специфических качеств или свойств, образующих талантливость оратора, но разделяет стиль оратора и просто «чтеца актера, а то и запросто «дьячка», бубнящего иногда свои, а иной раз и чьи-то писания». По мнению автора брошюры, ораторы должны быть «наделены остроумием и чувством юмора», способностью импровизации.

Некоторые авторы признаками ораторского таланта считают умение говорить ярко и красиво, правда, они не конкретизируют эти понятия. Другие авторы первейшим признаком ораторского таланта считают умение излагать свои мысли устно, без каких-либо бумаг или «шпаргалок», умение говорить эмоционально, увлекательно.

Спору нет, все эти признаки составляют важные особенности ораторского таланта, но фактически обходят весьма существенные признаки одаренности и талантливости в красноречии. Мы убеждены в том, что действительно талантливый оратор должен обладать врожденной впечатлительностью, широкой и вместе с тем тонкой наблюдательностью, высокой эмоциональностью. Другим показателем ораторского таланта можно считать способность самостоятельного и творческого мышления, аналитический дар и умение сравнительно легко выражать свои мысли и чувства в нужных словах. Ярким проявлением ораторского дарования, безусловно, является мастерство импровизаций, способность к ним, к выступлениям экспромтом. Дарование оратора сказывается также в находчивости и остроумии в полемике с оппонентами. Ораторская талантливость — это естественное влечение к живому публичному общению с людьми, желание делиться с ними своими мыслями и чувствами. Если верны слова о том, что писатель — человек, не могущий не писать об увиденном и пережитом, то оратор — тот, кто не может не говорить публично, чтобы увлекать людей своими мыслями и чувствами, чтобы активизировать их творчески. Ораторский талант — это и тонкое чувство живого звуча-

щего слова, дар восприятия выразительной речи и речетворчества, доставляющего ему эстетическое удовольствие. Счастливым даром нужно признать глубокий благозвучный голос. Наконец, талантливость в красноречии — это своеобразный артистизм, чувство гармонии звучащего и содержательного слова, естественность позы, жестов и мимики, умение быть «самим собой» и вместе с тем чувствовать себя как бы слитым с аудиторией.

Непрерывное повышение эрудиции, общей культуры, широкая ориентация в той сфере знания, в которой трудится данный оратор, — все это сами собой разумеющиеся качества профессионального оратора. Овладевать мастерством в ораторском искусстве и непрерывно развивать его — значит углублять само ораторское дарование. Известное изречение: «Талант — это труд» — адресовано и любому лектору. Причем никакая природная одаренность не освобождает ее обладателя от той культуры труда, о которой говорилось в предыдущей главе. Не менее существенным условием углубления таланта и совершенствования мастерства нужно признать неусыпный самоконтроль, самокритичность и требовательность к самому себе, постоянную страховку от «всезнайства», верхоглядства. И, конечно, очень важно не быть категоричным во всех своих суждениях. Это нередко ведет к безапелляционности, а порой и декларативности. Эти явления свидетельствуют о невысокой культуре. Чувство конкретно сложившейся ситуации, постоянный поиск, систематичность культуры труда, наконец, сознание того, что «лучшее впереди», — не менее важные условия ораторского дарования и совершенствования.

Непереоценимым фактором плодотворного творчества является вдохновение, то есть такое внутреннее состояние, которое можно назвать духовным подъемом, стимулирующим высокую активность и результативность труда. Вдохновение мы понимаем как полное сосредоточение внимания и творческих сил на предмете труда. Это — состояние вполне определенной увлеченности и даже своеобразного забвения. Это такое состояние активности, в котором сказывается чувственная и интеллектуальная интуиция, проявляющаяся в сравнительно легком, как бы непроизвольном движении мысли и проявлении чувств, стимулирующих труд. Активность

интуиции бывает тем явственнее и плодотворнее, чем полнее личность отдается труду, чем вернее она готовит себя к новой работе, обусловливаемой точной целью и одухотворяемой творческим воображением. Ценность интуиции в том, что она приводит к озарению, к неожиданным открытиям или просто удачному решению вопросов, над которыми приходилось думать особенно упорно. Интуиция — характернейшее проявление вдохновения.

Вдохновение — не всегда легко объяснимое психическое состояние, возникающее весьма сложными путями. Очевидно, нельзя пассивно ждать возникновения высокой активности и радостного чувства труда. Вдохновение само есть результат целенаправленного труда. И та культура труда, та его привычность, о которой уже говорилось, — первое и непременное условие неизбежного прихода вдохновения. Но после того как такое состояние возникло, надо уметь управлять им, проявляя волю, не давая страстям овладевать собой.

Что же вдохновляет советского пропагандиста, агитатора, лектора, чьей профессией (или второй специальностью) является публичное слово?

Постоянным источником такого вдохновения является революционное преобразование действительности, возможность достижения для человека лучшего будущего. Главным источником этого вдохновения является Советская страна, ее великие свершения, всенародное созидание, воплощающее вековые чаяния человечества. Вдохновение всегда рождается, формируется и конкретно сказывается в нашем активном отношении к миру, в ясном стремлении быть максимально полезным общему делу, жить интересами и идеалами народа. Оптимизм, вера в правоту коммунистического дела, гордость за то, что наша советская родина — могучая сила мирового прогресса, — вот важнейшие факторы вдохновения советского оратора.

Красноречие — не должность и даже не просто профессия. Ораторство — призвание, притом ответственное и высокое. И уже одно это обстоятельство является источником вдохновенного отношения к обязанностям, которые возлагает на людей такое призвание. Всякий человек, постоянно пользующийся общественной трибуной, вдохновляется ясным сознанием нужности своего публичного слова. Он одухотворяется темой и конкрет-

ной целью предстоящей лекции, беседы, доклада или просто сообщения. В творческом подъеме всех духовных сил, нередко сопряженном с переживаниями радости, заложено эстетическое начало. Сама одухотворенность творчеством уже обнаруживает определенное эстетическое качество и связана с переживаниями духовной удовлетворенности, с чувством радости свершения, ясного сознания красоты общественно полезного деяния.

Если подготовка к предстоящему публичному выступлению шла в нужном темпе, велась с большим желанием и целеустремленно, то преподаватель или пропагандист, агитатор или обозреватель выйдет к людям в хорошем настроении.

«Уже скоро тридцать пять лет из года в год поднимаюсь я на кафедру, — пишет проф. А. Архангельский. — И всякий раз волнуюсь. Передо мной — новые мои студенты. Какие у нас установятся отношения? Сумею ли я стать для них учителем? А вдруг превращусь в информатора по программе? И придется жаловаться, что студенты не посещают лекций, что молодежь пошла не та, и пусть декан снимает со стипендии или еще что-нибудь сделает, его же это в конце концов дело» [19].

Да, волнуется любой оратор, поднимающийся даже на «хорошо освоенную» кафедру. Это волнение естественно, оно порождается сознанием высокого признания ораторского искусства в нашей стране. И напрасно иные не слишком опытные преподаватели кичатся тем, что выходят на публику не только без чувства страха, но даже без малейшего волнения. Это говорит не в их пользу. Пропагандист, как и любой артист, который перед выходом к собравшимся людям не испытывает внутреннего горения, если хотите, не совсем осознанных томящих сомнений, вряд ли будет расти в своем искусстве и добиваться новых успехов.

Итак, определенная одаренность или талант, повышающееся мастерство и вдохновение — вот те факторы, которые жизненно необходимы оратору так же, как и любому творческому работнику. И такое триединство: талант — вдохновение — мастерство, как мы и попытались показать, воплощается в кратко рассмотренном ораторском стиле. Но он, как и метод ораторского искусства, реализуется только в звучащем слове, к рассмотрению которого мы и переходим в следующей главе.

Слово и действие

1. ЗВУЧАЩЕЕ СЛОВО КАК ОБЩАЯ ФОРМА И ГЛАВНОЕ ОРУДИЕ КРАСНОРЕЧИЯ

Глава седьмая

Живое слово — действенная, сущностная форма ораторского искусства. Говоря о функциях устной речи в ораторском искусстве, мы исходим из марксистско-ленинского учения о том, что язык есть орудие мысли: ее носитель, форма. Именно словесно-звуковой язык делает мысль реальной, действительной. Марксизм-ленинизм исходит из диалектики единства сознания и языка. При этом звуковой язык и мышление не отождествляются: они относительно самостоятельны, обладают определенной спецификой. Особенно важно подчеркнуть, что «мышление» как понятие шире понятия «звуковой язык» хотя бы потому, что человечество выражает свои мысли и чувства не только при помощи словесно-звукового языка. Такие виды искусства, например, как живопись и скульптура, инструментальная музыка и хореография, архитектура, прикладное и декоративное искусство, пользуются своими обозначениями. Естественные науки также оперируют специальными знаками и формулами.

Марксизм-ленинизм не отрицает известной относительности (условности) характера языка хотя бы потому, что одни и те же предметы называем одинаково, а суть их выражаем разными словами. Кроме того, хорошо известно, что одни и те же слова, произносимые в различных интонациях, имеют неодинаковый смысл. Бесспорно также, что индивидуальная речь нередко обнаруживает элементы несовершенства. Большинству людей присущи языковые погрешности. Однако эти и другие факты не дают основания усомниться в том, что живой язык — это ничем не заменимое средство общения в жизни народа, создавшего и продолжающего совершенствовать его.

Известно, что национальный язык обычно дифференцируется на общенациональный и диалектные языки, на литературный и разговорный, на язык науки и художественной литературы. Но благодаря великой культурной революции, продолжающейся в нашей стране, исторически сложившиеся существенные различия между общенациональным языком и диалектами быстро преодолеваются. Особого внимания заслуживает и то, что значительно сблизились литературный и разговорный языки. Язык каждого советского народа, за некоторыми исключениями, един. Росту такого единства активно содействуют советская школа, литература, театр и кинематография, радио и телевидение, устная агитация и пропаганда.

Советская языковая культура, ее непрерывное развитие и совершенствование обеспечивают растущее межнациональное духовное общение. Однако из этого вовсе не следует, что национальный язык автоматически становится послушным орудием каждого оратора. Неустанный труд над обогащением и совершенствованием своего языка, труд над непрерывным повышением речевой, именно речевой культуры, — постоянная забота и обязанность каждого, кто стремится быть мастером сложного ораторского искусства.

Что же подразумевать под культурой речи?

Очевидно, прежде всего правильность, выразительность, понятность и впечатляющую силу языка. В. А. Артемов под культурой речи подразумевает культуру произношения, культуру словаря, культуру речи и даже культуру жестов и мимики. А. И. Ефимов пишет: «Куль-

тура речи — это область словесного мастерства, искусство хорошо говорить и писать, наиболее целесообразно и эффективно использовать речевые средства» [32, 3]. Д. Э. Розенталь утверждает: «Культурной мы должны считать речь, которая отличается национальной самобытностью, смысловой точностью, богатством и разносторонностью словаря, грамматической правильностью, логической стройностью, художественной изобразительностью» [56, 7]. Е. А. Ножин пишет: «Культура ораторской речи — это такое использование языкового материала, которое обеспечивает наилучшее воздействие на данную аудиторию в конкретной обстановке и в соответствии с поставленной задачей» [45, 161]. Е. А. Ножин совершенно правильно связывает культуру речи с воздействием на состав данной аудитории и с конкретной целью публичного выступления. Трудно также не согласиться с определениями и суждениями о культуре речи, приведенными выше и в ряде других работ, появившихся в последние годы. Но вместе с тем даже правильная грамматически, синтаксически точная и фонетически совершенная речь может оказаться сухой, плохо воспринимаемой и поэтому неинтересной. Такая речь объективна и менее всего отличается ярко выраженной индивидуальностью и эмоциональностью. Ораторская речь должна быть индивидуальной и в этом смысле субъективной. Именно такая речь, как правило, способна возбуждать и увлекать слушательское внимание, вызывать интерес к тому, что говорят с трибуны. Ораторская речь должна быть не только правильной с точки зрения законов и норм данного языка, но и яркой по форме, внутренне эмоциональной, «личной».

Устная речь в большей степени, чем язык письменный, отличается разнообразием и стилевыми особенностями. Пока в общей форме можно отметить, что такая речь бывает уверенной и страстной, торжественной и деловой, суховатой и теплой, грубой и мрачноватой, крикливой и легкомысленной, меланхолической и монотонной, казенной или канцелярской и т. д. Какая же из этих форм устной речи хороша? Разумеется, не всякая, и это вполне очевидно даже из этого простого перечисления разных по форме и стилю речей.

Гегель говорил: «...Для разумного человека важнее всего не слова, а суть дела, но из этого не следует, что суть дела можно обозначать не подходящим для нее

словом, ибо это — необходимость и в то же время обман, когда воображают и утверждают, будто не хватает только надлежащего слова и скрывают от себя, что фактически недостает самой сути дела, т. е. понятия; если бы последнее имелось, нашлось бы для него и надлежащее слово» [23, 4, 176].

Слово, носитель информации, коммуникативно по своим функциям. Поэтому небезразлично, как оно выговаривается, в какой тональности и в каком темпе. Весьма важно понимать и чувствовать многозначность слова, знать, что любое слово, за редким исключением, содержит не только определенную информацию, но и выполняет функцию воплощения определенного смысла. Слово обозначает не один предмет, а класс вещей и явлений. Оно — понятие, отражающее явление, поэтому имеет категориальное значение. Причем значение слова в этой категориальной (понятийной) функции расширяется по мере общественного, научного, технического и всякого иного прогресса. Слово выражает мысль и чувство; оно отрицает или утверждает, заражает настроением, внушает и убеждает; оно действует также как носитель символов и условных обозначений.

Наконец, произносимое слово имеет определенное звучание. Еще в Древней Греции задумывались над этой особенностью слова; слова группировались по характеру их звучания, музыкальности. Ценные мысли об этом высказывал Дионисий Галикарнасский, а позднее — римские риторы и особенно Цицерон, связывавший характер звучания целой фразы с ораторским дыханием.

Слово фиксирует и воплощает мысль посредством звука, причем не статичного, а подвижного, отличающегося множеством оттенков. Слово посредством определенного звучания как бы материализует, опредмечивает мысль. Звучащее слово богаче писаного, так как выражает не только мысль, но и настроения и чувства, порождаемые мыслью. «Живое слово дороже мертвой буквы», — говорит русская народная пословица. «Слово принадлежит наполовину тому, кто говорит, и наполовину тому, кто слушает», — справедливо утверждает другая народная поговорка. «Владеющий речью — владеет людьми», — гласит немецкая поговорка.

Каждый хорошо знает, насколько проигрывает читаемая по тексту лекция или полемическая речь. Дело в данном случае не только в том, что читающий в ка-

кой-то мере скован, не может оторваться от бумаги и не в состоянии установить живой контакт с аудиторией. Такая «ораторская» практика не учитывает различия между устной речью и языком письменным. Лишь в редчайших случаях оратор, составляя текст своего предстоящего выступления, записывает его примерно так, как говорит. В таких текстах будущих речей фразы и предложения, как и требуется правилами устной речи, немногословны и хорошо интонированы. В них верно соблюдены логические и психологические акценты и паузы, встречаются диалогические элементы развития ораторской мысли, верно продумана выразительность.

Хорошо произнести речь, пусть даже превосходно продуманную по содержанию и идеям, — достаточно сложная задача. Устная речь — речь творимая. Оратор обязан не только думать о смысле каждой произносимой фразы, но и чувствовать, а порой и переживать ее. В устной речи мысли и слова как бы рождаются и звучат одновременно.

Первостепенная особенность устной речи определяется тем, что она рассчитана на непосредственное, причем довольно быстро утомляющееся слуховое восприятие. Отсюда — необходимость хорошего произношения слова, дикции. Мало сказать, что неприятно, когда лектор или докладчик шепелявит или хрипит. Недопустимо, когда оратор не выговаривает окончания слов, проглатывает их. Ни одно слово не может быть ущемлено и в совокупности с другими должно составлять целую и стройную фразу. А она должна выговариваться четко, целиком и в полном соответствии с ее смыслом, конкретным содержанием и характером. Дикция — тот элемент речи, совершенство которого всегда имеет для нее громадное значение. Хорошая дикция — важный элемент красоты индивидуального красноречия, его фонетики, музыкальности.

Не только для звучности, но прежде всего для точности выражаемой мысли большое значение имеют правильные ударения, которые, как известно, в русском языке являются скользящими, переносимыми и ввиду этого нередко «подводят» иного оратора. Неправильное ударение оставляет неприятное впечатление, настораживает слушателей, а порой даже вызывает недоверие к лектору (докладчику, оратору вообще). Неприятно,

когда оратор ошибается в ударении и, например, вместо «у́гольная промышленность» произносит «уго́льная» или соответственно, «аге́нт» и «а́гент», «бази́роваться» и «базирова́ться», «агроно́мия» и «агрономи́я», «страда́» и «стра́да» и т. д.

Иным кажется, что вопрос о правильности произношения слов есть лишь «техника речи». Но, во-первых, это не совсем так, ибо правильное ударение и вообще грамотное, четкое выговаривание слов — это прежде всего элемент культуры речи, одно из условий ее эстетического звучания. Во-вторых, «техника речи» — это серьезное дело, к сожалению, недооцениваемое в пропагандистской и агитаторской практике. Не мешает напомнить, что во всех театральных институтах, студиях и школах нашей страны преподается «техника речи». Будущие актеры учатся технике живой речи, учатся правильно пользоваться живым языком. Культурному, ясному и звучному произношению слова уделяется неослабное внимание в советском театре, в творчестве каждого драматического артиста и артиста-чтеца.

Полезно напомнить слова К. С. Станиславского о законе «действия словом», о том, что «привычка говорить на тактах сделает вашу речь не только стройной по форме, понятной по передаче, но и глубокой по содержанию, так как заставит вас постоянно думать о сущности того, что вы говорите...» [61, 97].

Таковы некоторые общие соображения о словесном языке как главном орудии красноречия. В этой связи уместно привести некоторые факты об отношении К. Маркса к языку. Владевший немецким, английским, греческим, латинским и русским, Маркс отличался тонким чувством языка, и оно выражалось в его литературной и ораторской практике. Маркс придавал огромное значение ясности, точности и полноте выражения мысли. Выразительности, яркости и содержательности слова он, по собственному признанию, учился у Гёте, Лессинга, Шекспира, специально изучал творения Данте, Сервантеса и Бальзака, которых почитал и к произведениям которых постоянно возвращался. В. Либкнехт, сам первоклассный оратор и публицист, писал, что Маркс «в отношении чистоты и правильности языка был добросовестен до щепетильности... Маркс был строгим пуристом: нередко он старательно и долго подыскивал нужное выражение» [6, 97—98]. «Фразер» в устах

Маркса был самым бранным словом. Своим молодым слушателям он повторял: «Надо мыслить логически и ясно выражать свою мысль» [6, 95]. Другой соратник Маркса, Лесснер, писал: «Его речь была краткой, связной, неумолимо логичной, он никогда не говорил лишних слов в цепи доводов» [6, 151].

Напомним также о том неустанном внимании, которое В. И. Ленин уделял языку пропаганды и агитации — устной и письменной, языку журналистики и публицистики, популяризаторской и социально-политической литературы. Еще до Октябрьской революции в различных статьях и книгах В. И. Ленин писал о том, как нужно излагать перед народом революционные мысли и идеи научного социализма, каким языком вести массовую пропаганду и агитацию. Ленин выступал против тяжелой артиллерии «мудреных терминов, иностранных слов, заученных, готовых, но непонятных еще массе, незнакомых ей лозунгов, определений, заключений» [5, 14, 92]. Ленин осуждал повторение непродуманных революционных призывов, влекущие за собой распространение пустой фразы [5, 35, 343].

В статьях «О революционной фразе», «О чесотке», «Об чистке русского языка», в работах «Великий почин», «Детская болезнь «левизны» в коммунизме» и других Ленин развенчивал пустозвонство, высмеивал «чесотку революционной фразы», затуманивающей, а тем более извращающей «простые, ясные, понятные, очевидные истины». Под «революционной фразой» Ленин подразумевал повторение революционных лозунгов без учета объективных обстоятельств. Игнорирование жизненных обстоятельств есть проявление субъективизма, может быть, неосознанного, непреднамеренного, но не менее опасного, чем субъективизм «обоснованный», вполне преднамеренный. Осуждая склонность к «пышным фразам», «словесную игру», «политическую трескотню», декламации и пустые восклицания, Ленин требовал, чтобы язык коммунистической пропаганды и агитации был ясен, деловит, прост, выразителен и понятен широким народным массам. Ленин — оратор и литератор дает нам образец ясности и простоты языка. Он был мастером говорить о самых сложных вопросах просто, точно используя смысл каждого слова. Вся ораторская публицистическая и литературно-теоретическая практика Ленина — прекрасная школа для оратора.

После всего сказанного обратимся к словоупотреблению. Важно не только то, как произнести слово, а тем более целую фразу, но и то, в какой мере именно данное построение предложения является рациональным для выражения ораторской мысли. Выразительность языка начинается с его чистоты.

2. ЧИСТОТА РЕЧИ КАК ПЕРВОЕ ТРЕБОВАНИЕ ЕЕ КУЛЬТУРЫ

Вот, например, как начал свою речь один вузовский преподаватель, кандидат философских наук, доцент на одном деловом заседании: «Свое выступление я хотел бы повести в плане дополнения предыдущего выступления».

Не проще ли было сказать: «Свое слово я хотел бы начать, дополняя речь...». А еще лучше было бы так: «Я хотел бы дополнить только что сказанное». И просто, и без лишних слов.

Этот же доцент выразился так: «Порою часто говорят», не отдавая себе отчета в том, что «порою часто» рядом — нелепица, так как «порою» означает: «иногда», «временами», «изредка», а «часто» — слово, выражающее уже противоположную мысль. Так что же хотел сказать доцент: «порою» или «часто»?

Заговорив, он так продолжал «дополнять предыдущее выступление»: «В нашей практике, несомненно, имели место определения тем, имели место и другие интересы студентов. Имели место проявления недисциплинированности, поэтому потребовались необходимые меры. Имели также место пропуски занятий, и в отдельных случаях имела место торопливость, нетерпимая в нашей практике. Во всяком случае такого рода факты имели место, что замалчивать нельзя. Имели место и другие недостатки».

Это — не пародия на речь и не отрывок из газетного фельетона, а запись одного выступления. Фиксируя эту речь, мы одновременно установили, что приведенный отрывок занял две минуты устного выступления. Выходит, что за две минуты фразу «имели место» оратор

произнес семь раз. А ведь это словосочетание, ставшее «канцелярским штампом», по своему смыслу не так уж удачно. Правильнее и проще (экономнее) сказать, что «случались» или «были» пропуски лекций, вместо «имели место пропуски».

Вся приведенная цитата — наглядный пример беспечности, которую проявляют иногда профессиональные пропагандисты и вузовские преподаватели. Язык таких ораторов может отбить у людей желание слушать лекцию.

Другой пример. Преподаватель говорит (приводим выдержки из текста лекции) о том, что «приземленные» способы не способны подняться до достижения «абсолютной» или «потусторонней» идеи». Как способ может быть неспособным? Это все равно, если сказать «масло немасляное» или «сахар несахарный». Ведь слово «способ» в русском языке как раз и означает прием, меру, иногда (в обиходе) метод и т. д. Производное от него «способиться» или «способляться», как разъясняет Вл. Даль, означает сладить, устроить, совладать, уладить дело. Коренное слово «способ» дало жизнь и таким нормативным (литературным) выражениям, как «способность», «способный». Лектор, сказав «способ не способен», не подумал о том, что именно такое словосочетание выражает. Наконец, он не задумался и над тем, что даже самый «способный способ» никак не может подняться до чего-либо, а тем более до «абсолютной» или «потусторонней» идеи. Словесная неразборчивость явилась причиной смысловой несуразицы.

В тексте лекции на тему: «Роль моральных стимулов в развитии творческой активности трудящихся» говорилось о том, что «совершается постепенный процесс вызревания моральных стимулов к труду». А ведь слова «процесс» и «вызревание» примерно одно и то же. Почему же не употребить одно слово: «вызревает». Правда, стимул не может вызревать, — он не яблоко на дереве и не дыня на корню. Значит, и слово «вызревание» в приведенном предложении не «звучит». Эту фразу лучше было бы построить так: «Создаются условия, морально содействующие труду».

Тот же лектор говорит: «Тот процесс понимания и осуществления активного участия в осуществлении общей задачи строительства коммунизма...». Тяжелая и не совсем грамотная фраза: «понимания и осуществле-

ния... в осуществлении». Плохо также «осуществление задачи». Лучше: «решение задачи». Всю же фразу можно было бы построить так: «Активное участие в строительстве коммунизма...» и т. д. Активное участие — значит, и понимание; строительство коммунизма — значит, решаются определенные задачи.

В разбираемой лекции читаем: «Меры, осуществляемые партией по развитию народного образования, по приближению школы, сделали возможным, чтобы каждый четвертый гражданин учился». Нехорошо дважды повторенное «по». А всю эту труднодоступную фразу можно было бы построить примерно следующим образом: «Меры, которые осуществила партия, чтобы сблизить школу с жизнью, дают возможность каждому четвертому советскому человеку учиться».

В тексте другой лекции читаем: «Отсутствие позитивной программы... у современной буржуазии сделало жизненным идеологию коммунизма». Как может «отсутствие» что-то сделать? И почему идеология стала «жизненным», а не жизненной? Но особенно удивительно утверждение: идеология коммунизма жизненна, потому что буржуазия не имеет никакой позитивной социальной программы. Далее, автор текста утверждает: антикоммунизм добивается «эрозии социалистических принципов», не подумав над тем, что принципы — это не железо или почва, чтобы подвергаться эрозии. Он говорит о том, что империализм «не может решать в силу наличия у него такого недуга, как старческий склероз». Выходит, что недуг — это и есть сила. Приведенные примеры — показатель того, как лектор не заботится о том, чтобы сам образ или метафора были точными по смыслу, не искажали мысли, воплощаемой в живой речи.

Нелепые словосочетания и бессмысленные выражения в ораторской, особенно пропагандистской и агитационной, практике, к сожалению, встречаются часто. Вот некоторые из них, записанные нами на разных собраниях и даже лекциях. Оратор говорит, что «в этом вопросе у нас имеются большие резервы», не подумав, что никакой, даже самый большой и сложный, вопрос не может содержать каких-либо резервов. Вряд ли можно признать удачным такое выражение, как «этот вопрос лежит в фундаменте». С большим трудом воспринимается фраза: «Антикоммунисты стремятся духов-

но размыть коммунистическую идеологию», потому что «размыть» или «разлить» идеологию никто не может. Оратор говорит: «Мы видим, какие грандиозные задачи, к тому же важные задачи, стоят перед нами», также не подумав над тем, что раз задачи грандиозные, то, следовательно, и важные. Если же ему нужно усилить характеристику или оценку задач, то лучше сказать: «Мы видим, какие важные, грандиозные задачи стоят перед нами». Такое построение фразы усилило бы ораторскую мысль. Неудачно и такое «образное» выражение, как «новые научные проблемы стучатся в двери», ибо проблемы не могут стучать, а тем более стучаться в двери. Лектор утверждает: «Проявлением кризиса буржуазной идеологии является проявление отсутствия единого и последовательного философского научного мировоззрения». А ведь то, что отсутствует, проявляться не может. Мы уже не говорим о том, что в этой же фразе плохо звучит «проявлением... является проявление» — тавтология. Другой оратор говорит: «В процессе развития общества к коммунизму будут отпадать социальные корни». А ведь корни никак не могут отпадать — они не листья на дереве осенней поры и лежат в земле, поэтому могут лишь сгнить. Но и в такой трактовке метафорическая фраза вышла бы не совсем удачной. Сказать: «Сгниют социальные корни общества» — значит проявить слабое чувство звучащего слова. Или в другой лекции: «Существование... объективно вызывает наличие репродуктивных функций». Здесь не только косноязычие, а просто смысловая нелепица. Если «наличие», то как оно может вызываться чем-то? Он же утверждает, что «...наталкивается на отсутствие адекватной обратной связи». Как может что-то наталкиваться на отсутствие?

Безграмотно звучат фразы: «играет значение» (вместо «имеет значение»), «иметь роль» (вместо «играть роль»), «делает впечатление» (вместо «оставляет впечатление»), «зачинщик культурных мероприятий» (вместо «застрельщик культурных начинаний») и многие другие.

Трафаретность речи многогранна, если такое определение уместно отнести к такому отрицательному явлению. С одной стороны, она бюрократизирует язык, изобилующий маловыразительными «канцелярскими» грубыми словосочетаниями. С другой стороны, для трафа-

ретного языка характерна тяга к «звонкости», рассчитанной на внешний эффект. Если говорится, например, о массах, то обязательно о «широчайших»; если перед обществом стала задача, то непременно «главнейшая» и даже «величайшая»; если возникла какая-либо опасность, докладчик не удержится, чтобы не сказать: «серьезнейшая опасность»; а если что-то о чем-то свидетельствует, то будет сказано: «красноречиво свидетельствует». От частого использования превосходной степени, от искусственной романтизации явления радостного события впечатление от них не усиливается, а порой, наоборот, ослабевает. Простота в характеристике и оценке явлений нередко воспринимается лучше и оставляет более сильное впечатление.

Еще один недостаток в ораторской практике — декларативность. Так, лекция на тему: «Программа КПСС о создании и развитии материально-технической базы коммунизма» могла быть не только глубоко содержательной, но и впечатляющей, если бы лектор использовал свои жизненные наблюдения. Но вот каким языком была изложена эта тема: «Очень много сделано у нас по повышению материального благосостояния трудящихся за последние годы... В Советском Союзе неуклонно растет народное благосостояние... Крупные мероприятия проведены у нас по улучшению пенсионного обеспечения... Невиданный размах приобрело жилищное строительство... Огромны наши успехи в области образования... Советский народ гордится, что по многим показателям мы добились неоспоримых преимуществ по сравнению с самыми развитыми капиталистическими странами».

Все эти фразы абсолютно правильны, верно отражают действительные достижения нашей страны во всех областях общественной жизни. Но разве такими словами «штампами» нужно говорить в лекции, адресованной студенческой молодежи? Почему лектор не позаботился о том, чтобы достаточно известный материал изложить впечатляюще? Мы уже не говорим о том, что некоторые положения лектор должен был подкрепить яркими примерами или запоминающимися фактами. Уместны были бы свидетельства зарубежных друзей или даже врагов, которые признают успехи советского народа. В лекции приведены цифры и статистические данные: 99 цифровых примеров и 35 цифровых обозна-

чений дат. Итого — 134 цифры в одной лекции, рассчитанной на академический час. Не много ли?

Еще одним недостатком страдает наша пропагандистская практика — предельной специализацией терминологии, если не сказать злоупотреблением различными терминами и понятиями, не всегда доступными для слушателей. Такая терминологическая перегруженность публичного выступления оставляет впечатление наукообразности, но не помогает научному подходу к рассмотрению явлений. Конечно, всякая наука имеет свою терминологию, свой понятийный аппарат, следовательно, ее представители не могут не изъясняться на языке данной науки. Но при этом нельзя забывать, что терминология не должна препятствовать неспециалистам понять смысл лекции.

Популяризаторам науки полезно обратиться к опыту лекторской практики выдающихся ученых нашей страны. Так, К. А. Тимирязев (1843—1920) умел говорить и писать о сугубо сложных явлениях жизни и проблемах науки ясно и с большим увлечением. Достаточно прочесть его речи и статьи в книге «Наука и демократия», получившей высокую оценку В. И. Ленина, чтобы убедиться в сказанном. Как из этого труда, так и по рассказам тех, кому довелось слушать К. А. Тимирязева, перед нами оживает образ ученого-революционера, мастерски сочетавшего подлинную научность с умением доступно излагать свои идеи и мысли. Специфика такой специальной науки, как физиология растений, например, не только не являлась непреодолимым барьером для лекции перед массовой аудиторией, а, наоборот, по-особому заинтересовывала слушателей, становилась предметом увлекательного рассказа и даже поэтизировалась оратором. Тимирязев умел вовлекать слушателей в сотворчество, и чем полнее это ему удавалось, тем вдохновеннее были его выступления.

Любопытны также знаменитые «среды» И. П. Павлова (1841—1936), умевшего говорить о научных проблемах и понятно, и страстно, и увлеченно. Кстати говоря, академик Павлов унаследовал литературный стиль великого русского материалиста-физиолога И. М. Сеченова (1829—1905), чьи труды, особенно знаменитые «Рефлексы головного мозга», выросшие из его лекций, написанные великолепным слогом, и в наше

время читаются не только с интересом, но и с удовольствием. И. М. Сеченов, И. П. Павлов и К. А. Тимирязев были видными ораторами, оставившими значительный след в истории русского академического красноречия.

3. КУЛЬТУРА РЕЧИ

На лекции, посвященной ораторскому искусству, была подана такая записка: «Скажите, пожалуйста, сколько (примерно) слов должен знать преподаватель вуза, чтобы иметь основание сказать: он овладел культурой речи?»

Что можно было ответить автору записки? Напомнить, что известный «Толковый словарь» Вл. Даля насчитывает 200 тысяч, а современный русский язык содержит (по семнадцатитомному словарю Д. Н. Ушакова) 120 тысяч слов? А если обратиться к научной терминологии, которая насчитывает не одну и даже не две-три сотни тысяч слов? Эта область языковой культуры расширяется и обогащается с небывалой в прошлые времена быстротой. Без научной терминологии современная устная пропаганда и вообще ораторская речь будет обедненной и недостаточно эффективной.

Принято говорить о «речевой стихии», о том постоянном, как бы исподволь совершающемся речетворчестве, которое сопутствует прогрессу национальной духовной жизни. Такой процесс, правда, по иным законам, совершается и в мировом масштабе, обусловленном как развитием разнообразных межнациональных отношений, так и глобальным характером современного научно-технического прогресса. Любой пропагандист, каждый лектор и оратор должен уметь верно ориентироваться в этой «речевой стихии», в потоке постоянно образующихся терминов, расширяя и обогащая собственный лексикон и неустанно трудясь над культурой своей речи.

Установлено, что среднекультурный наш современник обходится запасом слов в несколько тысяч и не особенно широко оперирует специальными терминами. Но разве лектор, пропагандист и любой причастный к искусству и науке публичной речи может находиться на таком «среднем» уровне?

Разумеется, богатый лексикон и отличная ориентированность в бурном прогрессе научной терминологии,

как и в росте того национального языка, которым пользуется оратор, сами по себе еще не создают высокого ораторского искусства. Необходимо умение отбирать из личного «запасника» нужные слова и образовывать точные фразы, верно и доходчиво выражающие ораторскую мысль. Надо уметь пользоваться всеми богатствами языка, используя его гибкость, пластичность, живость, изобразительность и выразительность. Только при этих условиях язык становится действенным.

Знакомясь со многими текстами лекций и докладов, читая даже правленные стенограммы произнесенных речей, слушая выступления ораторов, невольно устанавливаешь одно и то же явление — часто встречающееся недостаточное внимание к точности и выразительности языка. Надо бы сказать: «Нам нужно выполнить взятые на себя обязательства», а докладчик говорит: «В деле выполнения нам нужно...». Лектор объявляет: «Для уяснения момента не обойтись без рассмотрения всех сторон этого явления», хотя яснее, экономнее и выразительнее сказать так: «Чтобы уяснить сложность момента, нам необходимо рассмотреть его со всех сторон». Иные ораторы злоупотребляют такими формами, как: «нельзя не признать», «невозможно не допускать», «это не могло не иметь серьезного значения», «подобная политика не могла не вызвать усиление движения протеста» и т. д. А ведь можно выразиться так: «надо признать» или «это могло иметь серьезное значение». Конечно, бывают случаи, когда оратор вынужден с известной осторожностью оценивать тот или иной факт и тогда правомочна форма: «нельзя не признать».

Вряд ли есть надобность подробно говорить о том, что глагольная форма — одно из тех средств, которое придает речи действенный характер, делает ее динамичной. Употребление прилагательных, которые характеризуют явления, события или определенные факты, придает им определенную зримость, вызывает нужные ассоциации.

Выделим и такой речевой прием, как повторение одной и той же мысли, причем нередко в одних и тех же или очень близких по словосочетаниям фразах. Такое средство особенно важно в публичной речи, рассчитанной, как уже отмечалось, на быстро утомляющееся слуховое восприятие. Повторение усиливает выдвинутую

идею, раскрывает не всегда легко видимую сущность предмета, шире развертывает ораторскую мысль.

Образцы использования таких повторов дают многие речи В. И. Ленина. Обратимся к хорошо известному его выступлению на заседании ВЦИК 29 апреля 1918 г.: «Очередные задачи Советской власти».

Характеризуя тяжелое положение Советской страны, Ленин говорил, что для Коммунистической партии, вынужденной действовать при неимоверных трудностях, «требуется во сто тысяч раз больше осмотрительности, осторожности и выдержки». Подчеркивая опасность враждебного капиталистического окружения, Владимир Ильич выражает ту же мысль такими словами: «лавировать, отступать, выжидать» [5, 36, 252]. Такая тактика во внешней политике Советского государства, как разъясняет Ленин, необходима, «чтобы удержаться на завоеванных позициях». И, напоминая о некоторых уроках прошлых революций, вновь повторяет: «выжидать, лавировать и отступать». А чуть позже та же мысль повторяется уже более развернуто: «лучше пережить и претерпеть, перенести бесконечно бóльшие национальные и государственные унижения и тягости, но остаться на своем посту, как социалистическому отряду...» [5, 36, 253].

Другой пример повторения ораторской мысли. В. И. Ленин констатирует: «Действительность говорит, что государственный капитализм был бы для нас шагом вперед». Это — тезис, который мотивируется таким пояснением: «Если бы мы могли в России через малое число времени осуществить государственный капитализм, это было бы победой». Затем, критикуя «левых» коммунистов, отвергавших идею государственного капитализма в Советской России, Ленин ставит вопрос: «Что такое государственный капитализм при Советской власти?» И, ссылаясь на факты истории, отвечает: «...государственный капитализм был бы спасение для нас». Почему же спасение? Потому, отвечает оратор, что «государственный капитализм есть нечто централизованное, подсчитанное, контролированное и обобществленное, а нам-то и не хватает как раз этого...» [5, 36, 255]. И снова критикуя тех, кто отвергает необходимость предлагаемой политико-экономической меры, Ленин утверждает, что «государственный капитализм при демократии Керенского был бы шагом к социализму, а при Со-

ветской власти был бы ¾ социализма...» [5, 36, 257].

Несколько раз Ленин повторяет одну и ту же мысль о необходимости государственного капитализма для Советской страны, но по-разному, в различной постановке и как будто в неодинаковых аспектах. Тезис — мотивировка — раскрытие сути явления — объяснение — утверждение — вот схематическая направленность ленинской мысли в повторениях того, что госкапитализм жизненно необходим Советской Республике. Повторение одного и того же тезиса на самом деле не простое повторение выдвинутого положения, а аргументация и разъяснение, а затем и утверждение важной идеи политико-экономического характера. Ленин говорит: государственный капитализм для нас был бы «шагом вперед», затем такое движение он определяет как «спасение» для молодой Советской Республики и, наконец, утверждает, что госкапитализм при Советской власти стал бы тремя четвертями социализма.

Так развивается ораторская мысль — от тезиса к прямому утверждению. Мысль (тезис, идея) повторяется с определенными, точными интервалами. Такая «дистанционность» повторов одного и того же положения подчинена главному движению мысли оратора.

В докладе «Очередные задачи Советской власти» есть повторения и другого типа, применяемые без интервалов, а только в одной, правда, большой фразе. Приведем такой пример. Ленин доказывает жизненную необходимость для Советской Республики организованности. Призыв к организованности Ленин утверждает трехкратным повторением: «Средство одно: организуйтесь до последнего человека, организуйте учет над производством, организуйте учет и контроль над потреблением и сделайте то, чтобы мы не бросали сотни миллионов денег из-под печатного станка, и ни одна сторублевка, неправильно попавшая в чьи-либо руки, не миновала бы назад государственной казны» [5, 36, 263].

В каких же случаях Ленин-оратор повторял одну и ту же мысль? Не ошибемся, если скажем: во всех тех случаях, когда выдвинутый тезис и сформулированное положение ему казались сложными, нуждающимися в многостороннем разборе, в обстоятельных мотивировках и суждениях. И так как сама мысль раскрывалась новыми сторонами или гранями, то ее повторение вос-

принималось слушателями не как простое повторение, а как развитие определенной идеи.

Естественно поэтому, что ленинские повторения не утомляют, тем более что оратор широко пользовался синонимами, помогающими лучше и полнее оттенять различные стороны характеризуемого явления или события. Синонимы же оберегают речь от лишних словесных повторений. Наконец, некоторые ленинские повторения даются по принципу градации, то есть такой конструкции фразы, которая, усиливая характеристику явления, вместе с тем повышает слушательское внимание к произносимой речи в целом.

К сожалению, ни способ повторов, ни синонимы и ни градация не пользуются должным вниманием в практике многих преподавателей и пропагандистов.

Например, на одном собрании вузовских преподавателей докладчик, кандидат наук, сказал так: «Еще одним важным недостатком в работе ученого совета по важному вопросу является плохое использование такого важного средства, как индивидуальная работа со студентами». Трижды повторенное «важно» никак не усиливает ораторскую мысль, ибо такое повторение показывает лишь бедность мысли или невнимание к смысловой точности произносимых слов. Нельзя сказать «важный недостаток», а нужно говорить: «большой недостаток», «существенный», «досадный», «обидный», «неприятный» и т. д.

Вызывают досаду неудачные градации. Так, лектор говорит, что «марксизм-ленинизм является яркой звездой, компасом, указывающим путь, это верный указатель жизненного пути трудового народа». Заговорив о яркой звезде (высокий образ!), лектор затем сошел к указателю — обыденному предмету. Он не посчитался с правилами градации — смыслового возвышения в речи, поэтому его верная мысль не получила необходимой выразительности и нужной образности. Если бы лектор построил эту фразу примерно так: «Марксизм-ленинизм есть верный указатель, компас, яркая звезда...», то тогда можно было бы почувствовать возрастающую силу сравнения или аллегории, проникнуться ораторской мыслью, его чувством.

А вот другой, еще более огорчающий пример: «Одни за другим — вереницей, сотнями, потоками вливаются они в душу читателя, как червь могильный, точат ее,

отравляют трупным ядом человеконенавистничества». Речь идет о вредоносном влиянии зарубежной реакционной литературы. Фраза не обдумана даже по своему элементарному смыслу. В самом деле, о чем идет речь — о «сотнях» или «потоках»? Далее, если потоки могут вливаться во что-то или куда-то, то сотни вливаться не могут, тем более вереница. Наконец, автор, забыв о «вереницах, сотнях, потоках», говорит уже только о черве, который точит душу, а ведь ее «точить» никак нельзя — она не дерево.

Лектор стремился к живописности своей речи, к определенной градации в ней. Заговорив, по-видимому, в подобающей интонации — «вереницей, сотнями, потоками вливаются...», он настораживает слушателя: что же несет этот поток, эти вереницы, сотни? Оказывается, что всего лишь червя. Все это вместо того, чтобы вызвать у слушателей эмоционально-отрицательное отношение к реакционной литературе (тема лекции), из-за неожиданной абсурдности создает комический эффект.

В противоположность этим неудачным примерам повторов и градаций приведем две выдержки, показательные тем, что в них способ повторения и конструкция градации действуют слитно и поэтому оставляют сильное впечатление.

Первый пример — выдержка из воспоминаний Г. Н. Александрова о Нюрнбергском процессе.

«Мы, конечно, и раньше хорошо знали о звериной ненависти гитлеровцев к Советской стране и советским людям. Мы были уже давно знакомы с людоедскими, человеконенавистническими «теориями» немецкого фашизма. Мы знали также о злодеяниях гитлеровцев на оккупированных ими территориях Советского Союза. Но мы еще не знали, с какой дьявольской утонченностью эти тягчайшие преступления были разработаны и запланированы еще задолго до войны с Советским Союзом» [14, 18].

В приведенных словах вполне уместно четырежды повторенное «мы», начинающее четыре относительно самостоятельных предложения. И если в трех первых фразах: «мы хорошо знали», «мы были уже знакомы» и «мы знали» — интонация одна и та же, более или менее спокойная, как бы повествовательная, то в четвертом предложении, да еще после предполагаемой логической и психологической паузы, интонация звучит в

иной, уже встревоженной, если не сказать взрывной, форме. «Но мы еще не знали...». Эта полуфраза как бы ломает плавное течение речи, готовит некое откровение, делает речь импульсивной, подготавливает слушателей к восприятию волнующего события или факта. Этой цели подчинены и такие эпитеты, как «звериная ненависть гитлеровцев», их «людоедская сущность», их «дьявольская утонченность», их «тягчайшие преступления». Повторяемые в течение двух-трех минут, эти характеристики не могут не наэлектризовать аудиторию. Повторы и принцип градации, умело использованные Александровым, обеспечивают развитие его мысли, усиливают ее эмоциональную насыщенность и, конечно, обеспечивают нарастание впечатляющей силы. Вся фраза построена так, что у слушателя (читателя) воспоминаний Г. Н. Александрова должны возникнуть определенные образы и ассоциации.

Второй пример повторов и градаций — это выдержка из речи французского писателя Андре Моруа, произнесенной на Международном конгрессе врачей в Париже.

«Завтра, как и сегодня, у нас будут больные. Завтра, как и сегодня, нам будут нужны врачи. Завтра, как и сегодня, врач сохранит свое исключительное положение волшебника, но также и свою тяжкую и со временем всевозрастающую ответственность. Завтра, как и сегодня, рядом с научной медициной, все более и более точной, все лучше и лучше вооруженной, будет жить медицина традиционная, которая благодаря человеческому контакту врачей с больными сможет облегчать страдание и смягчать горе. Завтра, как и сегодня, новые чудеса породят новые обязанности. Завтра, как и сегодня, врачебная мораль должна быть взята на вооружение и свято соблюдаться врачами всех наций... И, наконец, завтра, как и сегодня, жизнь врача будет героической, трудной, тревожной и нередко прекрасной» [15].

Перед нами — фрагмент очень динамичной речи, исполненной определенной романтики. В нем хорошо рассчитаны ритм, тактовое произношение фраз. Впечатляющими рефренами являются полуфразы «завтра, как и сегодня...», которые «держат» ораторскую мысль, усиливают слушательское внимание к ней.

Из приведенных примеров следует, что надо ценить и умело применять такие речевые средства, как повторы и градации. А разве не хороши и такие формы, как

гиперболизация, иносказание (аллегория), перифраза, сопоставление, сравнение, всевозможные тропы? Эффективны в ораторском искусстве форма диалога, вопросно-ответный прием, к сожалению, редко встречающийся в вузовском преподавании, в общественной пропаганде и агитации. Чаще всего приходится слушать речи (лекции и даже «собеседования»), в которых используется одна форма — монолог. Лектор говорит сам, в повествовательном стиле, назидательно и нередко в одном тоне, не догадываясь поставить вопросы и ответить на них или спросить ответа, особенно на собеседовании, у слушателей. Между тем диалогическая, полуразговорная форма оживляет речь, обусловливает ее интонационное богатство. Эффективность диалогической формы речи активизирует внимание слушателей, не так быстро их утомляет, как речь монологически-монотонная.

4. ХУДОЖЕСТВЕННОСТЬ ОРАТОРСКОЙ РЕЧИ

В главе о родах и видах ораторского искусства уже было сказано, что сближает красноречие с искусством и что дает основание утверждать: ораторский труд есть творчество. Продолжая этот разговор, обратим особое внимание на элементы художественности и образности ораторской речи. Одна талантливая речь на волнующую тему может быть исполнена романтического пафоса, другая — обнаружит некоторые лирические моменты, если, конечно, тема не противоречит им. Впечатляемость публичного выступления нередко усиливается приемами повествования и даже воспоминанием. Но ораторская речь может быть художественной в целом и восприниматься как произведение устно-словесного искусства. Такая речь доставит ее слушателям истинную радость, а нередко и эстетическое удовольствие.

Выдающимся мастером красноречия, неизменно вдохновенным оратором был А. В. Луначарский, первый народный комиссар просвещения нашей страны. В нем сочетались дарования и опыт политического деятеля, оратора, публициста и художественного критика, драматурга и лингвиста. Все эти замечательные качества сказывались в публичных выступлениях Луначар-

ского. Человек большой культуры, влюбленный в жизнь и глубоко впечатлительный, Луначарский — великолепный оратор — умел говорить в любой аудитории и на любую тему, увлекаясь и увлекая своих слушателей.

Непременным и эффективно используемым средством, усиливавшим впечатляющую силу, истинно творческий характер и художественность его речи, были импровизации. Все, кто когда-либо слушал выступления Луначарского, говорят о его поразительном умении не только быстро ориентироваться в конкретной ситуации, в настроениях многочисленной и нередко смешанной аудитории, но и взять нужный тон, сказать самые необходимые, самые подходящие к моменту и наиболее выразительные слова. Александр Дейч, несколько лет работавший с Луначарским и близко знавший его, пишет, что Анатолий Васильевич «редко составлял подробный конспект, а если составлял, то далеко отходил от него, перестраиваясь на аудиторию. Только в очень редких случаях, когда дело касалось сложной проблемы, Луначарский записывал план доклада или лекции и даже давал его перепечатывать на машинке. Но обычно Луначарский не пользовался никакими «шпаргалками» и в блокнот с беглыми заметками почти не заглядывал» [30].

Луначарский мог «собраться с мыслями» для публичного выступления, предупрежденный об этом лишь за полчаса. «В 1928 г. А. М. Горький приехал из Сорренто в Москву, — рассказывает Н. Луначарская-Розенель. — О том, что приветствовать Горького в Большом театре правительство поручило Луначарскому, сам он узнал только за сорок минут до выступления. Несмотря на это, речь по случаю приезда Горького — один из самых блестящих образцов ораторского искусства Луначарского, увлекательная по форме и полная глубокого анализа личности и творчества Горького» [42, 7].

Луначарская-Розенель далее рассказывает, что после одной экспромтной блестящей речи Анатолия Васильевича известный кинорежиссер Амаглобели воскликнул: «Я не могу понять, я просто поражен: весь день я не отставал от вас ни на шаг. Мне кажется это чем-то непостижимым, ведь вы же не готовились к этому докладу!» А Анатолий Васильевич ответил ему очень серьезно: «К этому докладу я готовился всю жизнь» [42, 8].

Это была чистейшая правда. Как пианист-виртуоз исполняет сложнейший пассаж настолько легко, что он кажется простым, что на самом деле является результатом многолетнего упорного труда, так и ораторские выступления Луначарского, помимо врожденного таланта, требовали огромной предварительной работы, колоссального накопления знаний, умения их мобилизовать. Импровизации Луначарского-оратора воспринимались, как вспышки мысли, как неожиданные проявления чувств и душевных переживаний, поражая мастерским использованием всех возможностей звучащего слова.

Особенными художественными достоинствами отличались доклады и речи Луначарского по вопросам эстетики, литературы, искусства. К таким выступлениям относится поминальное слово, посвященное внезапно скончавшемуся талантливому режиссеру Марджанову (Марджанашвили). Как рассказывает Н. Луначарская-Розенель, приехавший с заседания в Академии Анатолий Васильевич был нездоров и стоял у гроба «изжелта-бледный, осунувшийся, подавленный горем». И тем не менее он произнес надгробную речь. «Слово Луначарского было посвящено художнику и человеку — чистому, благородному, порывистому, требовательному к себе человеку, праздничному, неиссякаемо многоцветному, всегда юному художнику... Голос Луначарского звучал сильно и молодо, и образы рождались, увлекая слушателей, и вряд ли кому из присутствовавших на траурном митинге могло прийти в голову, что Анатолий Васильевич так ненадолго, всего на восемь месяцев переживет своего друга, обаятельного, блестящего Константина Марджанова» [42, 27].

Нет спору, художественность красноречия виднейшего марксиста-ленинца и деятеля социалистической культуры определялась его предметом — эстетикой, в особенности искусством и литературой, которыми А. В. Луначарский занимался всю жизнь. Но, во-первых, хорошо известно, что высокой художественностью отличались и все полемические речи, с которыми Анатолий Васильевич выступал в ожесточенных спорах с митрополитом Введенским, также опытным оратором, на дискуссиях, посвященных проблемам религии. Во-вторых, Луначарский отлично понимал, что об искусстве и вообще о прекрасном нельзя говорить сухо, вяло, бесстрастно, а значит нехудожественно. Мы глубоко

убеждены в том, что лекция или беседа на эстетические темы, об искусстве должна отличаться прежде всего прекрасным стилем, художественностью и содержания и формы.

Однако мы также убеждены в том, что подлинно ораторская речь, чему бы она ни была посвящена, должна содержать элементы художественности, выявлять красоту публичного слова. Талантливый оратор нередко удивляет и поражает своих слушателей находчивостью в подборе слов, точными сравнениями и сопоставлениями, иносказаниями и метафорами, хорошо чувствуемым ритмом и энергичным темпом речи. Опытный оратор не допустит неразборчивого для слушателей «говорка», но и не перейдет на крик. Вместе с тем он будет пользоваться ясными формулировками, точной научной терминологией, четкими толкованиями категорий. Различая публичную речь от повседневной или бытовой, такой оратор хорошо чувствует значение психологических и логических пауз, вопрошаний и восклицаний, внутренней энергии и естественного пафоса речи, направленной на массовое (групповое) восприятие и понимание, на эффект непосредственного и нарастающего общения.

Ясно, что речь такого опытного, талантливого оратора, развертывающаяся неудержимо и обнаруживающая все новые краски и интонации, увлекает слушателей, делает их сопричастными творчеству оратора.

Ораторская речь всегда выразительна и благодаря этому свойству она становится художественной. А разве бывает невыразительная речь? — может возникнуть вопрос. Не парадоксальна, внутренне не противоречива разве формула: «Ораторская речь всегда выразительна»? Слово, обозначающее определенный предмет, разве не становится тем самым выразительным?

Но тем не менее бытуют эпитеты: «тусклая» и «яркая» речь, «суконный язык», «серый язык» и «живой язык», язык «бедный» или «богатый», «бюрократический» или «великолепный» и т. д. Иначе говоря, выразительность языка — понятие вполне определенное. Под нею подразумевается смысловая емкость и способность заинтересовать, увлечь слушателей, вызвать у них определенную реакцию. Благодаря образности предмет речи воспринимается легче и эмоциональнее. Давая конкретный материал, речь не только раскрывает некоторую информацию, а становится характеристикой и оценкой.

И здесь существенна, можно сказать непереоценима, роль интонации.

Ярко выразительное, исключительно емкое, всегда психологизированное средство, интонация — важный элемент в системе речевой выразительности. Мы говорим «речевой», так как в письменном изложении интонация не играет столь очевидной и эффективной роли, как звучащее слово. Бернард Шоу остроумно заметил: «Да» можно написать только одним способом, произнести же это слово можно в пятидесяти вариациях, следовательно, значениях».

В речи интонация непосредственна, так сказать, открыта, она звучит и выявляет душевное состояние говорящего, выражает его отношение к предмету. «Именно интонация составляет смысловой нерв человеческой речи, и в отдельных случаях по одной лишь интонации возможно понять смысл и на незнакомом языке», — пишет видный советский эстетик А. А. Адамаян. Он справедливо отмечает многообразие чувств, которое обычно выражает интонация. Он же выделяет четыре основных элемента интонации: мелодию, ритм, темп и тембр [13, 154].

В строгой взаимосвязи этих элементов будет повышаться или понижаться звучание ораторского голоса, ускоряться или замедляться темп речи; будет проявляться утвердительная или отрицательная акцентировка тех или иных нюансов ораторской мысли. Важную роль при этом играет точное соблюдение пунктуации данного языка, диктуемой логикой и психологией речевого процесса. Излагать речь в одном тоне и в одном темпе — значит оставить скрытыми от аудитории не только свои чувства, но и степень важности положений, освещаемых по теме публичного выступления. Монотонная речь наносит существенный урон необходимому общению между оратором и слушателями.

На одном ученом совете выступил профессор с докладом на тему об антимарксистских концепциях «демократического социализма». Ни теоретический характер темы, ни даже критическая направленность самого доклада не нуждались в чрезмерно «атакующей интонации», превратившейся в однообразную громкость. Никаких логических и психологических пауз он не соблюдал. По существу, он говорил правильно, доказательно, а некоторые развивавшиеся им мысли были да-

же оригинальными. Но эти положительные качества доклада явно ослаблялись тем, что оратор говорил торопливо, без соблюдения простых правил публичной речи.

Вспоминается другой доклад — по актуальным проблемам современной философии. Трудно излагать такую тему спокойно, бесстрастно. Но, как ни странно, докладчик говорил чуть ли не равнодушно. Его монотонную речь графически можно было бы изобразить как линию, лишь чуточку вибрирующую: без взлетов и падений. Лишенная интонаций, а значит, смысловых оттенков и акцентов, эта речь была фактически безотносительна к своему конкретному назначению и безразлична даже к аудитории, к ее настроению. Докладчик убаюкивал, а не будил мысль своих слушателей.

Эти два доклада: первый — «бурно-пламенный» и второй — монотонный — представляют две крайности, между которыми, однако, можно вообразить, обращаясь к пропагандистской практике, немало других лекций, докладов и речей, малоинтересных и малохудожественных по стилю и форме. Наиболее характерной чертой таких публичных выступлений является, пожалуй, интонационная бедность, а значит маловыразительность.

Велика сила интонации! Она не только придает речи нужный динамизм, нередко драматизируя ее, но и усиливает ее выразительность. Интонация фактически оформляет речь, помогает активизации ее коммуникативной функции, делает ее определенной.

Мастером интонации и выразительной речи является Ираклий Андроников, любое выступление которого — в живой ли аудитории, по радио или телевидению — захватывает слушателя (зрителя) с первых слов. Те, кому довелось слушать Ираклия Андроникова, могли убедиться в том, что Андроников — интересный оратор, оратор-художник. Он точен в словах, выразителен в характеристиках и оценках рассматриваемых явлений, естествен и эмоционален. И. Андроникова всегда интересно слушать, в каком бы жанре искусства слова он ни выступал.

Опытным оратором художественного склада представляется нам Алексей Сурков, умеющий говорить «к случаю» в нужной психологической тональности — то задушевно, то гневно, то деловито-суховато, то патетически. Неизменно выступая с импровизационной

речью — без писаного текста, Алексей Сурков с удивительной легкостью находит нужные слова и произносит их с чувством, умело подчеркивая их реальный смысл. Особенно интересны выступления поэта-оратора на торжественных заседаниях в таком трудном жанре публичного слова, как праздничная или юбилейная речь. Трудность торжественной речи состоит в том, что в ней можно взять чрезмерно патетическую ноту, без чувства меры «заюбилеить» выступление или же, наоборот, ударившись в другую крайность, заговорить вовсе не подходящим к приподнятой обстановке скучным языком.

Не таков Сурков-оратор. Для него не составляет трудности в течение нескольких минут настроить на праздничный лад сотни людей, собравшихся в Колонном зале Дома союзов или в Концертном зале им. П. И. Чайковского, взволновать и воодушевить их. Трудно сказать, что сильнее в Алексее Суркове — поэтический дар или ораторский талант. Впрочем, ораторская интонация, а с нею пафос гражданственности, сильны в сурковской лирике, а его красноречие воспринимается как истинная поэзия. Никогда не прибегая к записям, а тем более к готовым текстам, повторим еще раз: Сурков-оратор умеет говорить свободно, интересно и свежо.

Чтобы ораторская речь была увлекательной, в какой-то мере художественной, она обязательно должна быть пластичной, а не обрывистой, как бы клочковатой. Оратор не может в живой аудитории мучительно подбирать нужные ему слова, произнести одно слово, а тем более целую фразу и тут же, как бы спохватившись, попытаться заменить ее другой. Такая попытка нужного результата не даст, а лишь продемонстрирует слабость в ораторском искусстве. Такое своеобразное заикание, «муки слова», допустимые наедине, не простительны, если они обнаруживаются публично.

Надо ли удивляться, что всевозможные междометия, то и дело встречающиеся в речи, мешают ее восприятию и раздражают слушателей. Только раздражение вызывает оратор, через каждые два-три слова произносящий «о-о-о», «ы-ы», «оуы-мы», «мыо-уы» и иные непонятные звуки, в явных муках подбирающий нужные слова. Его речь ежеминутно обрывается этими звуками, лишается необходимой пластичности и ритма, за-

трудняет восприятие мыслей. И как здесь не вспомнить народную поговорку: «У него слово слову костыль подает».

Другой оратор говорит, почему-то алогично разделяя полуфразы и даже отдельные слова ничем не объяснимыми паузами. И в данном случае нарушается естественное течение живого слова, вызывая в аудитории трудно скрываемое недовольство.

Приведенные примеры взяты из ораторской практики двух уважаемых товарищей, докторов наук. Не раз на протяжении ряда лет приходилось слушать их выступления и каждый раз с досадой отмечать недостатки, недопустимые в ораторском искусстве.

Таким «формам» публичного слова хочется противопоставить лекторское и вообще ораторское мастерство большой группы товарищей по профессии, из года в год выступающих не только в вузовских аудиториях, но и на различных научных конференциях. По-разному звучат не только их голоса — далеко не одинакова манера каждого держаться на трибуне. При внимательном отношении к их ораторскому стилю можно установить, что в выступлениях, скажем, М. Н. Руткевича, А. М. Меликяна и В. А. Кудина сильнее сказывается аналитическое начало в истолковании разбираемого предмета; С. П. Дудель, К. Н. Минасян и Г. В. Платонов — большие любители полемики, в которой они чаще всего показывают и опыт и знание секретов спора; в речах Е. М. Модржинской и В. С. Барулина ярче сказываются ораторский пафос и эмоциональность; мастерство юмора чуть ли не в любой речи демонстрирует Х. Г. Расулев. Информативной насыщенностью неизменно отличаются лекции Ю. Н. Красина, методологическая устремленность и методическая культура очевидны в лекциях Г. М. Штракса и А. А. Старченко.

Разумеется, наши краткие характеристики могут быть субъективными, но мы делимся впечатлениями, сложившимися от неоднократного слушания выступлений этих ученых: их лекций, экспромтных речей или реплик. Во всяком случае очевидно, что при всех различиях этих опытных лекторов и пропагандистов их ораторское искусство сходно в одном: в хорошем владении словом. Все они свободно и естественно обращаются со словом, посредством звучащей речи успешно выражают свои мысли. Их речь развертывается легко,

в ровном темпе и ритме. Такая речь нередко отличается предложениями и оборотами, дающими слушателям живое представление о характеризуемом или анализируемом лектором или докладчиком предмете; порождает ассоциации, возбуждает чувства и воображение, помогая аудитории не только рационально познавать то, о чем говорят с трибуны, но и переживать ораторскую речь.

К художественным и эстетическим элементам языка относятся эпитеты, различные формы троп, а также крылатые слова. Иные из них вошли в культурный обиход, понятны без пояснения и всякий раз несут большую информацию и дают наглядное представление о чем-то существенном. Вспомним: «яблоко раздора», «ахиллесова пята», «дамоклов меч», «демосфеновские филиппики», «восхождение на Голгофу», «альфа и омега» и другие, дошедшие до нашего времени из глубин веков. Можно назвать крылатые выражения, порожденные революционной борьбой пролетариата, например: «Мир хижинам, война дворцам», «Экспроприация экспроприаторов», «Человек — это звучит гордо», «Мир и социализм неразделимы», «Сила народа — в его единстве».

Эффективными художественными элементами ораторской речи являются также народные поговорки и пословицы. К месту и выразительно произнесенная поговорка или пословица способна выполнить функцию обобщения, да, сверх того, дать о предмете, характеризуемом лектором или докладчиком, более наглядное представление. Приходится лишь сожалеть, что в ораторской практике народные поговорки и пословицы не всегда пользуются должным вниманием. В специально просмотренных нами 30 с лишним текстах вузовских лекций по общественным наукам мы не обнаружили ни одной поговорки или пословицы. Между тем среди них были такие лекции, темы которых (например, по атеизму и этике) просто подсказывали поиски подходящих поговорок, изречений или пословиц. Например, в лекции об этических категориях добра и зла не следовало бы обходиться без фольклора. Веками любой народ задумывался над происхождением, сущностью и значением в жизни добра и зла, расценивая добродетель как прекрасное, а злодеяние — как безобразное. Опытный лектор не побоялся бы немного «отклониться» от своей

темы и разъяснить молодым слушателям, что от слова «добро» в русском языке произошли слова: добродетель, добровольный, доброхотный, добролюбивый и десятки других аналогичных слов, отражающих положительные явления. Лектор напомнил бы также, что и от слова «зло» произошли такие слова, как злонамеренное, злословие, злопамятный, злопыхатель и другие, отражающие или оценивающие отрицательные явления. Значит, даже одна народная поговорка в лекции о добре и зле не только окрасила бы ее эмоционально, но вместе с тем расширила бы тему данной ораторской речи, помогая слушателям и шире и глубже разобраться в фактах и явлениях, относящихся к добру и злу.

Оратор, очевидно, не может не улыбаться, не пошутить. Он должен любить иронию, юмор и быть способным на сарказм. Такие приемы составляют совокупность весьма желательных художественных элементов красноречия, требующих тонкого чувства и эстетического вкуса. В связи с этим особо хочется указать на иронию — форму иносказания, достигшую еще в античности значительного развития и даже ставшую одной из эстетических категорий. Толкуя ее довольно разносторонне, древние греки суть иронии видели в том, что, говоря «да», оратор порой подразумевал «нет» и наоборот. По форме нередко являясь шуткой, острым словом или издевкой, ирония утверждала нечто серьезное. Ирония — свидетельство изобретательности и остроты мысли, свободного, можно сказать, изобразительного владения словом. Общепризнанным мастером иронии считался Сократ, о котором уже говорилось в первой главе данной работы. Подчеркнем еще, что церковная догматика резко осуждала иронию, а тем более комедийные формы вообще. Для церковной риторики ирония совершенно противопоказана. Не случайно термин «риторика» является синонимом скучной схоластики, ограниченности и тому подобного, что фактически всегда и было объектом для иронии, а тем более для ее высшей формы — сарказма.

Мастерами сарказма были К. Маркс и Ф. Энгельс. Сколько сарказма, например, в «Немецкой идеологии» и «Святом семействе»! В. И. Ленин часто использовал политический сарказм в своих трудах и речах, начиная от «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?» и кончая такими, как доклад

«Очередные задачи Советской власти» (апрель 1918 г.), «Речь об обмане народа лозунгами свободы и равенства» (май 1919 г.), «Пролетарская революция и ренегат Каутский», «Детская болезнь «левизны» в коммунизме», а также статьи, направленные против Суханова, сменовеховцев, деятелей II Интернационала. Анализ ленинских трудов, статей и речей показывает, что разнообразные формы иронии — от простой шутки до сарказма — усиливали образность его выступлений, придавали им живость, делали их доходчивыми.

Содержательность и выразительность публичного выступления усиливается также цитированием подходящих к моменту стихов, использованием образов и картин, созданных художественной литературой. В выступлениях В. И. Ленина можно найти немало примеров, поучительных не только для литератора-теоретика, но и для оратора. Свыше четырехсот литературных образов использовано в ленинских сочинениях. В одних случаях Владимир Ильич только напоминал о том или ином образе, в других — давал краткую характеристику образу, вводя его в речь, усиливая им систему аргументации и доказательств. Образы гоголевских Манилова и Петрушки встречаются на страницах книги «Материализм и эмпириокритицизм». Охотно Ленин обращался к образу Обломова. Существо маниловщины в политике Ленин оценивал как умышленную лакировку всего мерзостного в эксплуататорском обществе. Опасность этого явления, разъяснял Ленин, состоит в том, что любая подлость преподносится Маниловым с улыбочкой, в деликатной форме. А существо обломовщины, по словам Ленина, заключается в той малоподвижности, бесхребетности, которую нужно беспощадно изобличать и вытравлять из революционной среды.

Из всего сказанного следует, что оратор подобен художнику слова. Он должен обладать художественным чутьем и эстетическим вкусом, постоянно развивать их. Но, разумеется, здесь необходимо чувство меры. Оратор — не чтец-декламатор; он не может превращать свою лекцию или беседу в художественное чтение. Очевидно также, что нужно остерегаться чрезмерного обилия стихотворных цитат, метафор, аллегорий, крылатых слов и других троп в публичной речи. Практика показывает, что безмерное увлечение образностью может помешать логическому изложению темы речи, а значит, и ясно-

му пониманию слушателями ее конкретного смысла и цели.

Наши суждения о художественности красноречия не будут полными, если мы не скажем хотя бы несколько слов о сравнительно молодой, но уже достаточно определившейся новой области публичного слова. Мы имеем в виду слово, сопровождающее серию телевизионных художественных передач: «Кинопанорама», «Клуб кинопутешествий», «По концертным залам Москвы», «Новые премьеры», а также передачи, посвященные творчеству отдельных композиторов, поэтов и других деятелей искусства. К этому роду можно было бы, с некоторыми оговорками, отнести также «Новости спорта» и «В мире животных».

Родилось искусство публичного слова, хотя и не имеющего самостоятельного значения, но весьма важного и перспективного, а главное — обращенного к миллионам. Общественная значимость этого слова определяется и тем, что оно составляет органическую часть определенного художественного целого и поэтому должно непременно отвечать требованиям художественности, быть органичным в данной телепередаче и содействовать ее доходчивости.

Не будучи собственно ораторским искусством, такое телевизионное слово, однако, отвечает самым высоким требованиям речевой культуры. Мера интонационности такого слова во много раз усиливается характером самой телевизионной передачи. Не ораторствовать, а приноравливаться к ее образной системе, повествовать в одном ее куске, пояснять — в другом, комментировать — в третьем; придерживаться ее темпа и ритма, настраиваясь на возникшую психологическую атмосферу; акцентировать важную мысль телепередачи или заострить внимание телезрителя на какой-то ее детали — эти и другие моменты в занимающих нас сериях дают основание говорить о развитии нового вида красноречия, художественность которого более чем первостепенна и составляет непременный и существенный компонент того синтетического вида искусства, которое принято называть телевизионным. Можно с удовлетворением отметить, что в студиях только Центрального телевидения выросла большая группа мастеров нового вида красноречия, продолжающих совершенствоваться в своем сложном труде.

5. ПОЗА, ЖЕСТ И МИМИКА ОРАТОРА

«Как вести себя на трибуне?» Это вопрос профессиональный. То, как оратор взошел на трибуну и как на ней держится на виду у десятков и сотен людей, составляет часть его мастерства, совокупность физических действий.

Под «физическими действиями» К. С. Станиславский подразумевал сценическое поведение актера (ансамбля), порождаемое или обусловливаемое выражаемыми им словами. В роли слово и действие всегда едины, причем под действием подразумеваются и душевные переживания. Спору нет, ораторское действие — это по преимуществу то, как оратор излагает свои мысли и выражает чувства.

Речь идет прежде всего об ораторской позе, не всегда учитываемой в искусстве публичного слова. Иной оратор встает полубоком к залу и остается в этой позе до конца своего выступления. Не взглянув в зал, он вперяет глаза в одну точку перед собой и говорит еле слышно, не меняя ни темпа, ни интонации речи. Кажется, он даже не слышит голосов из зала: «Громче!» Другой, взойдя на трибуну невероятно озабоченным, исподлобья взглянет в зал, затем, облокотившись, начнет говорить, все время потирая правой рукой нижнюю челюсть, не то проверяя, чисто ли он сегодня побрился, не то щупая заболевший зуб. Не менее огорчает слушателей нарочитая ораторская поза, самолюбование или неряшливый вид.

Не приводя больше подобных примеров, хочется сказать: пренебрежение, казалось бы, таким простым моментом, как ораторская поза, нарушает эстетические и этические требования, предъявляемые оратору. Несоблюдение этих требований мешает собравшимся сосредоточиться на том, что говорит лектор, внимательно воспринимать его речь.

В совокупности выразительных (не словесных) средств ораторского искусства существенна роль жеста — движения рук, кистей рук и мимики — выражения лица. Как верно пишут Г. Гибиш и М. Форверг, жест и мимика, «особенно отчетливо проявляющиеся на поверхности тела качественные виды движения, как правило, являются «отображениями» определенных ди-

намических регулятивных процессов в центральных регулирующих отделах организма... Одновременно они являются «внешней стороной» этих процессов регулирования». Но, как справедливо отмечают авторы, «жест может быть понят только на основе речи, языка, языкового общения в человеческой деятельности и жизни» [24, 126 и 131].

Прав был один из старейших и видных марксистов-пропагандистов Е. М. Ярославский: «Жест оратора естественно дополняет его мысль, чувство, переживание» [63, 203]. А народный артист СССР В. Папазян писал, что «и сам по себе язык рук почти так же красноречив, как и текст, особенно тогда, когда слов меньше, чем мыслей, когда за двумя-тремя фразами целая философия. Язык не только подчеркивает и комментирует текст, но и красноречиво говорит то, чего не хватает в словах. Речь без жеста так же нелепа, как текст без знаков препинания, но если сами точки и запятые не могут заменить слова, то жест и, в частности, язык рук может обойтись без слова» [52, 365].

Некоторые исследователи красноречия считают, что сорок процентов информации в ораторском искусстве несут жест и мимика. Так или иначе, жест и мимика — не просто «фигуры красноречия», а тем более — не «техника» или «внешнее оформление». Жест и мимика оживляют речь, делают ее зримой, психологичной. Жест, будучи эмоционально-смысловым движением рук (руки), должен «звучать» именно в те мгновения, когда произносимая фраза нуждается в усилении своей выразительности, а тем более в эмоциональной впечатляемости ораторской мысли. Поэтому можно сказать, что жестикуляция относится к специфике ораторского искусства.

Жест в красноречии многогранен в своих функциях и разнообразен в своей выразительности у разных людей. Жест, как и мимика, не может быть формальным и показным, он определенно содержателен и эмоционален. Жест и мимика особенны и всегда определенны. Не должно быть двусмысленности жеста и мимики, расхождения их с тем, что говорит оратор. И, применяя тот или иной жест, оратор в одном случае подчеркивает важность выражаемой им мысли, в другом — как бы наглядно представляет ее, в третьем — стремится глубже раскрыть реальное содержание мысли, в четвер-

том — указывает на имеющийся подтекст только что высказанного и т. д.

Конечно, язык жеста и мимики условен и отличается некоторыми национальными особенностями, например сдержанностью и скупостью у одних народов, темпераментностью и даже экзальтированностью у других. Национальность языка жестов можно «уловить» даже в характере «выкидывания» руки, в прижимании ладони к груди.

Жестом и мимикой нужно уметь пользоваться, не заслоняя ими словесно-звуковую речь, а, напротив, усиливая ее смысловую емкость и выразительность, ее эмоциональную содержательность. Прав был один из мастеров советского художественного чтения Всеволод Аксенов, утверждая: «...всякие жесты, так же как и все движения во время чтения с эстрады, тем убедительней, чем скупее. И не только потому, что всякое искусство требует лаконичности выразительных средств, но прежде всего в силу того, что, во-первых, жесты, как всякое зрительное впечатление, теряют свою выразительность при частом их повторении; во-вторых, каждый человек имеет в своем арсенале весьма ограниченное количество органически свойственных ему движений; в-третьих, язык жестов не может, следовательно, и не должен подменять или даже дублировать язык слов» [17, 132].

Мы не один раз видели и слушали, как Маяковский исполняет свои произведения. Восхищало не только чтение, глубина и богатство голоса, удивляло также богатство и выразительность его жестов, мимики, прекрасно гармонировавших с тем, как и кому поэт читал свои творения. Неизменно доставляет наслаждение искусство С. Кочаряна, чья мимика всегда отражает гамму разнообразных чувств. Вспоминается стиль В. Яхонтова, В. Аксенова, И. Ильинского, И. Андроникова и других мастеров художественного чтения и живого рассказа.

Жест и мимику артиста вряд ли надо применять в ораторском искусстве. Почему? Хотя бы потому, что художественный чтец, как и драматический актер, обязан создать образ, дать конкретное представление о каком-либо явлении. Изобразительность — важный компонент художественного чтения и актерского исполнения. Эмоциональное начало в таком исполнении имеет первостепенное и решающее значение. Жест и мимика в художественном чтении предельно конкретизированы,

как бы опредмечены. В. Шкловский однажды назвал И. Андроникова говорящим мимом. Это звучит парадоксально, но верно по смыслу. Шкловский хотел сказать, что в исполнении Андроникова звучащее слово как бы развертывается через выразительные жесты, создавая конкретные образы.

Всего этого нет и не должно быть в ораторском искусстве, в мимике оратора, в его жестах. В красноречии жесты сдержаннее и не так часты, как в художественном чтении или в драматическом искусстве. Ораторский жест более условен и призван прежде всего акцентировать выражаемую мысль или оттенить ее, утвердить вывод или умозаключение.

Ораторская жестикуляция — это взмах руки или рук: вытянутая ладонь или рука, прижатая к сердцу, рука, сжатая в кулак. Отрицательный знак — линия, образованная движением руки по горизонтали. Утвердительный знак выражается взмахом руки сверху вниз. Руки со сплетенными пальцами и выставленные вперед изображают единство и т. д. Разумеется, трудно сказать, какой из них и по какому случаю нужно применять. Жест, поза, движение головы, корпуса и плеч, мимика, равно как и ораторская манера говорить, — вещи сугубо индивидуальные. Но есть некоторые общие правила, которые должны соблюдаться.

Первое. Не злоупотреблять жестом и помнить, что чрезмерная жестикуляция не помогает, а мешает оратору. Не должно быть так, чтобы слушатели, увлекшись ораторской жестикуляцией, фактически забавлялись ею, не слушая самой речи, не вникая в ее конкретное содержание. Не следует забывать, что в красноречии именно слово — носитель и выразитель мысли и чувства.

Второе. Жест должен быть сдержанным, но выразительным. Не следует увлекаться «фигурностью» взмахов рук, не нужно стремиться к «эффектности» жестикуляции.

Третье. Жест должен быть мотивированным, естественно порождаться излагаемой мыслью, выражаемыми чувствами. Рисунок и размах жестов, ораторская поза должны соответствовать смыслу и значению произносимых фраз. Грубоватая, но точная народная поговорка гласит: «Коль словами не расскажешь, так и пальцами не растычешь».

Существенна психологическая роль мимики. Она также должна быть не нарочитой, а естественной, выражающей действительное душевное состояние оратора. У людей, держащихся на трибуне просто, и мимика отражает действительное состояние оратора. Не надо нарочито хмурить брови, полуприкрывать или широко раскрывать глаза, не следует «вонзать» взор в одно лицо из аудитории, как бы гипнотизируя его, не нужно гримасничать. Все в облике оратора должно быть естественным. «Движение и жестикуляция — естественные элементы поведения оратора на трибуне... Вид оратора, который длительное время неподвижно стоит на трибуне, утомляет аудиторию, слушатели начинают «ерзать» на своих местах, внимание их ослабевает» [45, 220].

Как же добиться того, чтобы поза, жесты и мимика, как и вообще поведение оратора на трибуне, были естественны?

Не думаем, что «физические действия» нужно заранее готовить, а тем более репетировать перед зеркалом, как это рекомендуют (и даже практикуют) иные товарищи. Кстати говоря, в одном из московских вузов есть кабинет ораторского мастерства с огромными зеркалами напротив трибуны: говорящий может «любоваться» собой, выверять каждый свой жест, каждый штрих на собственном лице. Но мы убеждены в нецелесообразности таких зеркал, да еще в аудитории, предназначенной для лекции. Зеркала могут только отвлекать внимание оратора, если вообще не смущать его.

Думается также, что и так называемая репетиция собственного поведения не может принести нужной пользы хотя бы потому, что нельзя заранее, то есть вне живой аудитории, «вырабатывать» жесты или мимику. Ведь они определяются не только развиваемой оратором мыслью, но и тем, в какой конкретной обстановке эта речь произносится, каковы настроения слушателей и самого говорящего, какими чувствами он охвачен. А разве можно задолго до встречи с аудиторией знать, как будет развертываться ораторское творчество? Как уже отмечалось, оно всегда в значительной мере обусловливается сложившейся именно к данному выступлению ситуацией.

Известно, что жест и мимика имеют рефлекторный характер. Трудно бывает сказать, почему оратор, произнеся такие-то фразы, совершил руками такие, а не

иные движения. Одни и те же мысли и чувства у разных людей выявляются далеко не сходными жестами, мимикой и позой. Будучи эмоциональными по своему существу, они в известной мере психологичны, поэтому выразительны и активно дополняют звучащую речь, делая ее содержание более понятным и более впечатляющим.

Поза, жест и мимика есть в какой-то мере наглядное выявление мысли. Вот почему чувственное проникновение в тему и пафос предстоящего публичного выступления, представление о форме выступления, несомненно, интуитивно подготовят и определят их логическую мотивировку. Так называемые физические действия оратора на трибуне — явления чаще всего сиюминутные. В этом их свойстве, в этом их временном, движущемся характере, как нам кажется, и содержится их естественность и сила как своеобразного языка чувств. Надо дорожить таким языком и умело пользоваться им!

Остается сказать несколько слов об ораторском голосе. Для слушателей вовсе не безразлично, как звучит голос говорящего с трибуны. Как часто, слушая публичную речь, каждый из нас чувствует, что оратор кричит, а не говорит, форсирует звук, не считаясь не только с конкретным содержанием собственного выступления, но и с величиной зала и количеством слушателей. Неприятен голос хриплый или визгливый, писклявый или трескучий, слабенький, еле слышный. Слушателю бывает трудно отвлечься от звука такого голоса и сосредоточиться на выражаемых мыслях.

Конечно, такой сильный и приятный голос, каким обладает Юрий Левитан, — это счастливый дар природы, ничем не заменимое достояние актера и художественного чтеца, радиотеледиктора и, конечно, оратора. Обладающий хорошим голосом и говорящий содержательно оратор всегда увлечет аудиторию. Приятно слушать хорошо звучащую речь и видеть, как свободно оратор пользуется своим голосом. Благозвучность голоса обогащает те эстетические и художественные элементы или качества ораторской речи, о которых говорилось в предыдущем изложении.

Спору нет, бывает, что человек, ставший профессиональным лектором, не одарен звучным голосом. Но при этих обстоятельствах, очевидно, следует бережливо от-

носиться к своему голосу. Его необходимо развивать и совершенствовать, оберегать голосовые связки и носоглотку, как это делает профессиональный певец. Нельзя забывать об исключительной значимости голоса для оратора. Чистый голос обеспечивает звучность ораторской речи, а звучность — это важный художественный элемент публичного слова. Многовековым опытом красноречия проверено и доказано, что в ораторском искусстве реальный смысл несет не только слово, но и его звучание, его высота и напряженность, тембр голоса: мягкого, теплого, ликующего или грубого, мрачного, просветленного, озабоченного или торжествующего, доверительного или настороженного.

Глава восьмая

Этика в ораторском искусстве

1. МОРАЛЬНЫЕ ФУНКЦИИ КРАСНОРЕЧИЯ

Марксистско-ленинская этика, как и коммунистическая мораль, едина и одинакова в своих принципах и нормах во всех сферах общественных отношений, равно как и в личном или групповом поведении людей. Однако это не означает, что характер этих отношений в сфере конкретного труда не обязывает нас к соблюдению принципов этики и норм морали, объективно вытекающих из сущности и назначения этого труда. Ведь говорим же мы об этике в научной работе, о врачебной этике или об этике в педагогике. И бесспорно, что в каждом отдельном случае в эти понятия вкладывается совершенно конкретное содержание, следовательно, подразумевается совокупность правил и норм, вытекающих из общих принципов нашей общей этики и морали, но возлагающих на ученого, врача и педагога специальные обязательства?

Думается, что ораторское искусство в данном случае не составляет исключения. Это положение очевидно и поэтому не требует особого доказательства. Те свойства и особенно функции искусства публичного слова, ко-

торые в разной степени рассматривались в предыдущих главах, фактически проясняют многие этические и моральные проблемы ораторoведения. В самом деле, трудно говорить о красноречии как социальном явлении, не касаясь его нравственной сущности, или, толкуя о его идеологических основах, забывать о моральных принципах, содержащихся в них. Мораль как «общее» в ораторском искусстве проявляется специфически, поэтому можно сказать о нравственно-особенном в этой сфере духовной деятельности.

Ораторское искусство многофункционально. Но в любом своем виде красноречие неизменно действует и в определенном этическом аспекте, определенным образом выявляет свою нравственную сущность. Не может быть публичного выступления, особенно по социально-политическим проблемам, которое не касалось бы моральных принципов и норм, не утверждало бы тех или иных нравственных идей.

Этическая сущность красноречия заложена в его человековедческой природе. Обращаясь к людям, к их мыслям и чувствам, убеждая их в чем-то и стремясь направить коллективные усилия на конкретные общественные действия, любой оратор выступает и как носитель той или иной морали. Даже ясная гражданская позиция лектора, докладчика или обозревателя есть уже и моральная позиция. Идеологическая же направленность красноречия тем более отражает его этические принципы, выражает его моральную сущность.

Мораль в ораторском искусстве необходимо рассмотреть в двух планах: широком и узком. В первом отношении она может характеризоваться и оцениваться как совокупность утверждаемых нравственных идей, принципов и норм, может оцениваться ее активная морально-воспитательная роль. Следовательно, говоря о многофункциональности советского красноречия, нужно подразумевать и ту большую миссию, которую оно выполняет в пропаганде и утверждении коммунистической морали. В этом призвании наше ораторское искусство принципиально не отличается от художественной литературы и любого другого вида искусства. Очевидно, что по мере развития коммунистической морали и ее роли в развивающемся социалистическом обществе возрастают также нравственные требования к пропаганде вообще, к видам красноречия в частности.

Как известно, в Отчетном докладе XXV съезду КПСС Л. И. Брежнев уделил большое внимание идейно-воспитательной работе Коммунистической партии и в связи с этим обстоятельно говорил об идейно-нравственном воспитании людей, особенно молодежи. Он отмечал необходимость создания в любом коллективе такой нравственной атмосферы, в которой возможна успешная борьба с различными отрицательными явлениями, противоречащими принципам и нормам коммунистической морали. В докладе подчеркивалось, что обязательства, взятые любым трудящимся в социалистическом соревновании, в любом виде работы, — это вместе с тем определенная нравственная норма поведения. Говоря о взаимосвязи роста материального благосостояния народа и принципов коммунистической морали, Л. И. Брежнев выдвинул принципиально важное положение: «Необходимо, однако, чтобы рост материальных возможностей постоянно сопровождался повышением идейно-нравственного и культурного уровня людей. Иначе мы можем получить рецидивы мещанской, мелкобуржуазной психологии. Этого нельзя упускать из виду» [11, 78].

Сформулированные положения весьма важны для ораторского искусства, в частности для любой лекции или беседы по проблемам общественных отношений в нашей стране, культуры и идеологической работы в массах. Несомненно, что тот широкий план этической сущности советского красноречия, о которой уже было сказано выше, обогащается приведенными из Отчетного доклада на XXV съезде КПСС положениями. Их пропаганда сама стала почетной обязанностью каждого причастного к искусству публичного слова.

Что же касается второго, сравнительно узкого плана морали в красноречии, то его можно рассматривать, во-первых, как совокупность нравственных стимулов к определенному труду и, во-вторых, как принципы и нормы самого этого труда в целом. Определяемое идейно-нравственными функциями и, конечно, этической сущностью красноречия, ораторское творчество воплощает субъективное отношение к высокому общественному призванию искусства публичного слова в Советском Союзе, а значит, и к личному труду каждого пропагандиста и агитатора, лектора-общественника и вузовского преподавателя.

Нет надобности подробно говорить, об известной условности различных аспектов морали в ораторском искусстве. Они взаимосвязаны, если не сказать едины. Но мы идем на известную дифференциацию, чтобы сосредоточить свое внимание на вопросах этики ораторского творчества. Думаем, что такая конкретизация вопроса будет естественным развитием мыслей, высказанных в соответствующих главах этой книги о психологии и методе труда в искусстве публичного слова.

На Всесоюзной конференции «В. И. Ленин — выдающийся мастер революционной пропаганды»[1] была выпущена анкета, в которой в числе других вопросов был и такой: «Каковы побудительные мотивы вашей пропагандистской работы?» Большинство опрошенных ответили примерно так: «Осознание нужности обществу». В речах, произносившихся с трибуны большого зала Политехнического музея, ленинское ораторское искусство анализировалось и толковалось как неустанная активная борьба посредством слова за коммунизм. Очевидно, что именно в этой ясной целеустремленности и осознанности и проявляются идейность и партийность советского красноречия, а значит, и его этико-моральные начала и нормы, определяющие этику лектора, пропагандиста и агитатора, обозревателя и политинформатора.

Конечно, хорошо, что понимание жизненной важности ораторского искусства в коммунистическом строительстве руководит теми, кто отдает свои знания и силы этому сложному духовному и интеллектуальному творчеству. Но можно ли утверждать, что этико-нравственные аспекты советского и вообще коммунистического красноречия исчерпываются тем, что его смысл и социально-организующие, идеологические, а также культурно-просветительные функции глубоко и всесторонне осознаны теми, кто регулярно и охотно выступает в роли пропагандиста и агитатора? Дает ли сам факт серьезного отношения к публичному слову моральное право каждому выступать в роли лектора, политического обозревателя или просто информатора?

---

[1] Конференция была созвана правлением Всесоюзного общества «Знание», ЦК ВЛКСМ, АН СССР и состоялась в марте 1969 г. в Москве. См. кн.: Ленин — мастер революционной пропаганды. М., 1971.

Несомненно, что само по себе «осознание нужности обществу» — явление положительное, оно обязывает ко многому, и об этом достаточно подробно говорилось в третьей и четвертой главах данной книги. Но рассматриваемые в них вопросы теперь нужно выделить специально, чтобы прояснить некоторые еще не освещенные этические и моральные аспекты ораторского творчества. Будет правильно начать с главного, определяемого идеологической сущностью красноречия вообще. Этим главным, мы убеждены, является вопрос о правде и правдивости в ораторском искусстве. Не будет преувеличением сказать, что эти категории — пробные камни для любого оратора. Решение вопроса о правде и правдивости с особой силой выявляет классовую природу ораторского искусства, наличие в нем противоположных направлений и целей, а значит, и совершенно разных способов использования возможностей красноречия.

2. ПРАВДА И ПРАВДИВОСТЬ В ОРАТОРСКОМ ИСКУССТВЕ

На собрании генеральных инспекторов министерства просвещения французский министр Э. Фор говорил: «Кто не хочет улучшать положение трудящихся? Этого хотят все, и в особенности... хозяева...».

На пресс-конференции в Сайгоне американский генерал Адамс назвал «просто беспокойной ночью» ночь на 12 мая 1969 г. В эту ночь были совершены успешные налеты южновьетнамских патриотов на 159 оккупированных американской военщиной вьетнамских городов. В эту ночь были разгромлены многие военные базы и штабы армии США.

19 мая 1969 г. в английском парламенте выступил один из наиболее оголтелых реваншистов, тогдашний министр финансов ФРГ Ф. И. Штраус, предлагая создать новый западноевропейский военный блок под названием «оборонительная группировка», которая якобы должна спасти Европу от «угрозы со стороны Советского Союза».

Эти три факта неправды из политической жизни капиталистического мира приведены и прокомментированы журналом «Новое время» (1969, № 22). Но мало

сказать «три неправды», надо выявить конкретный смысл каждой из них. Французский министр убаюкивал бдительность трудящихся, уверяя их, что об улучшении их тяжелого положения заботятся «в особенности хозяева», то есть эксплуататоры трудового народа. Американский генерал разыгрывал спокойствие, чтобы скрыть от мировой общественности скандальные провалы возглавлявшейся им оккупационной армии. А реваншист Штраус, претендовавший на пост канцлера ФРГ, прямо клеветал на Советский Союз.

Перед нами три факта дезинформации и наглой лжи современной буржуазной пропаганды. Это — тоже мораль, определяемая существом, духом и направленностью современного буржуазного красноречия, публицистики и любой формы массовой информации.

Профессор социологии и руководитель кафедры социологии и антропологии Дортмундского колледжа М. Чукис с полным знанием дела в своей книге «Пропаганда становится зрелой» утверждает, что пропаганда (буржуазная. — *Г. А.*) — «орудие манипулирования общественным мнением и социального контроля». Профессор утверждает, что пропаганда должна быть неуловимой и призвана «научно обосновать» любой факт, быть способной «вводить в заблуждение людей», усыплять их. Дезинформация и дезориентация общественного мнения — это давнишняя идеологическая установка и моральный принцип тех институтов «мозговых центров», от которых требуется обрабатывать и, соответственно формировать общественное мнение.

В английском журнале «Диснера» было приведено интервью, данное «лейб-переводчиком» Гитлера Шмидтом. На вопрос: какими средствами нацистский фюрер воздействовал на массы, Шмидт ответил: «Гитлер выдумывал факты и на них обычно строил свои прогнозы и теории». А. Чаковский, приводя этот пример в статье «В погоне за мифами», пишет: «Лично я не думаю, что все факты, которые Гитлер использовал в своих пропагандистских речах, были сплошь выдуманными. На практике все обстояло сложнее. Нередко Гитлер прибегал к полуправде. В этих случаях точнее было бы говорить не об «изобретении» фактов, а об их насквозь лживой интерпретации» [36].

Конечно, и полуправда широко применялась фашистской пропагандой, как это делается и в наше время

всеми буржуазными фабриками «обработки мозгов». Причем полуправда нередко производит более сильное впечатление на значительные слои общества, чем выдуманные факты. Секрет такого психологического эффекта — в наличии хотя бы приблизительной достоверности, которой обычно пользуются исполнители искусства лжи, не останавливающиеся ни перед какими инсинуациями.

Дезинформация, ложь и демагогия, софистика и политиканство — давние и хорошо испытанные средства идеологической деятельности паразитических классов. Не случайно, что термин «пропаганда» в практике многих буржуазных публицистов и оракулов капиталистического мира — синоним дезинформации, обмана народа, шантажа идейных противников.

Все это тоже мораль. Но какая? И чьи ближайшие и дальние интересы она отражает? Она определяется существом, природой и современной империалистической идеологической стратегией, в особенности антикоммунизмом, зоологическим антисоветизмом, звериным страхом перед совершающимися в мире революционными и прогрессивными преобразованиями. Естественно, что питаемая капиталистической действительностью прагматическая философия оправдывает любое средство достижения империалистических вожделений. Это — тоже мораль, обнаруживающая свою истинную классовую сущность. Такая мораль выражает эгоистические интересы и стремления наиболее оголтелых кругов современной империалистической буржуазии, ее расистской и человеконенавистнической политики, тактики и стратегии. Однако мораль, лежащая в основе реакционно-буржуазной пропаганды, выступает как «антимораль», антикоммунизм. Ясно, что естественное и отвечающее общественным интересам требование правды и правдивости для такой пропаганды, и в том числе ораторского искусства, находящегося на службе империализма,— химера, политическая наивность, лицемерие и все что угодно, но не реализм, не «гибкость мышления» и не деловитость.

Полной противоположностью этому явному словесному двуличию является социалистическое, коммунистическое красноречие. Возникшее вместе с теорией и практикой научного коммунизма и действующее как орудие пролетарской революционной борьбы, искусство

публичного слова, как было сказано, явилось новым этапом многовековой истории риторики. Выражая коренные интересы трудящихся, оно не могло быть ложным, искажающим действительность, неправдой или полуправдой. Полная откровенность, стремление выявить истину и как можно полнее разъяснить ее слушателям, освещать явления жизни такими, какие они есть, и добиваться правды во всем — вот чем отличалась ораторская практика К. Маркса и Ф. Энгельса, а также их соратников и единомышленников. Все, кто лично и хорошо знал их, отмечают такие свойства натуры Маркса и Энгельса, как правдивость, честность, прямоту, их ненависть ко всякой лжи. Например, Ф. Кугельман писал, что К. Марксу «были противны всякая ложь, пустословие, хвастовство и лицемерие». В. Либкнехт отмечал, что Маркс был «неспособен носить маску и притворяться... был исключительно правдивым человеком, это была воплощенная правда...». П. Анненков рассказывал, что Маркс разгневался, когда узнал, что В. Вейтлинг часто злоупотреблял «красным словцом», в публичном выступлении мог нафантазировать так, что невольно вводил в заблуждение. Возбуждать людей, говорил Маркс, «не давая... никаких твердых, продуманных оснований для деятельности, значило просто обманывать...» [6, 281]. Таким же непримиримым к неправде был Энгельс. Являя высокие образцы правдивости, основоположники научного коммунизма вместе с тем беспощадно изобличали лживость и демагогичность буржуазно-парламентарного и всякого иного антинародного красноречия. В частности, многие речи Гладстона и Дизраели были высмеяны Марксом за лицемерное краснобайство.

Было бы, однако, ошибкой правдивость публичного слова Маркса и Энгельса, ораторов-коммунистов в целом объяснять только их личными свойствами. Необходимость правды для марксистского красноречия в любом его виде — явление мировоззренческого, идеологического порядка. Такие поиски диктуются диалектико-материалистическим пониманием действительности, познание и толкование которой должны быть истинными, то есть соответствовать ей и быть доказуемы. Что же касается правды, то она — в существе истинного познания, к которому стремится марксизм. Истина и правда — явления и категории однопорядковые, всегда соотносимые с дей-

ствительностью, хотя и не адекватные. Они различаются по характеру и глубине отражения действительности и по степени познавательной силы. Истина находится на уровне общественного сознания и теоретического познания, поэтому рассматривается как философская категория. Правда же может находиться и на уровне обыденного сознания, она, как правило, более предметна, единична, тогда как истина выступает как обобщение.

Искание истины и ее утверждение — требования науки, но они вместе с тем являются условиями нравственности, составляют этический аспект таких поисков. Правда и правдивость нравственны по своему существу, добродетельны. Как свидетельствует история марксистско-ленинского красноречия, правдивость — главный идейный мотив и этический принцип коммунистического ораторского искусства. Определяемая сущностью и духом марксистско-ленинского мировоззрения и его методологией, правдивость публичного слова придает ему силу и убедительность. Правдивость — это соответствие сообщаемого, рассказываемого, описываемого, анализируемого, излагаемого, характеризуемого и оцениваемого тому, о чем думает, а тем более говорит оратор.

Но как всякая истина и правда конкретны, точно так же нравственная сущность их поисков и утверждения исторически определенны. Как нет морали вообще, так нет и не может быть отвлеченных этических принципов истинного познания или моральной нормы правдивости. И то известное толкование нравственности, которое дал В. И. Ленин в своей речи «Задачи союзов молодежи», целиком распространяется и на понимание взаимосвязи истины и нравственности, правдивости и нравственности. Поиски истины и правды всецело подчинены интересам революционного преобразования мира, коммунистическому строительству. Так раскрывается и доказывается классовая сущность той истинности познания и правды, к которой стремится марксизм-ленинизм и чему служит, в частности, наше ораторское искусство.

В. И. Ленин писал: «Нельзя делать иллюзий, создавать себе мифы — материалистическое понимание истории и классовая точка зрения безусловно враждебны этому» [5, 10, 220]. В другом месте он говорил: «...пролетариат нуждается в правде, и нет ничего вреднее для

его дела, как благовидная, благоприличная, обывательская ложь» [5, 39, 97]. Об этом Ленин говорил много раз и по различным поводам, резко критикуя приукрашивание советской действительности, очковтирательство, нередко воплощавшееся во фразеологии и политической трескотне. Ленин не терпел не только пропагандистского и агитационного обмана, но и полуправды в любом деле, а тем более в публичных выступлениях. Он настойчиво повторял, что с народом нужно говорить правдиво не только потому, что правдивость вытекает из нашей диалектико-материалистической идеологии, но и потому, что надо верить в разум народа, в то, что трудящиеся поймут любую правду, какой бы горькой или суровой она ни была.

В. И. Ленин сам в своей разнообразной ораторской практике неизменно давал высочайшие образцы правдивости, искренности и откровенности.

В феврале—марте 1918 г., когда кайзеровские войска угрожали вторжением в пределы нашей страны и захватом огромных территорий, грабежами, контрибуциями, насилием и массовыми убийствами, для молодой Советской Республики создалась смертельная опасность. Нужно было предотвратить эту угрозу, не ввязываться в новую войну с сильным и коварным врагом. Ослабленная годами первой мировой войны, разоренная и голодная, остро нуждавшаяся в прочном и длительном мире, Советская Россия никак не могла противостоять империалистическому нажиму. В такой тяжелой обстановке не было альтернативы и оставалась только одна мера — идти на заведомо невыгодный мир с кайзеровской Германией.

Это была суровая, ничем не смягчаемая тяжелая правда, которую не хотели ни признавать, ни тем более понимать многие даже в составе ЦК партии. Неудивительно, что развернулась борьба «за» и «против» соответствующего мирного договора с империалистической Германией. Троцкий произносил «ни мира, ни войны», а Ленин, непримиримый враг всякой фразеологии, половинчатости и особенно промедления там, где требовались быстрые действия, настаивал на незамедлительном заключении договора.

В своих речах Ленин не скрывал и даже отнюдь не смягчал всей тяжести требований, предъявленных в Бресте противником. Ленин открыто и прямо, но, ра-

зумеется, не без глубоких переживаний говорил об «архитяжком» характере и даже позорности для Советской социалистической республики испрашиваемого мира. Но та суровая правда, с которой выступал Ленин, в его толковании не была безысходной. В правильном, исторически перспективном понимании правды и соответствующих действий Ленин видел единственный выход из трагического положения. Из этой правды Ленин извлекал необходимый урок для партии, Советского государства, народа в целом. Об этом Владимир Ильич писал уже после заключения Брестского договора в статье «Тяжелый, но необходимый урок», в которой добытый мир оценивался как «горький, обидный, тяжелый, — необходимый, полезный, благодетельный урок!» [5, 35, 394]. А этот урок состоял в том, чтобы в труднейших условиях обеспечить экономический подъем страны, налаживать железные дороги, организовать повсеместно строжайшую революционную дисциплину и самодисциплину. Урок состоял также в том, чтобы учиться и готовиться к длительной революционной войне с сильным врагом — капитализмом, уметь защищать социалистическую Советскую Республику [5, 35, 395 и 396].

Перечитывая речи «Очередные задачи Советской власти», «Об обмане народа лозунгами свободы и равенства», а также тексты других устных выступлений Ленина, вновь и вновь убеждаешься в том, что именно суровая правда пролетарского революционера, глубокая убежденность в необходимости такой правды народу способны поднять людей на подвиг. Главное в таком превращении — ясная и твердая позиция оратора, его вера в разум народа, его способность понимать и осознавать самые сложные явления и действовать в духе исторической необходимости.

Конечно, ни истина, ни даже иная простая правда не открываются сами собой, не лежат, так сказать, на поверхности объективной действительности. Истина и правда не конструируются, их нужно искать, к ним надо пробиваться, узнавать, изучать, верно оценить. Здесь уместно напомнить о роли субъективного фактора — им в красноречии является оратор: его эрудиция, мировоззрение и метод, талант и мастерство, а сверх того, нередко и смелость, мужество. В самом деле, можно хорошо знать свой предмет, обладать опытом, хорошо

подготовиться к очередному выступлению, но иной раз смутиться чем-то уже «на публике», невольно прибегнув к неправде.

Вспоминается давний случай. На одном заводе в Ростове-на-Дону после рабочего дня перед работницами выступал пропагандист с рассказом о текущем моменте. Говорил довольно уверенно и как будто убежденно. Его красноречие разворачивалось энергично, пока из зала не прозвучал вопрос: «А за границу советские продукты вывозят?» Время было трудное — тридцатые годы. Докладчик, по всей вероятности, не ожидал такого вопроса и, не задумавшись, ответил: «Нет, не вывозят». В то же мгновение зал будто взорвался. Оказалось, что работницы сами видели погрузку остродефицитных продуктов на суда, для экспорта. Докладчик растерялся, продолжать свою речь он фактически не мог.

Знал ли пропагандист о том, что было хорошо известно работницам? Как выяснилось, знал. Больше того, знал, что это делается для покупки необходимых стране машин. Но почему не сказал правду? Испугался ответственности за правдивость в ответ на законный вопрос или же не доверился «понятливости» собравшихся? Так или иначе, оратор оказался неправдивым и обрек свое выступление на неудачу.

Случаи аналогичного характера бывают и в наше время.

На одном большом семинаре лектору, рассказывавшему о задачах пропаганды, в числе других вопросов был задан такой: «Как сделать, чтобы у нас не было случаев работы «налево»?» Явно удивив аудиторию, лектор спросил: «А что это такое?» Сразу откликнулось несколько голосов: «Нечестная работа на сторону». Лектор ответил что-то невразумительное, он не только не захотел углубиться в разбор одного из негативных явлений жизни, но даже сделал вид, что не понимает, о чем идет речь.

А ведь вопрос был задан к месту, и для лектора возникла хотя и не особенно сложная или «деликатная», а все-таки проблемная ситуация, которую нужно было преодолеть спокойным и убедительным ответом на вопрос, который волновал участника семинара. Деловое отношение к проблемности, если говорить вообще, — мера научно-познавательного значения и вместе с тем

выполнение этического долга, неразрывного со смелостью в публичной речи.

Почему же лектор не посчитался с возникшей ситуацией?

Не беремся точно ответить на это, но можем сказать: такое отношение к выяснению серьезного вопроса отнюдь не свидетельствовало о том, что лектор был последователен в своих суждениях об идейности нашей пропаганды, в частности о принципе правдивости.

Хорошая осведомленность, убежденность — качества советского искусства публичного слова. Правдивость в ораторском искусстве достигается верным отбором типических или характерных фактов, их анализом, правильной классификацией и оценкой. Добротная информация — основа содержательного и интересного публичного выступления. Правдивость и истинность любой публичной речи начинается с достоверности информации. Строго считаться с фактами, объективно представлять и оценивать любое используемое сведение — это не только требование действительно научного познания, но и этический принцип, моральная норма. Недопустимо приукрашивать имеющуюся информацию, выдавать желаемое за действительное. В отборе и верной характеристике информации наука и нравственность неразрывны. Точно так же в любом случае непозволительно искажать чужую точку зрения, в частности цитировать что-то в произвольно «препарированном» виде. Поэтому требование точной интерпретации используемых фактов логично с точки зрения как научности, так и этики. Доказывать какое-то положение на основе верно отобранной, анализируемой и оцениваемой информации — это метод науки и вместе с тем этическая норма.

Бывает и так, что сама методология или методика типологизации информации бывает ненаучной, и тогда характеристика и оценка материала оказываются неверными, а выводы — ложными. Так, например, в одной атеистической лекции рассказывалось о том, как зарубежные церковники пользуются телевидением, радио, магнитофоном и другими средствами современной техники для богослужения. А затем делался вывод о резком и все убыстряющемся ослаблении влияния религии на массы. Но участники обсуждения текста лекции легко, даже на основе приведенных фактов, доказали, что проникновение достижений науки и техники в церков-

ный обиход кое-где не подрывает, а, напротив, укрепляет власть духовенства среди известной части населения. Критики этой лекции справедливо говорили о том, что процесс снижения религиозности — процесс более сложный, противоречивый, чем это представляет лектор.

Надо ли говорить, что эти примеры неправильного или одностороннего толкования фактов ничего общего не имеют ни с поисками действительной истины, ни с тем, что можно охарактеризовать как правду и правдивость. И нет надобности говорить о том, что такое поверхностное или одностороннее отношение к толкуемым в публичном выступлении фактам обусловлено неправильной методологией или методикой. Не будет преувеличением сказать, что верхоглядство можно оценить и с моральной стороны, так как фактически выражает недобросовестное отношение к делу.

Лектору, выступавшему с темой об особенностях ораторского искусства, была подана такая записка: «Правдивость — важнейший принцип нашей пропаганды. Но не затрудняем ли мы свою работу, когда открыто не говорим народу о многих фактах нашей жизни?» К сожалению, в записке не отмечалось, какие «многие факты» имеет в виду ее автор. Но отвечавший был прав, говоря: «Да, есть такие вещи, о которых нельзя распространяться в любом месте, не считаясь со временем и тем, как эти факты могут быть истолкованы. Быть правдивым — вовсе не означает обязательно разглашать любые сведения, относящиеся к теме данного публичного выступления». Существует принцип критического отбора и систематизации информации, которая может стать основой лекции, научного сообщения, доклада. Но существуют материалы, ориентирующие пропагандиста, обозревателя или агитатора, которые пока не могут быть обнародованы. Значит ли это, что выступающий в той или иной аудитории и не сообщающий ей все известное ему по данной теме, тем самым становится неправдивым? Такое умозаключение, конечно, было бы ошибочным. Не разглашать доверенные лектору или группе пропагандистов научно-технические секреты, политические или дипломатические новости и говорить неправду — далеко не одно и то же. Это принципиально разные вещи.

Итак, быть правдивым — первейшая обязанность и долг советского оратора. Но прежде чем говорить о том,

что конкретно означают сами эти обязанности и долг как моральные принципы и нормы, необходимо сперва рассмотреть такое понятие, как право в красноречии.

3. ПРАВО ГОВОРИТЬ И ПРАВО УЧИТЬ

В одной газете была напечатана заметка о том, что инженер-коммунист отказался стать пропагандистом. О мотивах отказа не сообщалось, но за уклонение от выполнения партийного поручения он был подвергнут критике своих товарищей.

Об этой маленькой истории стоит подумать. Мы допускаем, что, сознавая серьезность и личную ответственность за пропагандистскую деятельность, инженер просил не давать ему этого общественного поручения, испытывая страх перед публичным выступлением, страх, хорошо знакомый даже опытным ораторам. Почему же не допустить, что инженер, не обладавший даром речи, а тем более навыками публичных выступлений, не мог одолеть в себе чувства страха? Наконец, он не был склонен к искусству публичного слова, оно было ему «не по душе». Конечно, член партии обязан выполнять любое задание своей организации. Но и партийная организация должна учитывать личные желания и склонности своих членов. Искусство публичного слова — такое дело, которое требует, помимо высшего образования, особого призвания.

Любой советский гражданин имеет право и возможность выступать публично, поделиться своими мыслями и соображениями, посоветовать и предложить что-то. Десятки и сотни тысяч общественников несут живое слово марксизма-ленинизма народным массам, делятся своим опытом и тем активно содействуют всенародному созиданию. Советский Союз — страна массового ораторского искусства, и это — одно из больших завоеваний социализма, неоспоримое достижение великой культурной революции в нашей стране. Однако не следует смешивать юридическое право на свободу слова с правом учить других, которое можно назвать моральным правом.

Многим, очевидно, приходилось слышать на собраниях такое начало речи: «Товарищи, я — не оратор, но

скажу...» или: «Извините, товарищи, говорить я не умею, но расскажу о том, что меня волнует». В таком вступлении к публичному слову вряд ли можно усмотреть что-либо предосудительное. Выступающий на собрании — не лектор, не пропагандист-общественник. Хотя он и излагает свои мысли не совсем гладко, но говорит дельно, по существу, содержательно.

Говорить о чем-то существенном, интересном — значит ориентировать своих слушателей в определенных проблемах или событиях, так, чтобы они сами взволновались, заинтересовались, прониклись мыслями и чувствами лектора или обозревателя. Для этого требуются эрудиция, большая культура и знания.

Если обратиться к такому емкому и сложному виду ораторского искусства, каким является лекция, то можно сказать: она всецело направлена на то, чтобы учить, именно учить слушателей, переубеждать и воспитывать. Вот почему естественно, что требования, которые предъявляются к лектору, очень высоки.

В «Правде» (от 18 марта 1970 г.) была напечатана статья проф. В. Френкеля под названием «Лектор: профессионал или любитель?». Не давая прямого ответа на этот вопрос, автор статьи с полным основанием говорил, что «хороший преподаватель (и общественник-лектор. — *Г. А.*) создает безмерные человеческие ценности и, следовательно, материальные ценности, в то время как посредственный не в состоянии разбудить ум и сердце».

Вот именно: «разбудить ум и сердце»! А это по силам только эрудированному, высококультурному и опытному трибуну, исполненному высокого гуманизма. При этом нам думается, что «профессионал» и «любитель» в ораторском искусстве не исключают друг друга, если под «любителем» подразумевать человека, действительно влюбленного в искусство публичного слова, относящегося к нему с творческим волнением и вдохновением. Красноречие может быть второй профессией общественника-пропагандиста. В таком случае, оно — его любимое дело, постоянное творчество. Но еще лучше, когда искусство публичного слова становится призванием, которое чаще всего обнаруживается в творчестве того «хорошего преподавателя», о котором говорится в статье проф. Френкеля. Лектор непременно выступает как носитель определенной морали, без которой не-

возможно представить «безмерные человеческие ценности». Эта постоянная нравственная линия — в существе советского ораторского искусства.

Поэтому следует сказать, что та культура труда, о которой говорилось раньше, культура, не остающаяся сугубо индивидуальной, а в известной мере становящаяся достоянием других, со всей очевидностью выступает в своем нравственном аспекте. В самом деле, внутренняя собранность и организованность, привычка трудиться с определенным постоянством, всегда имея в виду интересы тех, к кому обращается публичное слово, отражает определенную мораль.

Нравственный смысл и значение имеют убеждения человека, выступающего с трибуны. Конечно, проблема убеждения — идеологическая по своему существу — занимает важное место в психологии любого творчества. Насколько убежден оратор, насколько верит он в жизненность провозглашаемых им лозунгов, положений, — это вопрос принципиальный с точки зрения как идеологической, так и с этико-моральной. Политиканство и неправдивость, неискренность и разглагольствования одинаково противопоказаны красноречию оратора-коммуниста. К. Маркс, Ф. Энгельс неукоснительно претворяли в собственной ораторской практике и пропагандистской работе, которая велась под их руководством в разных странах мира, высокую убежденность, правдивость и принципиальность.

Революционный оратор, не раз писал В. И. Ленин, не может допускать разрыва между словом и делом. Единство слова и дела — это принцип и норма для марксистско-ленинского красноречия. Не будет преувеличением говорить о цельности личности оратора, для которой публичное слово есть серьезное дело, которое необходимо совершать не просто добросовестно, но и с полной отдачей всех своих сил.

4. ТРЕБОВАНИЯ К ЛИЧНОСТИ ОРАТОРА

Этическая категория долга есть чувствуемая и осознаваемая личностью нравственная необходимость выполнения человеческих, гражданских, общественных, патриотических обязанностей. Здесь подразумевается

понимание и выполнение долга в социалистическом обществе. Надо подчеркнуть, что чем шире связи личности с обществом, чем деятельнее проявляется ее натура, тем содержательнее ее долг и тем полнее удовлетворение, которое личность получает от его выполнения.

Какие конкретные обязанности берет на себя, например, международный обозреватель? Во-первых, сообщить о самых интересных событиях (новостях, фактах) последнего времени. Во-вторых, прокомментировать даваемую информацию, оценить ее. В-третьих, рассказать о возможном развитии наиболее значительных событий, освещенных в обзоре.

В прокурорской и адвокатской речах первейшая обязанность — быть объективным, справедливым, всеми силами стремиться к истине, чтобы помочь суду вынести верное решение.

Ученый, представляющий научный доклад, обязан как минимум сообщить слушателям нечто новое, существенное. Это может быть открытием в науке или технике, обобщением исследовательских усилий и их первоначальных результатов или же интересной гипотезой.

Успех публичного слова обеспечивается рядом слагаемых. Такие емкие понятия, как «чувство ответственности» и «добросовестность», среди них первостепенные, ибо отражают множество качественных показателей отношения лектора или пропагандиста к своему труду. И в данном случае несущественно, кто выступает с трибуны — профессионал лектор или любитель пропагандист. Во всех случаях требования коммунистической морали, высокой ответственности перед советским обществом одинаково важны. Иначе говоря, основное условие того, чтобы советскому человеку стать общественным трибуном — публично давать людям знания, — проявляется не только как требование непрерывной профессионализации. Оно действует и как первостепенный этический принцип, как морально-нравственный фактор.

Тщательная подготовка к каждому новому, пусть даже небольшому, выступлению, пусть даже неоднократно прочитанной лекции или обозрению — таково одно из главных требований и норм этики коммунистической пропаганды и агитации.

Под «индивидуальностью» обычно подразумевается совокупность свойств и черт, присущих именно данной

личности. Говоря об ораторской индивидуальности, мы имеем в виду те неповторимые свойства и черты, которые сказываются в определенной оригинальности стиля оратора. Ораторская индивидуальность отражает специфическое дарование и эрудицию, являясь первостепенным условием успеха в искусстве публичного слова. Она стимулируется условиями реальной действительности. Хорошо известно огромное внимание, которое оказывается системе пропаганды и агитации в Советском Союзе. Пропагандистская деятельность весьма почетна в нашем обществе. Талантливый оратор пользуется огромным вниманием и любовью в народе, о нем говорят с большим уважением. Зарекомендовавший себя «интересный лектор» всегда желанен в любой аудитории. И естественно, что такое отношение к нашим лучшим пропагандистам является огромной моральной поддержкой, источником творческого вдохновения.

Однако такое положение таит в себе и определенную опасность — возможность появления отдельных случаев проявления индивидуализма и субъективизма в том случае, если нет самоконтроля, самокритичности. Не будет ошибкой сказать: индивидуальность, выделяющаяся в коллективе, в массе людей, тем богаче и ярче, чем теснее, органичнее ее связи и отношения с массой. Не случайно индивидуальность не только отражает характер коллектива, формирующего ее, но и в известной мере отражает интересы коллектива. Индивидуализм, напротив, обособляет личность от коллектива, противоречит общественным интересам. Порой попадаются, особенно в «дальних краях», «заезжие лекторы-скоростники», как рассказывалось в одном фельетоне, озабоченные лишь одним: количеством оплачиваемых путевок («Правда», 1973, 27 марта). К. С. Станиславский всегда говорил, что настоящий артист должен любить не себя в искусстве, а искусство в себе. Думается, что эти замечательные слова целиком можно отнести к любому лектору и пропагандисту.

Простота и естественность во всем, скромность и общительность — вот те свойства или качества, которые всегда проявлялись в ораторской индивидуальности выдающихся деятелей нашей партии, пропагандистов и агитаторов ленинской школы. Эти свойства проявлялись по-разному, индивидуально, но во всех случаях отражали демократизм и народность, вне которых невоз-

можно представить этику и моральные принципы ораторского искусства нашей страны.

Простота и естественность — нормы красноречия. Особенно недопустимы для лектора зазнайство, неуважительное отношение к слушателям. Неуважение может выражаться в разных формах, например в опоздании к началу публичного выступления, в нарушении установленного регламента, кичливости и амбициозности в поведении на трибуне, в скороговорочных или формальных ответах на вопросы аудитории и т. д. Но самое большое неуважение в данном случае может выражаться в неподготовленности к очередному публичному выступлению.

В поведении лектора сказывается прежде всего его личность, его человеческие качества. А ведь трудно отделить качества пропагандиста от качеств личности, в частности, тяжело видеть, как иной раз «слово» и «дело» у пропагандиста явно расходятся. Тогда подвергаются серьезным испытаниям имя и авторитет пропагандиста. Применительно к лектору-гастролеру невозможно говорить о бескорыстии, о чувстве и верном понимании чести, о выполнении высокого морального долга, доставляющем радость. Труд лектора требует постоянного, напряженного и целеустремленного, честного труда. Дорожить и вместе с тем вдохновляться возможностью и сознанием такого счастья необходимо и потому, что оно — большой и особенно ценный моральный стимул труда в коммунистическом созидании.

Каждый из наших пропагандистов и вузовских преподавателей сознает, что установки XXV партийного съезда на повышение эффективности общественного труда в нашей стране адресованы и к качеству ораторского искусства. Десятая пятилетка есть пятилетка **«эффективности и качества,** — как говорил Л. И. Брежнев. — В этом одна из главных ее особенностей» [11, 44]. Ясно, что эта особенность народнохозяйственной деятельности на современном этапе обязывает и нас, людей идеологического фронта, к повышению качества своего труда.

Красноречие, или ораторское искусство, — продукт исторического развития, орудие идеологии и политики. Общественная направленность, мировоззренческий характер и отстаиваемые идеалы были всегда во всех социально-экономических формациях решающими для ораторского искусства. В наше время лишь истинно демократическое, социалистическое в своей содержательности, идейной направленности и коммунистической партийности красноречие действует как орудие социального прогресса.

Разнообразие и многогранность тематики, многовидовость и многожанровость всегда отличали и отличают советское ораторское искусство, верно отражающее и пропагандирующее великие свершения Советского Союза. Поэтому закономерно, что на всех этапах советского красноречия именно идеология занимала и занимает ведущее и определяющее положение. Красноречие в СССР никогда не было и не могло быть чисто культурническим или просветительским, хотя пропагандировало и культуру, выполняя и просветительные функции. Коммунистическая партийность и идейность всегда определяли дух и направление советского ораторского искусства. Эта бесспорная истина вновь была не только подтверждена, но и обогащена новыми положениями на XXV съезде КПСС.

«Коммунистическая идейность — это сплав знаний, убеж-

дения и практического действия» — таково одно из важных принципиальных положений Отчетного доклада Л. И. Брежнева на партийном съезде [11, 76]. Оно направлено против отвлеченного, оторванного от реальной действительности понимания коммунистической идейности. Коммунистическая идейность и революционное творчество, социалистическое созидание неразрывны, они развивались в диалектической взаимосвязи и иначе не мыслимы.

В Отчетном докладе XXV съезду КПСС было подчеркнуто, что партийные принципы необходимо последовательно соблюдать в любой области нашей деятельности, в теории и на практике. Все средства нашей пропаганды, а значит, и ораторского искусства должны совершенствоваться в духе идейно-политических установок XXV съезда КПСС, в соответствии с практическими задачами во всех областях социалистического строительства. Ясно и другое: первостепенным показателем качества и эффективности ораторского искусства, вдохновляющегося идеями коммунизма, является глубина убедительности. Во всей системе советского красноречия всегда важно и необходимо превращение приобретаемых посредством живого слова знаний в глубокие убеждения. И все, что говорилось в третьей—восьмой главах данной книги, фактически сводилось к одной основной идее: сила любой публичной речи определяется ее убедительностью, а следовательно, и тем, чтобы убежденность оратора в верности развиваемых им мыслей стала также убежденностью слушателей.

Что же это такое убежденность? В одной серьезной книге говорится: «Убедиться — значит познать». Конечно, любое действительное, а не мнимое знание составляет основу убеждения познающего. Но всякое ли, даже верное, знание автоматически означает убеждение или же становится убеждением личности, группы и тем более массы людей? Общественная практика свидетельствует о том, что автоматизма здесь не бывает и быть не может, если мы говорим об убеждении, а не «заразительности» какой-либо идеи, чувства, стремления или же о внушении людям чего-то. Убеждение — это такое узнавание и понимание, которые превращаются в систему установок на действие и — больше того — трансформируются даже в определенные принципы

личности. Знание, не превратившееся в целенаправленные поступки личности (людей вообще), в реальное действие, совершаемое с полным сознанием его общественной необходимости, остается таковым, не становясь убеждением. Убеждение же — один из главнейших стимулов новых практических усилий и стремлений к новым знаниям.

Абсолютно бесспорно такое положение: «Убеждение — психологическая, гносеологическая и идеологическая категория. Она отличается синтетическим характером. В ней слиты воедино такие элементы сознания, как разум, чувства, воля в их непрерывной связи с практикой, вне которой убеждение — звук пустой» [46, 43] [1].

Знание — убеждение — действие составляют диалектическое единство, неразрывное с научным мировоззрением.

Именно такое понимание диалектического взаимодействия верного знания, глубокого убеждения и марксистско-ленинского мировоззрения всегда лежало и продолжает находиться в основе методологии и методики социалистического ораторского искусства. Здесь, очевидно, правомерно говорить об определенном законе, действующем в красноречии, в каждом отдельном выступлении любого пропагандиста. Ясность мировоззренческой направленности и сила убедительности любого публичного слова всегда признавалась и теперь считается первейшим критерием его эффективности, равно — успехов нашей пропаганды в любой ее форме и на всех этапах ее развития, обусловливаемого прогрессом социалистического общества.

Достижения советской пропаганды и агитации неоспоримы, их заслуги перед социалистическим и коммунистическим строительством в нашей стране известны и высоко оценены Коммунистической партией, всем советским народом. Вместе с культурным ростом новой исторической общности — советского народа — и дальнейшим движением нашей страны по пути к коммунизму возрастают требования, предъявляемые к пропа-

---

[1] Об убеждении подробнее см.: Преподавание марксистско-ленинской философии как фактор коммунистического воспитания, гл. I. М., 1974.

пандисту, преподавателю, агитатору и информатору, к дальнейшему развитию и совершенствованию ораторского искусства.

Его жизненность — в коммунистической убежденности и творческой энергии. Его сила — в крепнущих связях с народом, в стремлении быть действенным орудием коммунистического строительства.

Указатель литературы

1. Маркс К. и Энгельс Ф. Об искусстве. М., 1957.
2. Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения.
3. Маркс К. и Энгельс Ф. Из ранних произведений. М., 1956.
4. Энгельс Ф. Филипп Маргенейке. — В кн.: Об ораторском искусстве. М., 1958.
5. Ленин В. И. Полн. собр. соч.
6. Воспоминания о К. Марксе и Ф. Энгельсе. М., 1956.
7. Калинин М. И. Избранные произведения, т. 2. М., 1960.
8. Калинин М. И. О коммунистическом воспитании. М., 1947.
9. Брежнев Л. И. Ленинским курсом. М., 1970—1978.
10. Материалы XXIV съезда КПСС. М., 1972.
11. Материалы XXV съезда КПСС. М., 1976.
12. Адамов Е. А. Выдающиеся ораторы древнего мира и средних веков. М., 1961.
13. Адамян А. А. Статьи об искусстве. М., 1961.
14. Александров Г. Н. Из истории Нюрнбергского процесса. — «Новое время», 1966, № 4.
15. Моруа Андре. Жизнь тревожная и прекрасная. — «Литературная газета», 1966, 30 июня.
16. Античные теории языка и стиля. М., 1936.
17. Аксенов В. Искусство художественного слова. М., 1954.
18. Аристотель. Поэтика. Об искусстве поэзии. Перевод с древнегреческого В. Г. Аппельрота, редакция перевода и комментарии Ф. А. Петровского. М., 1957.
19. Архангельский А. — «Известия», 1965, 14 октября.
20. Белинский В. Г. Общая риторика Н. Кошанского. — Полн. собр. соч., т. 8.
21. Березовская С. С. Как мы выглядим со стороны. — «Литературная газета», 1970, 5 августа.
22. «Вопросы литературы», 1966, № 6.
23. Гегель. Сочинения, т. 4-й. М.,1973.
24. Гибиш Г. и Форверг М. Введение в марксистскую психологию. Пер. с немецкого Т. А. Рябушинской. М., 1972.
25. Гроссман Л. П. Об искусстве лектора. (Б-ка «Искусство лектора»). М., 1970.
26. Анахт Давид (Непобедимый). Определения философии. Сводный критический текст. Перевод с древнеармянского, предисловие и комментарии С. С. Аревшатяна. Ереван, 1960.
27. Демокрит в его фрагментах и свидетельствах древности. Под редакцией и с комментариями Г. Н. Бамеля. М., 1935.
28. Демосфен. Речи. Перевод с греческого. Вступительная статья и примечания С. И. Радцига. М., 1954.
29. Димитров Георгий. Статьи и речи, т. 1. М., 1957.
30. Дейч Александр. Встреча с Луначарским. — «Литературная Россия», 1965, 19 сентября.
31. Егише. История Вартана и Армянской войны. Ереван, 1946 (на армянском языке).
32. Ефимов А. И. О культуре речи. М., 1956.

33. Иоанн Воротнеци. «Анализ» категорий Аристотеля. АН АрмССР. Ереван, 1956, с. 195.
34. «Звучащее слово». — «Известия», 1966, 14 января.
35. «История философии», т. 1. М., 1957 (АН СССР).
36. «Коммунист», 1970, № 11.
37. Колоницкий П. Ф. Атеизм и формирование коммунистической нравственности. М., 1975.
38. Кони А. Ф. Избранные произведения, т. 1. М., 1959.
39. Копнин П. В. Логика научного исследования. М., 1965.
40. «Литературная Россия», 1966, № 33 (189). Перевод К. Симонова.
41. Ломоносов М. В. Полн. собр. соч., т. VII. М., 1952.
42. Луначарская-Розенель Н. Память сердца. М., 1965.
43. Лосев А. Ф., Шестаков В. П. История эстетических категорий. М., 1965.
44. Цицерон Марк Туллий. Речи. М., 1962.
45. Ножин Е. А. Основы советского ораторского искусства. М., 1973.
46. Методика преподавания общественных наук. Изд. 2-е, дополненное. М., 1975.
47. О возвышенном. Перевод статьи и примечания Н. А. Чистякова. М., 1966.
48. Об ораторском искусстве. Составил А. Толмачев. М., 1973.
49. Ответы Н. К. Крупской на анкету Института мозга. — «Литературная газета», 1969, № 20.
50. Панцхава И. Д. Колхидская риторическая школа и ее значение в развитии общественной мысли Грузии. — «Уч. зап. Московского областного пединститута», т. XXXVII. Труды кафедры истории древнего мира. Вып. 2. М., 1953.
51. Памятники армянской агиографии (V—XV вв.). Перевод с древнеармянского. Вступит. статья и примечания К. Тер-Давтян.
52. Папазян Ваграм. Жизнь артиста. Л., 1965.
53. «Политическое самообразование», 1970, № 2.
54. Платон. Теэтет. Перевод с греческого. Примечания В. Сережникова. М., 1936.
55. Раховская Е. Н. Проблемы эффективности устной пропаганды. (Б-ка «Искусство лектора»). М., 1970.
56. Розенталь Д. Э. Культура речи. Изд. 3-е. М., 1964.
57. Семенов С. А. Не теряйте времени. — «Правда», 1966, 1 сентября.
58. «Слово лектора», 1970, № 7, 9.
59. «Советская культура», 1966, 19 мая.
60. Совместная деятельность, а не единоборство. — «Литературная газета», 1970, 8 апреля.
61. Станиславский К. С. Сочинения, т. 3. М., 1955.
62. Спиркин А. Философские основы методики лекционной пропаганды. — «Знание — народу», 1969, № 1.
63. Ярославский Е. М. О стиле, форме и языке агитатора. — В кн.: Об ораторском искусстве. М., 1973.
64. Этюды о лекторах. М., 1974.

Оглавление

Предисловие к третьему изданию 3

Глава первая КЛАССИЧЕСКАЯ РИТОРИКА И ЕЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ СУДЬБЫ 7

1. Античная риторика и ее теория 7
2. Некоторые характерные моменты риторики средних веков 26

Глава вторая ОРАТОРСКОЕ ИСКУССТВО НОВОГО ВРЕМЕНИ 37

1. Развитие и упадок буржуазного красноречия 37
2. Марксизм и новый этап ораторского искусства 45
3. Развитие красноречия в эпоху социалистических революций 55

Глава третья РОДЫ И ВИДЫ ОРАТОРСКОГО ИСКУССТВА 65

1. Основные особенности красноречия . . . 65
2. Ранние классификации красноречия . . . 75
3. Современная классификация красноречия . 80

Глава четвертая СОДЕРЖАНИЕ И ФОРМА ОРАТОРСКОГО ИСКУССТВА 109

1. Первичная информативность в красноречии 109
2. Вторичная информативность и ее место в искусстве слова 118
3. Проблемная ситуация 134
4. Единство содержания и формы красноречия 143

Глава пятая ПСИХОЛОГИЯ В ОРАТОРСКОМ ИСКУССТВЕ 160

1. Предварительные замечания 160
2. Основные особенности психологии ораторского труда 162
3. Культура ораторского труда 165
4. Ораторское искусство как общение . . . 170
5. Наглядность в красноречии 179

Глава шестая МЕТОД И СТИЛЬ В ОРАТОРСКОМ ИСКУССТВЕ 187
1. Метод 187
2. Ораторский стиль 192
3. Эмоциональное и чувственное в красноречии 198
4. Талант и вдохновение 205

Глава седьмая СЛОВО И ДЕЙСТВИЕ 212
1. Звучащее слово как общая форма и главное орудие красноречия 212
2. Чистота речи как первое требование ее культуры 219
3. Культура речи 225
4. Художественность ораторской речи . . . 232
5. Поза, жест и мимика оратора 244

Глава восьмая ЭТИКА В ОРАТОРСКОМ ИСКУССТВЕ . . 251
1. Моральные функции красноречия 251
2. Правда и правдивость в ораторском искусстве 255
3. Право говорить и право учить 265
4. Требования к личности оратора 267

Заключение 271

Указатель литературы 275

ГРАНТ ЗАХАРОВИЧ АПРЕСЯН

ОРАТОРСКОЕ ИСКУССТВО

Издание третье, переработанное и дополненное

Зав. редакцией *Г. С. Ливанова*

Редактор *Т. М. Пронкина*

Художественный редактор *Л. В. Мухина*

Художник *В. В. Гарбузов*

Технический редактор *З. С. Кондрашова*

Корректоры *Н. И. Коновалова, С. Ф. Будаева*

БЗ № 76—16—77
НБ № 380

Сдано в набор 22.07.77.
Подписано к печати 11.10.78.
Л-115642. Формат 84×108¹/₃₂
Бумага тип. № 3.
Гарнитура литературная.
Высокая печать
Физ. печ. л. 8,75.

Усл. печ. л. 14,7.
Уч.-изд. л. 14,98.
Тираж 30 000 экз. Зак. 196.
Цена 1 р. 20 к. Изд. № 3106

Издательство
Московского университета.
Москва, К-9, ул. Герцена, 5/7
Типография Изд-ва МГУ.
Москва, Ленинские горы